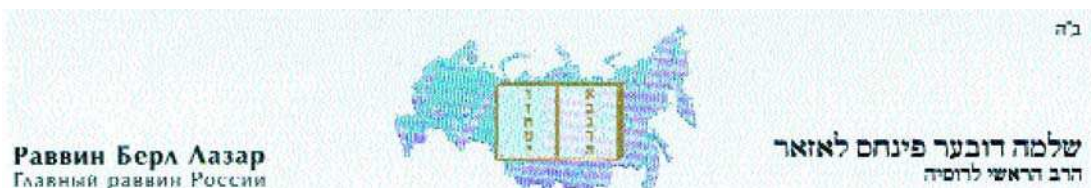

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

МАРТ
2003

АДАР 5763

№ 3(131)

ÂÎ ÈÏ Β × ÂÃÎ ÆÈÁÀÏ

ÈðÏ-òÏ ï á-òááò çàðááíòáàòÛ áíèÛòèá ááíÛè, ÷òíáú ùááòèèÏ íá áñþ æèçíÛ - è òíááà ï áðááíòáàòÛ ðááíòáàòÛ èáí á òíÏ ùèá í á ááááò ï ùèáÛ. Áðááè òòáðááòÛ ðááíòáàòÛ èáè ï íæíí áíèÛòá, è òèíèÛèí áú í è áúèí ááí áá- áú ï áèí áí è òðáá òòáííáèòÛ òú ïòáèÛþ æé-ííá òðááíáèèèá. Íí í á íáá ÿè è ðòáííáèè - èáè è í á áñ! - áúòÛ ïòááò á Õòáò øáúòÛ áíáè òðááèíÛ, à òááÛ í è - ïòááòáè ïí ï òèí áðá ðáíòáá. Íí áèÿ òíá è òçááè íáñ ïíòááèá íáí çááá-ó - íááòáíí òðááèòÛÿ è òçéááòÛ øáúòÛ áíáè áèÿ òíá, ÷òíáú ááíÛ òááÛ í è ïðááíòáàòÛ á èðáá òááè òú ùè. Õáè ÿòó çáííááú ðááíòíèèíáèè í áøè ï áðááòÛ á Õáèí ááá: ÷áííáè ðíáèòÛÿ í á òíèÛèí áèÿ òíá, ÷òíáú çàðáááòÛáàòÛ, íí ÷òíáú ááí æèçíÛ áúèá ï ðáááí í è. Íí òðèí æá, èáè áíèÛòèí òòáí èç í áñ æèááò òáááíÿ?

Увы! - немало среди нас таких, у кого центр жизни уже давно не семья, а работа. И все чаще бывает, когда таких людей спрашивают: как они живут? - вместо ответа о родителях, семье, детях получают исключительно сведения об их работе. Друзья, встречаясь, часами твердят тоже лишь о своих трудовых заботах, совсем забыв об окружающем мире, обо всем важном в жизни, и ни слова - о семьях! Как же так вышло?

Было время, когда в каждом доме вели хозяйство, оно одевало, кормило. Но изменилась жизнь, и ныне глава семьи вынужден уже вне дома искать работу, приносить деньги, а на них жена ведет домашнее хозяйство. Потому-то немало мужей, отцов, у которых из-за работы не остается времени для семьи. Труд стал им важнее семейной жизни, бывшей прежде ее стимулом. Такие не понимают, ради чего все их труды, что главное - семья, где тот работник нужен куда больше как отец, муж. Да и жены, матери доказывают свое равноправие тем, что работают вне семьи. Потому-то дети и остаются, по сути, без родителей, а жена - без мужа, или муж - без жены. Так искажается цель заповеди: работа - для семьи. Все это ломает традиционный уклад еврейского дома и иногда приводит к разводам.

Нужно, чтобы женщины исполняли главную свою миссию - были матерями и женами, так же как и мы - отцами и мужьями: Но пока что дети ведь видят родителей все реже - у тех «нет времени». И разрушается уклад еврейской семьи: порой уже нет уважения к старшим, что готовы передать жизненный опыт. Искажено и понятие «вкладывать в детей»: часто отец - лишь банк, отчисляющий на их содержание. Традиционная в нашем народе духовная связь рвется: дедушка, не уважаемый сыном, - знак внуку, что не нужно почитать отца: «Если папа не уважает своего папу, - почему я их должен уважать?» И нет дома семейной жизни, бывшей прежде главной целью труда. Что осталось? Труд ради работы, ради денег? ...Бедняк-одессит как-то узнал: в далекой стране алмазы валяются на земле, как камни. И он решил испытать судьбу. Добравшись до той страны, он действительно увидел россыпи алмазов, и ринулся их собирать. Утомясь, снял роскошный номер, заказал шикарный обед. А при расплате протянул официанту алмаз: «сдачи не надо».

- Ты камнем хочешь расплатиться? - обомлел официант.
- Но ведь эта драгоценность стоит сумасшедших денег! - завопил одессит.
- Да этакого-то добра у нас - как песка. Драгоценен у нас лишь куриный жир, - огорошил его официант.

Пришлось отработывать и обед, и роскошную гостиницу, и вот спустя время он зарабатывал все больше, открыл свой бизнес -торговлю куриным жиром. Разбогатев, наконец-то вспомнил о семье и решил: пора домой. Встречать вышла вся родня. Яхта причалила, и всех затошнило от резкого запаха.

- Чем это так разит? - спросили его.
- Моя яхта полным-полна куриным жиром - так я разбогател! - ответил «счастливец».
- А где же алмазы, ведь за ними ты плавал? - удивилась жена. И услышала:
- Алмазы там - как песок. Вот куриный жир - это богатство.
- Ты же совсем забыл о цели, ну зачем ты повез этого... - плакала жена.

В конце концов, на яхте нашелся один маленький алмаз, и, продав его и яхту, семья встала на ноги.

...Мы приходим в мир, чтобы воспитать детей - наше богатство, данное Б-гом. Но вместо того многие лишь «вкальвают». И спустя годы, возвратясь домой, видят: семья - в разброде. В итоге трудов вместо алмазов - куриный жир?!

Жизнь полноценных людей - семейная. Богатство - не деньги: часто ведь именно от них больше проблем, чем удовольствий. Деньги, труды - для того, чтобы седьмой день, день отдыха, быть с семьей. День этот и есть цель шести остальных - рабочих. Еврейский дом всегда оставался островком радости и любви, умиротворения, уюта, тепла и почитания друг друга. И осознать, что -главное. К сожалению, нарастающий темп труда, конкуренция и погоня за богатством съедают все время, у многих напрочь отбивая остальные интересы и удовольствия бытия.

...Человек торговал калошами, дело шло: он построил свой завод и все более богател. Как-то раввин спросил его: как он живет?

- Я самый богатый в местечке, у меня полтысячи горожан делают калоши!
- А как дом, как семья, дети? - прервал его раввин.

- В доме хозяйничает кухарка, жена ведь тоже на заводе, а с детьми учителя, - отмахнулся он. - Вот у меня новые модели калош...

Раввин прервал его вновь:

- Ноги в калошах я видел часто. Но ведь это же беда, что у вас в калошах - голова! Разве для этого мы живем?

Давайте же вернем наши головы на место, предназначенное им Творцом.

Áëààí úé ðàààéí Ðíííé Ááðé Éàçð

Трапеза в Шабос

В Талмуде перечислено 39 видов «творческой работы», которой запрещено заниматься в Шабос. Список этот «выводится» на том основании, что в Торе заповедь прекращать в Шабос всякую работу дана в контексте подробных указаний. К примеру, как возвести Мишкан, что призван служить евреям святилищем во время их скитаний в пустыне (Шмойс, 31 и 35). Талмуд поясняет, что из этого контекста мы постигаем, какие из видов активности образуют мелоха.

Так, всякое творческое действие, связанное с возведением скинии, олицетворяет тот или иной вид работ, которые нельзя исполнять в Шабос (Талмуд, Шабос, 49б). Например, вываривали травы, чтобы выкрасить полосы для покрывал на шатер, - а потому в Шабос и запрещено кипятить, готовить, печь или как-то иначе нагревать на огне физические объекты, чтобы вызвать их трансформацию.

Такая «косвенная» манера сообщения о том, какие именно виды работ запрещены в Шабос, связана не только с тем, что Тора крайне экономно использует слова. В сущности, работа, которой мы заняты шесть дней в неделю и от коей воздерживаемся в Шабос, - это работа по возведению Мишкана.

«И построят Мне святилище, и Я буду обитать среди них» - полсотни различных материалов (золото, серебро, шкуры животных и т.д. были использованы при постройке дома Б-га [Шмойс, 25:8]). Такова же и миссия человека в этой жизни: преобразить свое материальное «я» и все, что его окружает, в «обитель Б-га», в святилище, где явлено присутствие Его реальности (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 16).

Однако работы, связанные с возведением скинии, - работы, выполняемые в течение шести обычных дней недели и приостанавливаемые в Шабос. Это вовсе не значит, что Шабос становится перерывом в нашем служении Всемогущему. Наоборот: Шабос - святой день, день для духовного воспарения и установления более глубокой связи с Б-гом. Разница заключена в том, как именно мы Ему служим. В течение шести дней недели мы стараемся изменить мир, преобразить наши физические усилия и ресурсы в «Мишкан», чтобы служить Ему и выражать через то Б-га. Но в Шабос мы оставляем стремление изменить реальность; вместо этого мы принимаем к миру как он есть.

Пример, явственно показывающий это различие, заключен в особом понимании физического удовольствия, когда оно связано с Шабосом. Так, в течение недели мы едим для того, чтобы преобразовать полученную с пищей энергию в силы для служения Б-гу. Материальная субстанция пищи и сам акт ее принятия преобразуются: они переходят в энергию, находящую потом вы-

ход в помощи нуждающимся, в молитвенном рвении, в сосредоточенности сознания, изучающего Б-жественную мудрость Торы. С другой стороны, поглощение пищи только во имя получения физического удовольствия - не созидательно, лишено какого-либо присутствия святости. Вместо того чтобы растворять материальное в более тонком, что связано с духовным порядком мира, такое отношение к трапезе лишь глубже погружает нас в «болото» нашей самости. И это отдаляет нас - и ту материальную среду, в которой мы находимся, - от той трансформации, которая и есть цель нашего пребывания в этом мире.

В Шабос же получение удовольствия во имя удовольствия заповедано нам в мицве - именно в этом состоит исполнение воли Б-га. В Шабос нет нужды преобразовывать физическое в нечто, что служит духовному порядку вещей. Получение удовольствия от материального мира само есть акт освящения материального. И в акте этом находит выражение то, что в основе нашего существования лежит Б-жественное.

Что же происходит в Шабос, если наше отношение к миру меняется столь серьезно? Чтобы понять это, нужно еще раз задуматься о природе «работы» и «отдыха» Б-га в течение семи дней творения.

Эманация и вбирание в Себя

Хасидское учение сравнивает «отдых» Б-га в Шабос с тем, что испытывает художник, закончив свое произведение (Тора Ор, с. 65). Пока он делает эту работу, вся его дерзость и жизненные силы отданы ей; он может чувствовать, как, опустошая его, энергия души перетекает в создаваемое им творение. Но, когда дело закончено, приходит конец этой эманации сознания и таланта - теперь творец ощущает «возврат» творческих сил и новое соединение с его сущностью.

Этот образ можно распространить на Б-га. Ведь шесть дней недели (любой недели, ибо творение есть постольку, поскольку Б-г постоянно вовлечен в наше существование, и лишь благодаря этому мы наделены бытием и жизнью) Б-г изливает Свою творческую силу на мир. В Шабос эта эманация приостанавливается, и «поток» меняет свое направление, устремляясь не от Б-га, но к Б-гу. Это представление подкреплено словом вайнофаш («и пребывал [Он] в покое») в цитированном выше стихе; вайнофаш буквально значит «и Его душа вернулась к Нему», как комментирует этот стих Раши.

Есть, однако, существенная разница между тем, как вбирает в себя итог своих творческих усилий художник и как вбирает в Себя творческую энергию Б-г. Когда художник вбирает в себя выплеснутый им творческий импульс, созданная работа пребывает отдельно, сама по себе, - творение более не зависит от создателя. Когда же Б-г вбирает в Себя эмануемый Им поток энергии, вместе с ним Он вбирает в Себя и сотворенное. Работа художника - результат эманации творческого импульса. Творение Б-га - сама эта эманация. Б-г не использует уже существовавшие до Его акта творения холст и краски, преобразуя их Своей творческой энергией в нечто иное; то, что мы воспринимаем в качестве реальности, и есть творческая энергия Б-га.

Вот почему Тора описывает сотворение мира как речевой акт («Сказал Всесильный "Да будет свет" и стал свет»). Это не значит, что слова Б-га вызвали к бытию нечто, отличное от них, - например то, что мы называем «светом», то есть воспринимаемое нами как свет есть слова Б-га «Да будет свет». Описывая творение как «высказывания» Б-га, Тора тем самым обозначает для нас некую реальность. Речь, в отличие от мысли, - эманация идеи, ее выплеск вовне. А что есть мир? Он - высказывание Б-га -эманация Б-гом Его творческой силы.

Заметим, что сказанное относится к миру шести дней творения, шести рабочих дней. В Шабос «поток» возвращается к Б-гу, высказанное - к несказуемому. Мир Шабо-са - не мир Б-жественного высказывания, но мир Б-жественного сознания. В этот день все существует в Б-ге и ничто - «вне» Б-га.

Вот почему в Шабос мир «ближе к святости». Если бы произведение Б-га «оставалось само по себе», когда Он вбирает обратно Свою творческую энергию, тогда бы предлагаемая нами пропозиция была абсолютно точна: мир был бы отделен от Б-га. Но Шабос - не отход Б-га от мира, но отход мира к Б-гу. Шабос - «святой» день потому, что в этот день сотворенное бытие вновь растворяется в своем Б-жественном источке.

Поэтому в течение шести дней недели мы трудимся, чтобы превратить мир в «обитель Б-га». Конечно же, мир - не нечто, существующее отдельно от Б-га, и конечно же, он не обладает статусом независимого от Б-га существования: мир есть лишь длящееся «высказывание» Б-га. Поэтому все наши усилия направлены на то, чтобы изгнать из мира иллюзию его «самости». Мы пытаемся выявить в мире ту истину, что ни одна сущность не существует сама для себя. Нет, она для того, чтобы служить высшей истине.

В Шабос же Б-г перестает «высказывать» мир. В этот день Он относится к миру как к сущности, целиком включенной в Его всеохватывающую реальность. Соответственно, меняется и фокус восприятия мира на человеческом уровне: задача состоит в том, чтобы показать единство всего сущего, как оно есть в гармоничном единении с Творцом.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

В свете сказанного мы пойдем глубинное значение мелехи, упомянутой в Талмуде последней: почему запрещено перемещать объекты из ареала «частной» жизни в ареал жизни «общественной». (Поясним, что под «ареалом частной жизни» мы понимаем закрытое пространство - дом, или огороженный двор, а «ареал общественной жизни» -открытое для всех пространство: улица или площадь.)

На первый взгляд такого рода «работу» нельзя расценивать как имеющую отношение к мелеха. Остальные 38 видов работ -письмо, строительство, разведение огня -являются деятельностью, которая, несомненно, приводит к изменениям в физическом состоянии самого объекта. Но - что изменяется в самом объекте, когда мы переносим его с места на место? Ведь, казалось бы, перемена затрагивает не объект, а только его местоположение. Сам объект не меняется - разве что меняется его статус: если он использовался раньше для каких-то частных нужд, то теперь его можно использовать для нужд общественных и наоборот.

В силу этого мудрецы рассматривали «перемещение» как «слабую мелеху» (см. Тойсфойс, Шабос, 96б и Эрувин, 17б). Однако в талмудическом трактате Шабос сначала рассматриваются законы, определяющие статус того или иного ареала жизни и запрещающие перемещение объектов между этими пространствами. И этот запрет на перемещение объектов из одного пространства в качественно другое составляет саму сердцевину Шабоса и того, о чем говорится в трактате.

В течение недели мир как бы разделен на две области: первая - то, что существует как интегрированное в «частное пространство» Единого Б-га, и вторая - все, что еще принадлежит «общественному пространству» раздробленного, «плюралистического» «внешнего» мира.

С одной стороны, некоторые аспекты нашей жизни преобразены таким образом, что они стали «святыищем», где явлено присутствие Б-га. Это - наши таланты и ресурсы, которые мы направили на службу Ему: они тем самым преобразились и выражают Его исполненную единства реальность. С другой стороны, сколь же многое в нас все еще «пребывает на улице» - все еще не очищено и не одухотворено, все еще - «вне» своего Б-жественного источника.

В течение всей недели наш долг «осуществлять перемещение предметов». Мы стараемся перенести какие-то сущности из области общественного, где властвует суетность, в священный уголок нашей жизни.

Туда, где сконцентрировано все, имеющее отношение к «частному пространству» Б-га. Мы также ищем способ оделить «внешний мир» многим из того, что пребывает во «внутреннем пространстве», дать этому миру материального существования почувствовать, что есть святость.

В Шабос же есть только одна реальность: творение становится частью «внутреннего пространства» Всемогущего. И смысл Шабоса в том, чтобы реализовать эту истину в жизни. Попытки изменить реальность - даже во имя служения Б-гу - нарушение порядка, присущего Шабосу, ибо любое такое действие подразумевает, что с миром обращаются так, будто он пребывает вне Б-га.

Иными словами, все 39 видов мелочи по сути своей есть «перемещение предметов»: занятие творческой работой в Шабос - даже занятие святым делом возведения скинии - есть соучастие во лжи «общественного» в святой день, отданный сугубо частному. Поступающий таким образом изымает нечто из частного пространства Б-га и, «выставляя это нечто на улицу», профанирует его, оскверняя воздухом ежедневной мирской суеты.

В этом - глубинный смысл ивритского термина хилул Шабос, «осквернение Шабоса». Слово халал («осквернять») также означает «опустошать». Ибо, совершая какую-либо работу в Шабос, человек тем самым порождает пустоты внутри пространства, принадлежащего Б-гу, создавая в своем восприятии и поведении области, не пронизанные всеобъемлющим присутствием Б-га.

Шабос есть стремление выразить в этот день истинную природу всего сущего, какова она есть. Это - возможность прожить 24 часа в осознании истины, что все творение - это область, принадлежащая Б-гу и в Нем пребывающая.

חֹרֵי הַבְּיָמוֹת, אֶל-חֹרֵי-יָאֵל

Турносруф спросил рабби Акиву: «Если Б-г почитает Шабос, тогда Он не должен позволять в этот день дуть ветру, не должен позволять дождю падать на землю, а траве -расти!» Рабби Акива ответил: «Если два человека живут в одном дворе, но при этом ими не совершен обряд положения эйрува, разве им разрешено вносить что-то во двор? Но если во дворе живет лишь один человек, он распоряжается в огороженном пространстве двора по своему желанию. То же верно и в отношении Б-га: ведь нет иной власти кроме Его власти, ведь мир - всецело Его, и Он свободен распоряжаться в мире» (Брейшис Раба, 11:6).

Казалось бы, рабби Акива отвечает не совсем на тот вопрос, который был задан Турносруфом. Ведь, в самом деле, рабби Акива разъясняет, почему Б-гу «разрешено» в Шабос перемещать сущности в пространстве мироздания, хотя законы Шабоса оговаривают, что в этот день можно заниматься далеко не всякой деятельностью. Но как быть с другими видами «работ», исполняемых Б-гом? Разрешено ли поливать в Ша-бос газон у себя во дворе?

Эйрув

В Шабос действует запрет переносить какой-либо предмет из частного владения в общее (то есть-из жилища на улицу и т.д.) и наоборот. «Частное владение» - некая ограниченная, закрытая территория: дом, дворик и т.д. А «общественное владение» - место, открытое для всех: улица, площадь и пр.

Но есть и еще одна категория: территория, физически соответствующая понятию «частного владения», но функционально выполняющая роль «общественного владения». Таковы, например, закрытый двор, в котором стоит несколько домов, или же коридоры и холлы многоквартирного дома. В этом случае тоже запрещено выносить предметы за границы соответствующей территории.

Однако предусмотрена процедура, совершив которую, можно и в Шабос занять чашку сахара у соседей, живущих в квартире под вами, или, отправляясь гулять в парке, взять с собой ключ от дома или детскую коляску. Эта процедура называется эйрув, и законы, с ней связанные, изложены в отдельном трактате Талмуда.

Как действует эйрув? Прежде всего: чтобы соответствующая территория обрела статус единого целого, ее надо обнести физической границей. Так, тонкая проволока, натянутая на столбах, превращает улицу, район или даже целый город в частное владение (в алохическом понимании термина). Затем надо особым образом подчеркнуть отличие данной территории от общественного владения. Это достигается тем, что берется буханка хлеба, считающаяся общей собственностью всех живущих в очерченных пределах, и помещается в чьм-то доме или квартире. И так как теперь у живущих во всех этих домах и квартирах (потенциально) есть пища, ожидающая их в одном месте, то с точки зрения закона все эти жилища выступают как единое частное владение. Отсюда и происхождение алохического термина эйрув - он

означает «соединение» или «смешение»: многообразные частные владения в пределах «огороженной» территории объединяются в один частный ареал.

Чем же именно является эйрув? Не уловкой ли, сформулированной изощренными законниками-талмудистами? Не пытаемся ли мы «перехитрить» Б-га? Почему, если в Б-жественном Законе сказано, что мы не должны переносить что-либо из одного владения в другое, мудрецами предусмотрен способ, открывающий технические возможности для такого переноса?

Однако эйрув - не лазейка в Законе. Законы Торы не только «санкционируют» обращение к практике эйрув, но подчеркивают, что «данная мицва призвана соблюдать [исполнение] как эйрув для двора, так и другого рода эйрув для улиц» (см. Кодекс еврейских законов, Орах Хаим, 395). На самом деле, на глубинном уровне исполнение эйрув связано с сущностью и предназначением Шабоса.

יְאֹדָאִי הִנֵּה יְדָאִי אֲדֹאֵאִי עֵא

Хасидское учение объясняет глубинный смысл запрета переносить в Шабос что-либо из частного владения в пределы владения общественного и наоборот. В течение рабочей недели мир можно представить как бы разделенным на две зоны: а) сущности, составляющие неотъемлемую часть «частного владения» Единого, и б) то, что принадлежит «общественному владению», пребывая в нашем, расколотом на фрагменты мире.

В конечном итоге, «Г-сподня земля и что наполняет ее» (Теплим, 24:1). Но Создатель решил вдохнуть в наш мир ощущение множественности и отделенности от истока. Из-за этого физическая реальность кажется чем-то внешним и отдельным от ее Создателя: «общим владением» противоречивых сил и сущностей.

Таков мир, в котором мы пребываем шесть дней в неделю: мир, разделенный между священным и профанным. Некая часть нашей жизни отдана усилиям, связанным с Б-жественным: мы обращаемся к Б-гу с молитвой, тем самым устанавливая с Ним контакт, мы изучаем Его мудрость, открытую нам в Торе, мы исполняем Его волю, соблюдая мицвоис. Это тот уголок нашей жизни, который целиком и полностью отдан Б-гу как Его владение. Однако предполагается, что остальное время, энергию и ресурсы мы отдаем участию в материальной жизни, погружаясь в ее многоликость.

В той жизни, которую мы ведем в течение шести рабочих дней недели, мы заняты тем, что перемещаем сущности из одного «владения» в другое. С одной стороны, заимствуем какие-то сущности из области, находящейся в «общем владении» и адаптируем их в качестве неотъемлемой части того уголка нашей жизни, что принадлежит исключительно Б-гу (примером такого «переноса» могут служить кусок обычной кожи, превращенный втфилин, или монета, пожертвованная на благотворительные цели). С другой стороны, мы стремимся внести хотя бы частицу той святости, что наполняет сферу Б-жественного, во «внешний», подлунный мир. Так, например, личный бизнес, принадлежа с сфере профанного и «общественного», испытывает на себе серьезное влияние «частных» измерений нашей жизни: ведение бизнеса подразумевает высокие моральные стандарты, значительная часть получаемых таким образом доходов направляется на благотворительность; по сути же, сама функция бизнеса - поддерживать благочестивые устремления человека, им занятого.

В Шабос же мы соприкасаемся с самой сущностью реальности. Шабос - день, когда весь мир становится ближе к святости: завеса материальности делается прозрачной, и суть мира как бы проступает сквозь ен облик. В Шабос мы прозреваем за навязываемым нам повседневностью образом мира как самостоятельной и многообразной реальностью нечто иное. Наша жизнь, наше поведение в этот день ориентированы на признание той истины, что, по сути, ничто не может существовать, не будучи частью владений Б-га. И поэтому мы отказываемся от того, чтобы перемещать сущности из одного «владения» в другое, а вместо этого пытаемся всем укладом такого дня выразить тот факт, что мир в самой сути своей принадлежит одному только Всемогущему.

אִי אֵעֵאֵאֵאֵ עֵא

И в этом кроется глубинное значение запрета переносить какой-либо предмет из частного владения в общее и наоборот. В Шабос запрещено как бы то ни было улучшать или преобразовывать материальное существование, будь эти действия направлены на то, чтобы «внести» какой-либо элемент, принадлежащий миру материальности, в сферу святости или же, наоборот, «вынести» нечто принадлежащее этой сфере в материальный мир. Любая попытка в этом направлении будет нарушением Шабоса. Ибо такая попытка означала бы, что поступающий соответствующим образом предполагает, будто мир отделен от Творца и является чем-то внешним по отношению к Нему. Иными словами, любой шаг, сделанный нами в направлении того, как мы служим Б-гу в течение шести рабочих дней недели, запрещен в Шабос. Шесть дней в неделю мы изменяем мир. А Шабос - это время, данное нам, чтобы мы постигли внутренне присущую этому миру святость. Чтобы мы почувствовали: каждый аспект мироздания имеет отношение к «частному владению» Б-га.

И это объясняет ответ рабби Акивы Тур-носруфу. По своей сути заповедь, требующая от нас оставить в Шабос всякую работу, носит охранительный характер - она защищает нераздельную целостность «частного владения». Для Б-га нет понятия, что некая сущность может быть «изъята из частного владения или, наоборот, привнесена в границы этого владения». Ибо ведь не только все сущее есть единственно Он, но, из Б-жественной перспективы, не может быть никакого иного владения, которое принадлежало бы «многим», являясь их общей собственностью. Все, что Он «вносит» в наш мир, есть лишь перемещение внутри Его частного владения. И любое «изменение» в нашем мире, совершаемое Им в Шабос, - не «преобразование» и не «перенос», ибо целокупность сущего включена во всеобъемлющую реальность Б-га.

С точки зрения Б-га, объясняет рабби Акива, нет никакого общественного владения, как нет и владения, которое «кажется общественным, являясь при этом частным», - того владения, в отношении которого совершается эйрув. Это только с нашей точки зрения и для нас возможно нарушение Шабоса. Ибо мы живем в реальности, претендующей на то, чтобы быть внешней по отношению к Создателю и при том - многоликой.

Для нас Шабос - способ выразить истинную природу существования: в течение 24 часов прожить с осознанием истины, что все творение есть частное владение Б-га. Для нас совершать какую-либо творческую работу в Шабос, значит питать иллюзию, будто возможно существование вне Б-га. Для Б-га же этой иллюзии просто не существует.

Ááéñò áéá jéðíáá

Уравнивая запрет работать в Шабос с запретом переносить что бы то ни было из одного владения в другое, рабби Акива намеренно говорит о дворе, на который не распространяется действие эйрува, а не об «общественном владении». Этим он дает

понять, что на самом деле никакого «общественного владения» просто не существует - есть лишь то, что таковым кажется. Нет и такого уголка мироздания, который был бы вне Всемогущего. А есть лишь области, где реальность внешне кажется обладающей той или иной толикой автономии.

Функция Шабоса заключается в том, чтобы охватить эйрувом кажущееся общественным, но по сути своей «частное владение», которым является материальный мир. Он призван интегрировать внешне разъединенные силы в единое выражение: нет ничего, что не покоилось бы в Б-ге. Дабы проявить с предельной ясностью в нашем мире факт: единственным владельцем всего сущего является Б-г. То есть уравнивать нашу точку зрения на мир с восприятием Самого Творца.

Таким образом, сегодня переживание Шабоса дает нам всего лишь почувствовать

«вкус», что «Шабос великий и святой, потому что день этот свят перед Тобой, чтобы отдыхать в него и покоиться в любви», как повторяем мы в субботнем прибавлении к благословию после трапезы. И это в полной мере извеедем мы с приходом эры Мо-шиаха. Ныне мы делаем Б-жественную частность Шабоса реальностью, присутствующей в нашей индивидуальной жизни и в жизни нашей коммуны. Но при том мы пребываем внутри шести «рабочих дней» истории, каждый из которых равен тысячелетию. Пребываем в мире, который вне субботнего дня и продолжает казаться отделенным от Б-га, и разрываем разнородными силами. В седьмом тысячелетии, когда «явится слава Г-сподня и узрит всякая плоть, что уста Г-сподни изрекли это» (Ишаяу, 40:5), истинная природа реальности будет явлена во «плоти», - в самом физическом проявлении этого мира.

í éóááé

ÁÉÀÑÒÛ ÈÍ ÁÈÁÈÁÓÁËÛÍ ÎÑÒÈ Í ÐÍ ÒÈÁÍ ÐÁ × ÈÁ È ÑÍ ÁÈÀÑÈÁ

Èáéíáí èñò èí ííá çí á:áí èá áñjéíé èí áéáéáóáëúí ñò è?

Ñ íáííé ñòíðíú, íáúáñòáí ñéíííí íðáááé:éáòú çíá:áí èá «j», çíá:áí èá áñjéíé ñáí ñò è, ááéáñ ñééóéíí áíéúóíé áéóáí ò íá èé:íúð óáéjü è áññòéááí èjü. Í í á áéçíé í ííáá èpáé íúóúáðò, ÷óí ñááá ííááéjüáð èó, í áéáñ ðáçáéðèp. Í ííáá ÷óáñðáðò ñáñý ááñííí íúíúí è íááñ çáéáñòúááðúéí èó ííòíéíí áéçíé, ñéíòíðúí ííé íéáçáééñíí íáéí íá íáéí.

Ýóá íðíáéáí á çáððíóóá á íáááéúííí ÷óáíéé Òíðú, è èí òíðíí ó í ú íáðáúááí ñý: è áéááí Íéóúáé. Ñáí í ñéíáí «íéóúáé» Íçíá:ááò «éóíáé», «ííáñ:áð, ñéíéúéí çíéíòá, ñáðááðá è í ááé áúéí ííáéáðóáíááí íá Óáðáð Ñáñjéééúá, è ííáñ:áð áññó íðéíááéáéíííðáé, è ÷áí ó ííé ñéóéáðò», áááò ííjñí áí èjü Ðáé è íá Óí íéñ (38:21). Ðáññéáçáá íá íéíí:áí èé ñòðíéóáéúíðáá Óáððá Ñáñjéééúá, Òíðá íáðáúááóñý è ðáññí íòðáí èp áññó ííááí ííðáé jü íáá íííðéááí èjü.

Á éóíáá íðéóíáéóñý èí áóú ááéí ñ áçáéí íááéíðáéáí íðíéáíðá:éáíð èííóáíééé, èíááá áññí áíéáéíí óáééðú áíéí áíéá è áñ ííé áíéáéíú áúóú ó:óáíú. Óáéðé:áñéé ííááááí èá éóíáá

òdàààò, ÷òíáú íú «èñ-èñèèè» íííáàíòáí ìòáàèùúò ýèàí áíòíá, ðààèá àíèí áíèá èò ñàí ñòíýòàèùúí ó ñòíáíòáíáàíèþ. Íðè ýòíí àèòáíò ààèáàòíý íá ñòíèùèí íá ñàí ñí íííáèíòáá ñèíèùèí íá ñàí ñòíýòàèùúò ñòíííòýò, ýòí íííáèíòáí ñòíòáàèýþùèá È, íáíáèí, áíèí áíèá è ýòèí ñàí ñòíýòàèùúí ñòíííòýí íá àíèèáíí çàèííýòú òáèíá Íáíòíòèá èñòèííá çíá-áíèá àíá ýòè ýèàí áíòú íáðàòáþò ííòíèùé, ííñèíèùé èç íèò ñèèááúáàòíý Ñáýòèèèùá è ííè ýáèýþòíý ÷àíòíþ òáèíá.

Ñ áðàíè ñòíòííú, Ñáýòèèèùá èàè òáèíèòííòú çàèèèò ìò ñàí ñòíýòàèùúò ýèàí áíòíá àíá íáðàòáþùèá. Àíèè íáèí èç ýòèò ýèàí áíòíá ñèíèù áú íáçíá-èòáèùúí íí íè èàçàèíý ñàí íí ñàíá ìòíòíòáàò, Ñáýòèèèùá íá çàèíí-áíí è íáíðèááíí è òííá ÷òíáú ñèèèèòú í áíòíí Á-æíáá Íðèíòíòáèý.

Íáííáðàí áíí íáíííèí: òáèíá íáðàçíááííá á ðàçèùòáòá èíí áèíáòèè ðàçèè-íúò ýèàí áíòíá ýáèýàòíý ííáíè ñòíííòíþ, ìòèè-ííè ìò íðíòíè ñíí í ú èíí íííáíòíá

Ñíáðàííúá àí áíòá, ðàçèè-íúá ýèàí áíòú Ñáýòèèèùá íáàèýþòíý çíá-áíèáí, íðèáííòáýùèí èò èíáèèèáèèùúá èà-áíòáá. Ñáèýýíú ÷àíòíþ Ñáýòèèèùá, èàèáíèè àíá ýèàí áíò áííèò ñáíþ èáí òó á ìòèðíáíèá í Íðèíòíòáèè Á-áá.

Èñòèííá çàáàðòáí èá

Сердце каждого из нас названо «святилищем микрокосма». Ибо, как сказано в Торе: «И построят Мне Святилище, и Я буду обитать среди них» (Шмойс, 25:8). Здесь множественное число в выражении «среди них» предполагает, что Б-гом подразумевается пребывание не только внутри Святилища, но и в сердце каждого. И вся глубина и многомерность почитания Святилища отражена в нашем Б-гослужении.

Точно так же, принимая во внимание сказанное, каждый должен помнить, что он -не только индивидуальное «эго», но нечто гораздо большее. Потенциально каждый из нас - посредник, через которого заявляет о себе присутствие Б-га в нашем мире.

Но как же реализуется этот потенциал?

Когда человек полностью развивает заложенное в нем, принимая на свои плечи всю выпавшую на его долю ответственность, и когда он объединяется с другими,

становясь частью большого целого. О важности последнего обстоятельства говорит нам также и глава Ваякгел. То, что эти два фрагмента Торы часто читают вместе в одну Субботу, - не просто совпадение.

С одной стороны, может показаться, что их темы почти противоположны: Ваякгел делает акцент на растворении индивидуальности в коллективе, а Пкудей говорит о личном вкладе каждого в отдельности. Однако по сути, эти две позиции друг другадополняют, а не вступают между собой в конфликт.

Дело в том, что коллектив не полон и не совершенен, если он не включает в себя каждого и если каждый не раскрыл себя во всей полноте. В своем труде Дерех Миц-войсехо (мицвас аавас Исроэл) Цемах Це-дек использует классическую аналогию, сравнивая человеческое тело и народ Израиля. Он подчеркивает: нездоровье или увечье любого из членов сказывается не только на этом члене, но и на организме в целом.

В свою очередь, каждый должен осознавать, что он не достиг полноты своих проявлений, покуда не объединился с остальными. В этом контексте важно помнить о последовательности чтений из Торы. Раздел Ваякгел, говорящий о растворении в коллективе, предшествует главе Пкудей. Когда человек начинает заботиться о своей самодостаточности, он может так и не достичь выхода за пределы собственных узких интересов. Но когда он ставит перед собой цель, которая больше его, внутреннее развитие ведет к тому, что его жизнь разворачивается в более широких рамках.

×òí áíáðàòáèíá

Разъединенные индивидуальности могут слиться в единое целое в силу того, что в сущностной глубине каждой из этих индивидуальностей заложена общая для всех них основополагающая связь.

Поясним эту концепцию примером, связанным со сферой человеческого существования: душа каждого - «частица безграничной сущности Б-га Всевышнего» (Тания, ч. 2). Тем самым, несмотря на различия между людьми, они связаны этой общностью, лежащей в основе всего. Точно так же и в большом мире все творение есть лишь манифестация творческой энергии Б-га, и именно это делает единство возможным.

Подводя баланс

Как уже говорилось, подведение итогов в разделе Пкудей - это «подсчет, сколько золота, серебра и меди было пожертвовано на Шатер Святилища, и подсчет всех принадлежностей, и чему они служат». Сначала уточняется: какие ресурсы были в распоряжении тех, кто воздвигал Шатер Святилища. А затем рассматривается, как эти ресурсы использованы.

Этот подход нашел отражение и в нашем служении Б-гу. Сначала каждый должен обратиться к тому, чем он располагает в потенциале, дабы знать: кто он и что он может совершить. Затем, время от времени, необходимо давать себе отчет, как этот потенциал был использован и что тем самым достигнуто.

Важно делать это именно в такой последовательности. Ибо само осознание некоего потенциала служит для нас своего рода стрекалом, побуждающим применить этот потенциал на деле, реализовать его в поступках и деяниях.

Ēāōāēēçāōīō ðāçāēōēy ēē-īīpōē

Интересующий нас раздел Торы начинается со слов: «Вот итоги сооружения Шатра Откровения... подведенные по приказу Моше» (Шмойс, 38:21). То есть подсчитываются разные элементы Шатра Откровения и, соответственно, выясняется потенциал, заложенный в каждом из тех, кто принимал участие в его сооружении, потенциал, зависящий от сказанного Моше.

Именно Моше, вождь народа Израиля во времена дарования Торы пробудил к жизни Б-жественный потенциал, заложенный в каждом. И после того как работа над каждым из элементов Шатра Откровения была завершена, именно Моше воздвиг этот Шатер и встал у истоков службы. Ибо именно Моше был вождем народа Израиля, он дал путь, чтобы внутренний потенциал каждого из евреев проявился вовне. Он пробудил людей к взаимодействию и слил их в синергетическом единстве.

Ðīpō, ēīōīðīō íááçāāō ēīīōā

Глава Пкудей не оканчивается одним лишь подведением итогов строительства Шатра Откровения. В ней упоминается еще о двух обстоятельствах. Во-первых, о том, что «закрыло облако Шатер Откровения, и слава Б-га наполнила Шатер» (Шмойс, 40:34). То есть Шатер стал местом Б-жественного Присутствия. И, во-вторых, о том, что «когда поднималось облако над Шатром - отправлялись сыны Израиля во все странствия свои» (Шмойс, 40:36). То есть: служение Б-гу требует постоянного движения вперед.

Эти два положения необычайно важны, когда всякий из нас начинает размышлять о своем служении Б-гу, которое ему заповедано. Каждый должен знать, что конечная цель этого служения - откровение Присутствия Б-га. И мы должны осознавать, что невозможно остановиться на достигнутом и почить на лаврах. Наоборот, откровение Присутствия Б-га заставляет двигаться все дальше и дальше. В конечном итоге, «приходя из силы в силу» мы «явимся Б-гом на Сионе» (Теплим, 84:8). Явимся в третьем Храме, когда придет Искупление - явятся Мошиах.

ĀĀĒĒÐĪ

ĀĪĪ ĀĒĒ ĀĀĀĪĀĀŌĀŌÈ

Ēāçāāūē āāīēē āāīū āāāē íāāāāō íā āēīāō ē íā ðēē íāðīāyūōpīy íāīðīōēā ðāðāō, íāðōōōēēī - ÷āðīūðō çēāðōēīē çç ēīāē, ā ēīōīðīō ēāçāō íāāāī āīōīūā ðēēōēē ðī íāīēīāīíūī ē íā íēō ím íāīūī ē íīēīāēīēyī ē íāçāē āāðū, āēāīíā çç ēīōīðīō: «Ñēōçāē, Ēçðāēēy Ā-īīāūĀ-ā íāç, Ā-āī āēī».

Ī ōāðāōū ōōāāðēāāpō, ÷ōī ē Ā-āōī-Ī çā íāāāāō ðōēēēī. ×ōī çā íāīēīāī íā ðēēōēā ēīōīðīō ēāçāō ā ðōēēēī Ā-āā? «Ēōī íīāíāī ðāāā íāðīā Ēçðāēēy,

íāēī íāðīā íā çāī ēā». Ēāē í ū ōōāāðēāāāī āēēīðōāī Ā-āā, ðāē Ā-ā ōōāāðēāāō āēēīðōāī ē íāūīīðōū Ñāīāā ççāðāī íāā íāðīāā (Āðīōīēñ çā).

Ī í ðīāī íā íā-āēā ýōīō «āēēīūē íāðīā» ðīðōīyē çç āāāíāāōōē íōāāēūūō íēāī āī. Ō çāēíāā āūēī āāūāāōōū ðīīíāē: Ðāōāī, Ōēī íī, Ēāē, Ēāāā, Ēīðāāð, Çāēōī, Āāī, Íāðōāēē, Āāā, Āçāā, Ēīñāō ē Āēīyūī ēī. Īōōī ēē ðāðōūāā ðīā çāēíāā, Ēāē, ēīōīðīā ðēçāō ā ēā-āñōāī ðyūāī íēēīāēē īīī íāpō íðē Ā-āñēçāēī ēē («ēā-

āēōū») ā Ñāyōēēēūā īī ðōē, ēīēēp-āīū çç «ñ-āōā ēīēāī Ēçðāēēy». Īðē-ēīā ōīī ō - ēō ímāāy āōōīāīy ðīēū īīē íā īīēō-ēēē ðāñōāāīīē ðāððēōīðēē íðē ðāçāāēā Ñāyōīē çāī ēē, īīē íā íāñō āīēīñēē ðēçāēū ē íā āīçāē-āīū āīðī-ēā «çāī íūā» āāēā Ñāðçāē ðōīðīū, āāā ðīīíāē Ēīñāō -Ī āīāçā ē Ýōðāēī, āūēē āīçāīçāīū çāēíāī āī ðāðōūā āā ðāñōāāīūō ðīīíāē, ē ēō īīōī ēē íāðāçpō āāā ðāçīūō ēīēāīā (Āðāēōēñ 48:5; ð. Ðāēē íā ýōīō ðēēō). Īīyōīī ō ðīūāñōāāō āāā ðīīñāā ðēçāōōū ēīēāīā Ēçðāēēy: ēīāā ēīēāī Ēāē ēñēēp-āīī çç ýōīā ðē-āōā (ēāē íðē ðāçāāēā Ñāyōīē çāī ēē), Ī āīāçā ē Ýōðāēī ðēçāpōñy āāū y ðāçīūī ē ēīēāīā ē. Ēīāā çā ēīēāī Ēāē

была бы намного уместней (Ора-хаим на Бемидбар, 7:10). Но Б-г пожелал, чтобы каждое из колен Израилевых выступило отдельно, приняв индивидуальное участие в церемонии основания Б-жьей обители в стане евреев. Б-г повелел Моше следующее: «Возьми от них... по одному вождю в день, пусть приносят жертву свою для освящения жертвенника» (Бемидбар, 7:5,4).

И в течение двенадцати дней несиим приносили свои дары. В первый день месяца нисана принес жертву Нахшон, сын Аминадава, носи колена Иеуды; во второй день - Нетанъэль, сын Зуара, носи колена Исахара принес дары от своего колена; в третий день настала очередь Элиава, носи сынов Звулуна. И так продолжалось вплоть до двенадцатого дня месяца нисана, когда носи сынов Нафтали, Ахира, сын Эймана, принес жертвы от своего колена.

Ныне мы вспоминаем об освящении Святилища, читая в эти дни ежедневные разделы главы «Носой», те стихи, что описывают приношения каждого дня. Так, в 13-й день нисана мы читаем стихи Бемидбар (8:1-4) о наставлениях Б-га Аарону, как зажигать менору, и это чтение как бы олицетворяет священников и левитов, принадлежащих к «13-му колону» Леви. Перечислив все жертвы, принесенные в этот день соответствующим коленом, мы заканчиваем чтение молитвой.

«Да будет воля Твоя, Г-сподь Б-г мой и Б-г моих отцов, и если я, слуга Твой, происхожу из колена... раздел о котором из главы "Носой" читал я сегодня в Твоей Торе, пусть все святые искры и святое просвещение, что заключены в святости этого колена, воссияют надо мной, дабы через то даровано мне было понимание и постижение Твоей Тору и моя верность путям Твоим, поступать согласно воле Твоей во все дни моей жизни...»

Но может вызывать большее удивление, что во всех соответствующих разделах «Носой» описываются одинаковые пожертвования! В первый день мы читаем, что носи колена Иеуды принес «одно серебряное блюдо в сто тридцать шекелей весом, одну серебряную чашу в семьдесят шекелей... оба наполненные тонкой пшеничной мукой, смешанной с маслом... одну золотую ложку в десять шекелей весом, наполненную благовониями... одного быка... барана... овцу... козла...» и так далее, всего тридцать пять различных предметов. На следующий день мы читаем, как носи колена Исахара принес те же самые тридцать пять пожертвований, совершенно идентичных пожертвованиям, сделанным накануне - вплоть до веса каждого сосуда и возраста каждого из животных. То же самое относится к жертве колена Звулуна на третий день, колена Реувена - на четвертый, вплоть до жертвы колена Нафтали, принесенной на двенадцатый день нисана.

В самом деле, как появляются эти перечисления одного и того же в седьмой главе книги Бемидбар, откуда мы читаем о пожертвованиях, принесенных вождем каждого колена? Тора, обычно столь экономная на слова, что порой даже труднейшие и важнейшие законы изъясняются едва ли не одной буквой - не словом даже, а - буквой, в главе «Носой» двенадцать раз повторяет одно и то же. Это перечисление пожертвований затягивается на семьдесят два «лишних» стиха, из-за чего глава «Носой» (Бемидбар, 4, 21 - 7, 89) становится самым длинным разделом Тору (176 стихов).

Но почему же тогда мы говорим, что каждый день, когда читаем «Носой», тем самым призываем «все святые искры и святое просвещение, что заключены в святости этого колена»? Ведь «искры» и «просвещение», олицетворяемые тем или иным приношением, отнюдь не уникальны. Как не уникальны и сами эти приношения, столь похожие одно на другое. И тут возникает вопрос: почему же каждое колено приносит свои жертвы отдельно от других, в свой день?

Qaïòü i îâîçî è äââí àäöàòü áúêîâ

Но кроме этих даров, принесенных вождями колен в первые двенадцать дней нисана, было еще одно большое пожертвование на освящение Святилища: шесть повозок и двенадцать быков. Каждое колено принесло в дар по быку, а, объединившись с другим коленом, - по одной повозке «за двоих», чтобы было на чем перевозить «Шатер Собрания» с места на место. И этот дар был принесен всеми двенадцатью несиим вместе, в первый день месяца нисана, как сказано во фрагменте из «Носой», читаемом в этот день.

Задумавшись о характере этих приношений двух типов, мы обнаружим все тот же парадокс: «единый народ» состоит из различных «племен». Приношения обоих типов - каждое по-своему - подчеркивают единство Израиля. При том, что идея Мо-ше, предлагавшего общее приношение от всего народа Израиля, была отвергнута, и евреям было велено совершить индивидуальные приношения от каждого колена.

Но как тогда народ, состоящий из различных племен, у каждого из которых свой характер, свой темперамент, свои таланты и призвание, может достичь общности, позволяющей говорить о «едином народе»?

Тут можно обратиться к понятию «взаимозависимости». То есть принять тот

факт, что если у нас общая цель - построить Б-гу «обитель в физическом мире» (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 36) и если нам определена решающая роль в достижении этой цели, то различные «племена» и типы поведения дополняют друг друга, тем самым и образуя единый народ. Иными словами, само различие между нами и есть то, что объединяет нас. Сущность «Израиля» и то, что стоит за нею, будут неполны, если хотя бы одно из «племен» будет отсечено по той или иной причине. Еврей немислим в качестве еврея вне его связи со всеми иными типами, формирующими еврейский народ.

Именно это призвано было продемонстрировать приношение несиим, пришедших с дарами, включавшими в себя «шесть крытых повозок и двенадцать быков, по повозке от двух вождей и быку от каждого» (Бемидбар, 7:3). По сути, этими дарами они объявляли: да, мы состоим из разных племен, у каждого из которых есть ему лишь присущие черты; да, каждый из нас принес свое собственное пожертвование во имя выполнения миссии Израиля. Но при этом мы отдаем себе отчет: конечно, каждое из наших племен наделено чем-то своим, чего нет у других, но эти другие племена дают нам то, чего нет у нас и чего нам не хватает. Половина повозки совершенно бесполезна - поэтому мы должны объединить дарованные нам способности, чтобы в результате нам было на чем перевозить «Шатер Собрания» в наших странствиях через духовную пустыню материального мира. Да, вероятно, сами мы можем вырастить и выкормить «быка», но нужны два быка, чтобы тянуть повозку.

Есть, однако, еще один аспект, связанный с единством Израиля: разнообразие стоящих перед каждым призваний, разнообразие личностей. Ведь именно они делают еврейский народ во всем его разнообразии не чем иным, как чуть разнящимися между собой манифестациями единой сущности. И дело не только в том, что эти два аспекта работают в паре - только так возможно достижение коллективной цели (подобно этому два быка тянут одну повозку). Дело в том, что эти два аспекта по сути своей едины. Народ Израиля -единая душа, сияющая через многогранную призму: при том, что каждая грань вносит свой оттенок в отражаемый луч света, сам этот свет - один и тот же.

Эту идею выражает вторая группа даров - тех, что несиим приносят в жертву в течение первых двенадцати дней нисана. Как уже сказано, эти жертвы во всем одинаковы, вплоть до веса каждого серебряного блюда и возраста каждого ягненка; но каждая жертва упомянута в Торе отдельно. В Мидраше в комментарии на эти стихи подчеркнут аллегорический характер этих даров. Символична каждая деталь, связанная с тридцатью пятью предметами, составляющими эти приношения:

тип сосуда, материал, из которого он изготовлен, его вес, количество жертвенных животных и их порода, возраст и т.д. Однако для каждого племени эта символика имеет свое значение. Для колена Иеуды так символично выражены различные аспекты, связанные с владычеством и лидерством; для колена Исахара все это соотнесено с ученостью и изучением Торы и т.д. (полную интерпретацию см. в Бемидбар Раба, 13 и 14).

И понятно, почему эти приношения занимают двенадцать дней и их перечисление повторяется в Торе двенадцать раз. Тора тем самым выражает, что для каждого из колен жертвоприношение наполнено опытом и видением мира, присущим именно этому колену. Одно и то же деяние было различно окрашено в силу самой индивидуальной природы тех, кто его совершал: каждый выражал одну и ту же вечную истину, но преломленную его собственной личностью и образом жизни.

Ааеіноаі а ааіо есі ааі еуо

Есі ааіаі неагаіііаі ідеіноаеаіо іагаііаеі іноу іаіео аеаіа ідеііаіеіе, іааіоаііуо аіаеаіі е еіеаі Есііеаііаіо Наіеі іааіаі ідеііаіеаі, аеір:аіуеі оаіоу ііаісіе е ааіааіоаоу аіеіа аіаеае аідааеіе оі, :оі іаі е даае:еу і аеаіо іаі е а ідааеіііі е ааі ііе:ііі іі:аоаіеіе іааіеіуіо іаі а «ааеііе іаіа». Аоідау ааііа ідеііаіеіе іеіаіеіеіаіо ааеіноаі іа аіеаі аеаіеіі оаіа:а еаеаіе есіаіідеаіі еіііеіеоу іааі:аіііаі оіо А-аі деіу еаеаіе іоаеааіо іаір аесіііі-іаіаі о іі ідеуоіі ааі іі аіуоу іаіеі. Іі іаіаі оідеіііааіеір е ііоіе іі - іаіі, а іаеі е іааеаіеіііаіа есіе е іааіоаіеу - ееіу і ііааіоаі аідааеіеіе ааеііаі іааіоаіеу.

Іааіе ааіаеіо іаоаі ааеіноаі іаіаі ееіу іі еііа:ііе оаеір іаоае іаеііаеіііе і еіііе, іі іа іі іааііоаіі е аа аііоаеаіеу. Уоіо ааіаеіо еаііаіоіі іаоае іаіае аіа:е - еі аіі ііа ідеааіо ааі о іі ііі. Іаіаеі іаі оіа аесіе - :оі еіаіі іі іі ааааі, :оіау аіііоаіоу оаеі, - ііоааеуао аіа іаеііноу даае:еі е іаааіііоаі. Ііуоіі о аааа аііе іае іааіаіуоіеа ііеіеу ііаааіуіоіі іііеіаіеаі оіа, :оі іааіа іаі е - іаіау аіа:а, іаоа аесіііеае ііа аіоу ііа:еіаіа оііаеуі, ііаааі ааіуеі дааіаіаііноу ааеіноаеі е ааеаіеа а іаеіі:еа Уоіо аоіііе ааіаеіо ііаааі есіа:аеііі ааіііа ааеіноаі а оіі, :оі еаііаіоіі ааеаіеу іі аесіаііі о ііоіе. Аіа аі оіа, еае іаеі ее:ііа ііоіе ііеіуіоіі, :оіау еаіе а іаіі іаідааеіеі, і іі іааі даае:еіуіа ааі іііаіааеі оіа, еае е е:аі о іі ідеаааі ааііа іаі іііаіііоіе е оаеііоу, іаеіа ааеіноаі, іаіііноу ааііеі е іаіііноу ііоіаі еаіеі. Еаі ааі уоі іаідааеіі іа оі, :оіау іаеі аесіе ііоаеі «Оаоіі Ніааіеу», аа іааіауо іааа ідеіноаіеуа аеаііоу е іааіоаііоаі Ніааіоаеу.

ΑΔΕΙΝΟΑΙ ΙΎΕ ΙΑΔΙΑ

Ίι αι αειραεινυ οαδρ Αδδαιεινδεν, οι ανου ιαι ιαδτα, δαδδιναι ιυε ε δανναι ιυε ι αεαο ιαδτααι ε ιι ανι ιαεανογι οαδνοα οαταμ; ε ραειιυ εο ιοεε-ιυ ιο ραειιτα ανο ιαδταα (Υποαλ, 3:9). Αδδαιεινδεν ιαεανεινυ, οι ιαααα οαδταου οιαυ εαεε-οι «ιαει ιαδτα», ιοεε-ιυε ιο αδταε ε ια ειυα ιαδταυ ια ιιουαεε, αεαουεε α δανναιιεε, αεε «ιαιιμαεοο». Ε ραεερ-εε Αδδαιεινδεν ανηαι Ιι αι ο: «Ια ιαααο οαε ιινααεγου εα.. ιουου αααο ιααειναι ι εηοααεου εο» (Υποαλ, 3:8-11).

Αααε ια οεα ϊι αια ιοααοεε οαι, οι αυα αειουα ιααα οεεεηι ιααε «ιαι ιοιαεανουρ» ια αδταε, αι ανοι οια οιαυ ιδταεαεαου ααεααεα ε ανηι εεγυεε ιααε αδταε ιαδταα ιαι αοεααανυ ανηι ιιηα εο εαααεγ ερ Ναιοιε ραι εε. Εαααεα ιδτερεεε οαυ ιιεεαεγυ ε δαιουα οαο ιαυοεε, οι ιιηηααροηυ αεεαα Υποαλ. Εαι ει αι ιι «εηδδι ρεγυ» εο ιαι ιεααι οεοεαοεε εαε ιαδταα ε «δαρι ιααεα» εο ηεααεγ Α-αο α ιαααρ ι-αααυ ε ιααεε αααα ογραι ιι ε αεγ ιδτερεα Ιι αια. Ιιε ιι εηοεεηι αεδτα Ι ιοαααγ ε ραι ια ιιηραεε ιαηρ οι εεαεηι ιουυ α εα-ανοα ιαδταα Α-αεηα.

Δαννεαα εηοιδερ ιαααεγ Ιι αια ε ιιαααυ Ερδαεγ, ειεα Υποαλ ιιαααεο εοια γοιε ιιαααυ ανηι εεουια

Ιιε οδαρε: «Αυε ιαο ο εοααα, δαηηου ανηεα ε ιι-αο» (Υποαλ, 8:16). Οαει οα αεαεο α γοεο ηεααο ιοηηεεο ε αουδα ιηηαι ιι οααεοαδηνεεαι, ηαγραι ιι ιιαδται Ερδαεγ: «Ναιο» ανου Οηδα, «δαηηου» - ααηεηεα ιδαραιεεε, «ανηεα» - ιαδραιεα, α «ιι-αο» - οεεεε. Εηια-ιι αα ιι ανηηα ιι ιει ι 613 Α-αανοαυ ιυο ραι ιαααγ. Ιι ιει οαε αα εαε ι οαο ιηηαιεγυ, ραειιαδ ε ιαυ-αγυ, εηοιουα αι ανοα ιινααεγρ οαδ Ερδαεγ. Ε ανη αα ει αι ιι αουδα ανηαιαραι ιυα ιδτερεα - ιηηαι οιε ι αοδεου, οι ααααο ααηηα ιοεε-ιυι ε ιο αδταε ιαδταα

Δαεε-εα α ηοι ανοα

Но на первый взгляд, как раз эти четыре качества скорее говорят не о том, что евреи отличны от всех иных народов, а, наоборот, о том, что они подобны им.

Ученость не есть достояние одних только евреев: любое сообщество и любая культура имеют свой символ веры и свою философию. Имеют канонический набор основополагающих текстов и целую армию ученых и законников, занятых изучением, истолкованием и применением этих текстов. Более того, даже Тора как Тора в этом смысле - не исключительное достояние одного лишь народа Израиля. Тора лежит в основе нескольких вероисповеданий, включая две религиозные системы, которые разделяет более половины живущих на Земле. И даже специфически еврейские толкования Торы, такие как Талмуд, труды Маймонида или кабалистическое учение, повсеместно известны, и к ним обращаются не только евреи.

Что до праздников - они присущи любому обществу. Конечно верно, что только евреи едят мацу на Пейсах или трубят в шофар на Рош а-Шона. Но сама идея праздника или какого-то особого дня, посвященного воспоминаниям о некоем событии и размышлениям, - абсолютно универсальна. Каждый народ, каждая культура и религия определяют дни календаря, чтобы отмечать исторические события, сыгравшие для них особую, определяющую роль, и следуют в эти дни тем или иным обычаям и ритуалам.

То же самое можно сказать о тфилин: только евреи обвязывают лоб и руку по-

лосками из кожи с прикрепленными к ним шкатулками, которые служат им символом связи с Богом. Но представление о таких символических предметах есть у всех народов. Обручальное кольцо, солдатская униформа, головной убор индейского вождя - эти знаки носят как признак принадлежности к той или иной группе. Что до обрезания, то это - весьма обычная процедура, практикуемая многими из соображений здоровья или в силу иных причин.

И все же: Тора, праздники, обрезание и тфилин или, как сформулировано в книге Эстер, «свет, радость, веселье и почет», являются четыремя краеугольными камнями, на которых зиждется отличие Израиля от иных народов. Действительно, другие народы и общества имеют сходные или внешне подобные элементы в составе их учений, в образе жизни. Однако восприятие и переживание евреями тех же самых элементов отличны - если не противоположны - «общераспространенным».

Собственно, это и есть истинный признак отличия. Ведь истинные различия между любыми двумя людьми или сущностями состоят не в том, что отличает их друг от друга. Истинное отличие в том, что, будучи внешне схожими, в глубине своей они совершенно различны.

Ḥāi ḥāy i ḥāḥōū

Как и в чем знание Торы евреями отлично от всеобщего представления о мудрости и учености? Ключ к пониманию этого дан в Книге Эстер: там по отношению к Торе употреблено ивритское слово *ора* - женская форма от слова *ор*, «свет».

Всякая мудрость, функция которой освещать и просвещать, есть свет. Но есть свет мужской и свет женский. Мужской свет - свет, излучаемый из себя, он обладает таким качеством, как агрессивность. Женский же свет мудрости - свет, принимаемый в себя. Мужской интеллект - разум, исследующий неведомое, порождающий новые идеи, разрушающий старые заблуждения. Женский интеллект - разум, открывающийся тому, что приходит к нему из высшего источника, поглощающий семя данной в откровении мудрости и проращивающий из этого семени множество таящихся в нем оттенков смысла и случаев, к которым эти смыслы применимы.

В изучении Торы задействована как мужская, так и женская стороны разума. Однако определяющее значение в этом процессе принадлежит женскому. В самом деле, при всем талмудическом педантизме и внимании к мельчайшим нюансам смыслов, Тора принадлежит сфере иной, чем интеллект. Ибо интеллект есть лишь «одежды», посредник, передающий сверхрациональную сущность, вложенную в умопостигаемые формы. Изучение Торы подразумевает прежде всего готовность сдаться откровению Б-жественной истины, когда разум просто приемлет мудрость и волю Б-га. Мышление мудрецов, изучающих Тору, - не генератор идей, а лоно. Это - лоно, которое получает семя Б-жественной истины и проращивает его, прилагая эту истину к окружающему, структурировав ее в виде рациональных положений или законов.

Ī ḥōēīā ā īāḥōīyūāi

Универсальная функция любых праздников - напомнить о прошлом и это прошлое почтить. Функция еврейских праздников - еще раз прошлое пережить. Точнее - извлечь вневременную суть некоего события в прошлом, тем самым сделав это прошедшее событие реальностью для тех, кто присутствует в настоящем.

Евреи не просто вспоминают в Пейсах Исход. Соблюдая заповеданные от Б-га особые мицвоис на Пейсах, еврей обретает Б-жественный дар свободы, которым был Исход. А тем самым еврей обретает личный «Исход» - освобождение от тех тягот, которые властвуют над ним, поработав его собственную жизнь. То же самое истинно и в отношении дарования Торы в праздник Швуэс, обретения прощения в Йом Кипур и т.д. Еврейские праздники - окна в вечность, распахнутые во времени, благодаря чему события «прошлого» открыты для нас, открыты для осмысления и переживания их нами.

Праздник - «счастливый» повод. Но опять же, счастье, переживаемое в связи с этим евреями, при всем поверхностном сходстве с подобными праздничными эмоциями у других народов, радикально отличается по своей сути. Для других народов праздник - это побег из ординарности существования: погружение в радостное, окрашенное в розовые тона прошлое, когда можно, ничем не рискуя, отрешиться от давления и ответственности настоящего. Неудивительно, что праздники почти обязательно подразумевают некие траты, связанные с дозволенными в такие дни роскошествами, моральные послабления (если не моральную распущенность) и обильные возлияния.

Евреи в праздники тоже выходят за границы настоящего, обретая в этом радость. Но эта радость отлична от радости побега. Наоборот, это радость проникновения в сущность того «я», которое движется в потоке будней во имя обнаружения вневременных измерений собственной личности, присутствующих в каждом. Такая радость подчинена некой дисциплине. Это - радость, разрушающая внешние барьеры, но при том и усиливающая «фокусировку» на внутреннем мире. Это - такая радость, которая делает человека более ответственным, более заботливым, более открытым контакту с миром, поясняет Рамбам в Законе о праздниках (6: 18).

Наиболее четко эти особенности еврейских праздников проявляются в Пури-ме. В Пурим еврею заповедано «пить, покуда он не потеряет различие между «проклятым Оманом» и «благословенным Мордехаем» (Мегила, 76; см. также Шул-хан Орух, Орах Хаим, 695, 2). Пить, особенно пить до состояния погружения в

иррациональность - для еврея просто недопустимо и жестко осуждается. И лишь в Пурим мы можем увидеть подвыпившего еврея, и то - крайне редко. Питье в Пурим обладает особенностью, к которой стоит присмотреться. Ибо эмоциональная несдержанность сочетается здесь с моральным контролем, а отказ от рациональности - с духовным постижением истины.

Ḥāi ḥōū ēāḥōāi

Обрезание - весьма распространенная практика. Одни совершают его, считая что оно полезно для здоровья, другие - исходя из духовных убеждений. Обрезание болезненно, связано с элементом риска

(как при всякой хирургической операции), и считается, будто оно ведет к тому, что снижается острота сексуальных переживаний. Американец, решивший совершить обрезание сыну, может сказать что-то вроде: «Конечно, с этим связаны некоторые неудобства, однако несомненны выгоды для здоровья». Мальчик-мусульманин может сказать: «Конечно, это болезненно, но иначе мне не достичь неба».

И мы опять видим особое отношение к этой процедуре у еврея: обрезание воспринимается им как нечто однозначно положительное и желанное. Всякий, кто присутствовал на брисе, поймет, почему в Книге Эстер с обрезанием ассоциирована «радость», - и уж никак у него не создается впечатление, что мы «платим цену». По сути, то, что обычно воспринимается как величайшее неудобство, связанное с обрезанием, с точки зрения еврея является одним из его преимуществ. Почти 900 лет назад Май-монид писал в трактате «Путеводитель колеблющихся»: обрезание повышает чувствительность человека к духовному, смягчая его плотские порывы (ч. III, гл. 35 и 49).

Это не означает, будто именно в том причина, по которой евреи делают обрезание. Как и выполнение всех мицвот, которые являются велениями Б-га и находятся за пределами рационального постижения. Мы просто констатируем связь между духовными и материальными выгодами, естественным образом вытекающими из того, что мы ведем жизнь в соответствии с тем, как она и была замыслена Творцом. И точно так же мы можем говорить и о духовно чистом питании, когда соблюдаем кашрут, или о преимуществе браков, при заключении которых соблюдались законы нида. Все это делается евреями в надежде обрести за то некое воздаяние в будущем. Еврей радуется не воздаянию, которое, возможно, будет ответом на его жертву, а самому жертвованию своего «я» Б-гу.

В самом деле, обрезание может быть названо олицетворением всякой «жерт-

вы» - это отказ от частицы себя в самом прямом, физическом смысле слова. Представления о жертве - универсальны: человек всегда приносил жертвы - во имя будущего, любимых, своей страны, своих убеждений. Однако эти жертвы были или во имя воздаяния в будущем (при жизни или после), или во имя исполнения долга. Для евреев же радость сама жертва по велению Б-га.

И тут мы сталкиваемся с любопытным феноменом, который невозможно объяснить рационально: по сути, все евреи, вне зависимости от вероисповедания, практикуют обрезание. Евреи, считающие себя «атеистами» или «гражданами мира, стоящими вне исповеданий», «прогрессистами» или «презирающими примитивные религиозные ритуалы», - все они обрезают своих сыновей. Евреи, эмигрировавшие из СССР, где они семьдесят лет жили вне религиозных измерений, не имеющие никакого представления об иудаизме, тут же совершают обрезание: себе, детям и внукам. Обрезание для еврея имеет смысл как то, что оно есть, а не как то, что оно даст ему какие-то выгоды.

חַדְיָוָא שְׂאֵרֹסֶעֶ

Четвертая особенность, конституирующая уникальность евреев, - тфилин. Это - черные кожаные шкатулки, в которых лежат свитки с начертанными на них избранными высказываниями из Торы. Эти шкатулки закрепляют на голове и руке как символ нашей связи с Б-гом.

В каждой общине, в каждой культуре есть свои одежды и украшения, которые носят как символ принадлежности к данной среде. Этими символическими одежаниями и украшениями гордятся не столько за то, что они есть, сколько за то, что они призваны олицетворять. Блестящее золотое кольцо невесты, безупречный пошив генеральской формы, цвета радуги в национальном костюме - ими гордятся потому, что они выражают принадлежность к той или иной группе.

Тфилин же отличаются простотой и непритязательностью. Две по-спартански лаконичных шкатулки со свитками текста - причем, текст лишен каких бы то ни было украшений, написан простыми черными чернилами. Дело в том, что т-филин выражают не гордость, но готовность еврея подчинить свой разум, сердце и таланты Всемогущему.

Да, тфилин связаны у евреев с идеей почета. Но эти представления не реализуются в эстетическую категорию. Ибо для еврея почет связан со служением Б-гу, с подчинением своего разума, эмоций и способностей высшей воле.

В Пурим мы празднуем спасение «особого» народа. Народа, чья ученость, веселость, готовность к жертвам и гордость столь же обычны среди других народов, - и столь уникальны.

К 1904 году в городе было два молитвенных дома, вплоть до 1926 года действовали еврейская школа, еврейский театр, «красный уголок». Новый всплеск национально-культурного возрождения пришелся на начало 90-х годов... Неоценимый вклад в возрождение еврейской жизни в Волгограде внес Давид Колотилин. Человек-эпоха! Он – выходец из религиозной семьи, – его отец был габаем синагоги в Порт-Саиде до самого ее закрытия. Сам Давид – участник Великой Отечественной войны, орденоносец, на протяжении десятков лет собиравший миньян на дому. Эта семья не дала угаснуть искрам еврейства в Волгограде, сохранила и передала в ВЕРО два уцелевших – в сожженном дотла Сталинграде! – свитка Торы начала XIX века, другие молитвенные принадлежности. К сожалению, Давид не дожил до возвращения нам синагоги, но по решению общины она будет носить имя «Бэйс Давид».

В 1999 году с приездом в Волгоград раввина Залмана Иоффе начинается подъем еврейской духовной жизни. Теперь в городе согласованно действуют две организации – Волгоградская еврейская религиозная община и Волгоградский еврейский общинный центр, которые занимаются всеми сторонами еврейской жизни. Значительная благотворительная деятельность центра направлена не только внутрь общины, но и вне ее. Проект ФЕОР «Объединенная община» делает сегодня только первые шаги, а волгоградские евреи живут этим уже более трех лет.

Весной 2002 года в Кремле на встрече с представителями Федерации еврейских общин России, где присутствовал и раввин Волгограда и Волгоградской области Залман Иоффе, президент нашей страны Владимир Путин заявил: вопросу о реституции (возврате. – Ред.) имущества религиозного назначения уделяется огромное внимание в свете государственной политики национально-культурного возрождения. Отрадно, что и нынешние власти Волгограда с пониманием отнеслись к столь деликатному вопросу.

Мы выражаем глубокую благодарность администрации города, особенно департаменту муниципального имущества, которым руководит Игорь Васильевич Кочубей, администрации Ворошиловского района и главе района Алексею Николаевичу Гребенникову, заместителю председателя Комитета по делам национальностей и казачества администрации области Алексею Александровичу Сулову, а также всем депутатам городского Совета, принявшим участие в голосовании, за конструктивный подход к решению проблем еврейской общины. Мы рады видеть в старой новой синагоге дорогих наших горожан – и пожилых, и молодых, и совсем юных! Добро пожаловать в родные стены!

י אדע'א אדע'ע'אד

אַײַן יעדאָוועַס, יוֹעדוֹוײַנוֹו, יאַדוֹי אַדוֹאי

В Киеве состоялось совещание руководителей национально-культурных обществ, посвященное проблемам реализации прав национальных меньшинств в Украине. Впервые за годы независимости страны в столицу съехались представители более семисот общественных организаций национальных меньшинств со всех регионов Украины. Целью совещания было обсуждение общих проблем современного этнонационального развития общества.

Совещание организовано Государственным комитетом Украины по делам национальностей и миграции, а также «Ассоциацией национально-культурных объединений Украины» (АНКОУ). Это — объединение всеукраинских и региональных организаций, которые представляют различные этнические общины и действуют в разных регионах страны, зарегистрированное в Министерстве юстиции в 1999 году.

Всего за три года существования АНКОУ коллективными ее членами стали 70 организаций. В их числе - общественные объединения евреев, азербайджанцев, африканцев, белорусов, болгар, армян, вьетнамцев, венгров, греков, грузин, ромов, караимов, корейцев, китайцев, немцев, поляков, русских, татар... АНКОУ имеет печатный орган - газету «Моя Батьківщина» - «Моя Отчизна», которая активно помогает обмену информацией о важнейших событиях в этнических обществах, публикуя на своих страницах различные идеи и объясняя позиции представителей национальных меньшинств. Ассоциация является объединением не только по своей организационной форме, но и по содержанию, и по целям работы. основополагающие принципы ее

деятельности - демократизм, открытость и партнерство. АНКОУ старается, чтобы было слышно мнение каждого из ее коллективных членов - столичного или регионального. На отчетно-выборной конференции в 2001 году руководителем Ассоциации был избран президент Еврейского фонда Украины, народный депутат Александр Фельдман. Есть «наш человек» и среди трех вице-президентов АНКОУ - председатель правления харьковской областной объединенной еврейской общины Григорий Шойхет.

Но вернемся к совещанию. Из Донбасса в Киев отправилась самая многочисленная делегация, состоящая из представителей корейской, немецкой, польской, греческой, литовской и еврейской общин. Еврейские организации представляли председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келер-ман и председатель культурно-просветительского общества «Алеф» Евгения Шор. Возглавляли донецкую делегацию начальник отдела по делам национальностей и миграции Донецкой облгосадминистрации Светлана Юрьевна Кузнецова и главный специалист этого отдела Евгения Васильевна Орел.

Совещание открыл председатель Государственного комитета Украины по делам национальностей и миграции Геннадий Москаль. В своем докладе он рассказал о государственной политике этнонационального развития украинского общества, а также наметил стратегию ее реализации. Затем слово взял председатель комитета Верховной Рады Украины по вопросам прав человека, национальных меньшинств и межнациональным отношениям. Он остановился на проблемах законодательного обеспечения прав национальных меньшинств. Александр Фельдман выступил с докладом «Гражданские организации национальных меньшинств как субъект этнонациональной политики Украины».

Затем началось обсуждение докладов. На сцену поднимались представители многих организаций из разных регионов Украины и делились своими подходами к поднятым на совещании проблемам.

В перерывах между заседаниями у участников совещания была возможность ознакомиться с печатными изданиями некоторых национальных общин. Свои газеты «Наша жизнь» и «Барух Ашем» представили и члены донецкой еврейской общины. Еврейские издания вызвали огромный интерес, их разобрали в течение полутора минут.

В конце совещания его участники обсудили и в целом одобрили проект итогового документа. В нем особый акцент сделан на необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы регулирования межэтнических отношений и обеспечения прав национальных меньшинств. И в первую очередь речь шла об утверждении и внесении на рассмотрение Верховного Совета проекта новой редакции Закона «О национальных меньшинствах в Украине».

Многие участники совещания высказывали пожелание, что хорошо бы подобные встречи сделать регулярными.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОДАРОК МЭРУ

Мэр Киева Александр Александрович Омельченко в своем уютном и гостеприимном кабинете принял гостей - представителей Федерации еврейских общин СНГ в Украине, возглавляемой раввином Ионатаном-Биньёмином Марковичем. Характер встречи, которая не прошла незамеченной ведущими средствами массовой информации, был неофициальным, даже дружеским. А поводом для нее послужил еврейский праздник Ханука. В честь праздника и в знак дружбы и благодарности за многолетнюю

поддержку киевских евреев гости вручили Александру Александровичу серебряную ханукальную менору. В каждый последующий праздничный день на ханукии зажигается на одну свечу больше. Так и Александр Омельченко — с каждым годом его помощь еврейским организациям становится все более ощутимой.

Свет необходим всем. И каждый должен сделать что-то, чтобы его стало больше. Пусть же огни Хануки помогут мэру Киева на его ответственном посту нести людям больше света и добра! Такие символы уже украшают кабинеты президента России Владимира Путина, президента Украины Леонида Кучмы и мэра Москвы Юрия Лужкова. Александр Александрович пообещал, что в будущем музее городской администрации ханукия займет почетное место.

Ėáĕĕà Áĕŏĭĭĭ

Ĭ ĬĀŪĖ Ĭ ĐĬĀĖŎ ĀĀĐĀĖŃĖĖŎ ĬĀŪĖĬ ĀĬ ĀĬ ĐĬ ĬĀŎĐĬĀŃĖĀ Ė ĀĬŃŎĬ ĬĀ

Приезд представителей еврейской общины Большого Бостона в Днепропетровск - всегда значительное событие. Дружба еврейских общин наших городов продолжается уже более десяти лет. За эти годы сделано много важных и полезных дел, реализовано немало совместных проектов, необходимых как для евреев, так и для всех жителей Днепропетровска. Это и женская клиника, и Центр для детей со специальными потребностями, и раз-

личные образовательные программы, и программа «Старший брат, старшая сестра» - своеобразный мост между людьми разных поколений. И конечно же, зимние и летние лагеря для детей и взрослых из разных еврейских общин мира.

Помощь, которую оказывает еврейская община Бостона, всегда конкретна и целенаправленна. Вот и в этом году начата реализация программы иммунизации детей и подростков. Для этого на базе одной из детских поликлиник города открыт специальный центр иммунизации, в котором проходят обследование и получают необходимые прививки тысячи новорожденных и подростков. Центр начал свою работу летом, а недавно, во время визита бостонской делегации, состоялось его торжественное открытие. На церемонии присутствовали руководители еврейских общин двух городов, а также советник по политическим вопросам посольства США в Украине Джей-сон Хайланд. Он высоко оценил совместную деятельность еврейских общин Украины и США. И

новый общий проект Днепропетровска и Бостона — еще один шаг в благородной работе по оказанию конкретной помощи людям.

ĀĬŏĕĭĭ ĀĬŏĭĭĕĬ

ĀĀĐĀĖŃĖĀĖ ŃĀĀĀŪĀĀ Ā ĀĀĖĬĖ ŎĀĐĖĀĖ

Вся еврейская община города Белая Церковь собралась в ресторане «Радон» на национальный свадебный обряд хупы — праздник святости, любви и красоты. Традиционную еврейскую свадьбу праздновали в Белой Церкви впервые за многие годы.

Молодожены Аши и Ора Городецкие познакомились в Израиле и полюбили друг друга... Подготовка к самому торжественному и ответственному дню в их жизни заняла месяц: был арендован зал ресторана, организовано кошерное угощение, украшено помещение. За две недели до свадьбы состоялась помолвка — ворт. Неделю перед свадьбой жених и невеста не встречались, как и положено по еврейскому обычаю.

День свадьбы для жениха и невесты подобен Йом Кипуру. Они постились и раскаивались во всех совершенных грехах.

Незабываемы минуты, когда жених с трепетом опускал на лицо невесты фат/... Потом шошвиним повели жениха и невесту под хупу для совершения церемонии бракосочетания. Шошвиним -главный раввин Костромы Нисон Руппо и его жена Дора - со стороны жениха, и председатель белоцерковской еврейской общины Харитон Абрамович Берман с женой Софьей Марковной - со стороны невесты. Церемонию

бракосочетания вел главный раввин Центральной и Западной Украины Шлоймо Вилгельм. Раввин Руппо рассказал о смысле совершения обряда хупы. После произнесения раввином Вилгельмом благословения над бокалом вина жених надел невесте обручальное кольцо и произнес: «Вот, ты посвящаешься мне в жены этим кольцом по закону Моше и Израиля».

Затем раввин зачитал ктубу, жених подал ее невесте. И наступил черед «Семи благословений», которые произнесли дедушка невесты, габай Эли Грач, раввин Руппо, председатель белоцерковской еврейской общины Х.А. Берман, глава ешивы «Ктана» из Харькова раввин Леви Райцес, раввин Бердичева Арье Спектор, раввин Нахшон Рубин и раввин города Белая Церковь Меир Гольцберг. Молодожены вновь отпили вино, и жених разбил бокал, что должно напомнить о разрушении Храма.

После церемониальной части бракосочетания состоялась праздничная трапеза. Всем запомнились слова раввина Вилгельма, под руководством которого происходил возврат невесты к соблюдению традиций еврейского народа, и главы харьковской ешивы раввина Леви Райцеса, который первым надел когда-то тфилин на жениха. На свадьбе также присутствовали директор

Федерации иудейских религиозных общин Житомирского региона раввин Нохум Тамарин, раввин Хмельницкого Иеошуа Раскин, раввин Винницы Шаул Гурвиц, работники Федерации и ученицы житомирского махона «Хая-Мушка».

Свадебный пир — шева бра-хот - продолжался семь дней. Молодожены побывали в Житомире и Бердичеве. Апогеем праздничных торжеств стал незабываемый праздник в Коростыне.

Еврейский религиозный свадебный ритуал - яркое событие для всех присутствующих. Свадьба, проведенная в строгом соблюдении еврейского обряда, согревала и возрождала души. Она надолго запомнится удивительной теплотой, сердечностью, необыкновенным весельем и обилием гостей.

נאִוֹעֵאֵי אֵי עוּמֵי

אֵעֵאֵי אֵבִי תֵאֵ

В Днепропетровске состоялась персональная выставка «Далекие - близкие» заслуженного художника Украины Моисея Козулина. В творчестве мастера «еврейская тема» является одной из главных. Многие годы он фиксирует ключевые моменты еврейской жизни, запечатлевает на холстах лица посетителей синагоги. Немало работ из этой графической серии портретов было представлено в экспозиции. Зрители увидели и пейзажи земли Израиля, а также картины, передающие впечатления художника от встреч с духовными лидерами еврейского народа. Большое место занимают работы, посвященные теме Холокос-та. Художник постарался лапидарными средствами графики передать всю боль, безысходный ужас и гнев, которые вскипают в душе при обращении к событиям тех страшных лет. Его триптихи «Реквием» и «Днепропетровск. Осень 1941» отражают страдание и растерянность перед лицом непостижимого Зла.

Выставка была организована при поддержке еврейской общины Днепропетровска, «Джойнта» и частных спонсоров. Расположенная в фойе диорамы «Битва за Днепр», она стала первой выставкой днепропетровского художника, целиком посвященной евреям и еврейству. «Я украинский художник - по колористике, композиции, художественной школе, — говорит Моисей Козулин. - Но прежде всего я - еврей, плоть от плоти моего народа. И именно поэтому еврейская тема всегда будет главной нотой моего творчества».

יִאֲדָוֶנֶהוּ אֵעֵי עֵי אֵ

«МИР БУДЕТ ВЕЧНО!..»

Несколько лет назад в Израиле вышла книга «Тора в картинках» раввина Аарона Полака. Недавно «Тора в картинках» была издана в Донецке на русском языке. Чтобы книгу могли читать ученики донецкой общеобразовательной еврейской школы № 99 и их родители, с разрешения автора ее пересказала на русском языке школьная учительница Торы, иврита и традиций Эстер Резник. Каждую неделю школьный журнал «Шабат Шалом» публиковал главы Торы в рисунках, и с их помощью читатели легко, с удовольствием постигали написанное в великой Книге. Разумеется, чтение «Торы в картинках» не заменяет изучение самой Торы, но очень помогает и детям, и взрослым, которые начинают приобщаться к еврейской традиции. А когда все главы были напечатаны в «Шабат Шалом», было решено издать их отдельной книгой и таким тиражом, чтобы «Тора в картинках» стала доступной для евреев всего СНГ.

Недавно этот проект осуществила редакция «Сифрият Донецк». Книга получилась яркой,

интересной и запоминающейся. Большая заслуга в этом главного раввина Донбасса Пинхаса Выщецкого, главного редактора издания ребецн Дины Выщецкой и переводчицы Эстер Резник. «Тора в картинках» вышла в свет тиражом три тысячи экземпляров, причем одна тысяча книг предназначена для еврейских школ Украины, а две тысячи — для школ России и других стран СНГ.

«Тора в картинках» — не первая книга, выпущенная издательством «Сифрият Донецк». Ранее таким же тиражом была издана книга «Мой Ребе» — о Любавичском Ребе Менахеме-Мендле Шнеерсоне. Она оказалась настолько популярной, что потребовалось допечатать еще две тысячи экземпляров. Мы уверены, что «Тора в картинках» окажется не менее востребованной. Ведь наши мудрецы говорят: «Мир будет вечным, потому что дети всегда будут учить Тору».

Ėāīī ēā Beīāāā

ĪĀĒĀŌĀB ĒŅŌĪ DĒB

В день завершения чтения первой книги Торы «Брейшис» ученики и учителя начальных классов школы «Ор-Ме-нахем» Донецка решили сделать празднование Шабоса необычным и незабываемым. В пятницу ученики 1 — 5-го классов собрались в актовом зале, чтобы традиционно встретить Субботу. Но все было по-другому, не как всегда. Ведущие подготовили увлекательную викторину по книге «Брейшис». Наши праотцы, праматери, другие герои первой книги Торы в исполнении детей предстали перед зрителями с каверзными вопросами о себе, своих семьях, своих поступках. Согласитесь, приятно и необычно выступить в роли Яакова, которого только что благословил отец Ицхак, или в роли Ноаха, строящего Ковчег. Ну, а девочкам пришлось по душе роли Рахели, Леи и Ривки. Не были забыты Лот с семейством и Йосеф с братьями. Зрители показали себя настоящими знатоками и ответили на все вопросы. А финальную песню повторяли на бис три раза, и это не удивительно: ведь написана она была на мелодию «Тум балалайки», любимую всеми евреями.

Старшеклассники тоже по-своему отметили завершение чтения первой книги Торы. Школьный журнал «Шабат-Ша-лом» подвел итоги и выявил самых добросовестных и творческих читателей, выполняющих все задания в разделах «Недельная глава».

Надолго запомнился ученикам школы «Ор-Менахем» десятый день месяца тевета. Много сотен лет назад в этот день началась осада Иерусалима вавилонянами, завершившаяся через полтора года проломом стен города — семнадцатого тамуза и разрушением Храма. Эта трагедия случилась девятого ава.

Скорбное событие учащиеся отметили как День Траура и Памяти по всем евреям, погибшим только из-за своей национальной принадлежности. В каждом классе был оформлен «Уголок памяти», где горела поминальная свеча. А на стенах школьных коридоров детские рисунки рассказывали о трагедиях минувших лет. Дети узнали и о самом страшном — чудовищной трагедии своих сверстников во времена Катастрофы.

А потом ученики собрались в актовом зале, говорили о трагических событиях еврейской истории... Особенно трогательными были рассказы детей о своих погибших родственниках. На фотографиях — благородные еврейские лица, лица людей, зверски замученных в гетто или погибших за Родину. Но мы о них помним, и эта память дает нам новые силы. Чтение двадцатого псалма царя Давида и зажигание поминальной свечи завершили вечер.

Ópí à Ááí çäüü

Í ÀÒÌ ÒÈÍ ÑÈÈÉ-Í ÈÈÁÁÍ ÐÌÁÑÈÈÉ ÇÀÍÁ×ÈÈ

Í ù íòèðíááí ííáð ðááðèá Í ííáá íáòè :èòáòáè ááðáèí òðáí ýò íáí áéí úá áððèáí, ñèðíááðíèá ííòèè :ðáçáí :áéíí èí òáðáí òð èí òí òí áòèð í ááðáèí ñá í ðááèéò áðáí áí. Áéçíú í áðíáá- ýòí, íðáèáá áíáá, ñááíú í òííòúò èðááè, èááèáá á íòááèúííòè, ýòí - íáí áéí úá íðááíéý; ííéíéáíéýí è èí-òðíèá èç òíò á òíò á çá èááèúí èç íáíí òíèò íáí áéíáý ííááíòú - í áéíúèèè, áááá òéíáèí úé òòðèò íá ííéíòíá ýííòè. Ááç ýòèò ááááí íúò òðáá áí òíá ááðáèíéíé ñááíú íááíçí íáéíí íííýòúèíòíðèè íáòáá íáðíáá

Ñááíáý :éáí íéááíðíáíéíé ááðáèíéíé ðááèáíçííé íáúéíú è áèðéáèíò íðááíéçáòèè «Ýò à-Òíðá» ÁÈÁÁÈÑÈÁÁ ÑÁ-ÒÐÁÍ ÍÁ ðáííéáçíááò íááð èíòíðèð.

История Нижнего Новгорода многогранна и многолика. Наряду с данными об известных заводах, таких как Сормовский и Курбатовский, в архивах можно отыскать сведения и о небольших предприятиях и их владельцах. Одним из них был мой предок - дед моей бабки по материнской линии Наум Осипович Хинский.

«Адресная и справочная книга г. Нижне-го-Новгорода и Нижегородской губернии» за 1 901 год представляет в разделе «Заводы и фабрики» предприятие «Искусственных минеральных вод» Хинского Нахима Иоселовича на Малой Печерке, 13.

Архивные данные Нижегородской области достаточно полно рассказывают об основных вехах жизни Наума (Нахима) Хинского.

Мы узнаем, что он владел филиалами своего предприятия в Александровском, Петропавловском, Мининском и Блиновском садах; о рождениях и смертях детей в его семье; о конкретных параметрах павильонов владельца, расположенных в излюбленных местах отдыха нижегородцев.

Документы свидетельствуют, что во всех своих финансовых делах мой прапрадед проявлял глубокую порядочность и щепетильность. Ему никогда не было свойственно вести коммерческую деятельность спустя рукава.

Сохранились устные воспоминания рабочих завода Хинского о его человечности и щедрости по отношению к подчиненным. Моя бабушка, внучка Н.О. Хинского Раиса Михайловна Минц, была знакома с ныне покойной Анастасией Георгиевной Симановской, которая жила во «вдовьем доме», на содержание которого Наум Осипович давал деньги. А.Г. Симановская неоднократно общалась с работниками завода. Они рассказывали о доброте и сострадательности Н.О. Хинского: мой прадед помогал им (естественно, помимо зарплаты) в затруднительных обстоятельствах. С раннего возраста Н. О. Хинский приучал своих детей к труду, готовя их - и особенно сыновей — к управлению заводом. Ба-

бушкина тетя Сара рассказывала, что им приходилось мыть посуду. Своей дочери Л.М. Браво Сара Наумовна передала воспоминания о том, что она торговала минеральными и фруктовыми водами у Кремлевской стены и что к ней несколько раз подходили Горький и Шалапин. По рассказам Сары Наумовны, Н.О. Хинский давал Горькому деньги на развитие оперного театра, хотя, к сожалению, подтвердить это документально не представляется возможным.

Не обошли семью Хинских и проблемы, которые неизбежно возникали у евреев в царской России. Известно, что Н.О. Хинский приехал в Нижний Новгород вскоре после кровавого еврейского погрома. Его дочерям Евгении и Саре было запрещено учиться в Москве, и им пришлось ехать в Варшаву. Один из сыновей, не выдержав, что не смог из-за национальности поступить в вуз, покончил с собой.

Мемориал жертвам фашизма на шахте 4-4 бис — два шурфа и опрокинутая вагонетка. Над одним из шурфов полыхает на ветру красное знамя, высеченное из камня, укрывая собой тех, кто покоится под ним. Это знамя словно соткано из запекшихся капель крови убитых.

Семьдесят пять тысяч павших: русские, цыгане, украинцы, евреи... Двадцать пять тысяч евреев.

Я знаю, что уголь черного цвета. Но на этой шахте он должен быть алым. Он должен светиться кроваво-красным огнем, а искры от него должны стучать в сердца всех живущих, не позволяя забыть трагедию нашего народа.

Дети из еврейской школы «Ор-Менахем», молодежь, старики застыли в почетном карауле у этой страшной могилы. Митинг памяти открыл председатель Ворошиловского районного совета Донецка Борис Адамов. Он призвал всех, чтобы никогда не позволяли сеять вражду между народами, чтобы наша почва давала лишь мирные всходы. Чтобы не повторилась трагедия шестидесятилетней давности.

Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий прочел кадиш - поминальную молитву. Учительница еврейской школы Соня Сла-

венко, все родные которой погибли в годы войны в Белоруссии, говорила о том, что еврейский народ будет жить вечно: «Наши родные погибли, но своих детей мы называем их именами»...

Член совета музея «Донбасс непокоренный» Надежда Митрофанова дрожащим от слез голосом рассказывала о жертвах фашизма. «Какими словами оправдать 380 метров трупов?» Эта пожилая женщина вспоминала, что дорога в одном из концентрационных лагерей была выложена детской обувью. «Вот гады», — прошептал мальчишка-первоклассник. «Они что, звери, фашисты эти?» — спросила девчущка, стоявшая рядом с ним.

Член Совета ветеранов Юрий Корытный рассказал о безымянном юноше из Тореза, который, падая в шурф, обнял немецкого офицера и упал вместе с ним; о двух молодых евреях, столкнувшихся в шурф полиция; об Аркадии Слободяке, который включил

трансляцию парада в Москве 7 ноября; о трех тысячах евреев в рядах украинских партизан. Зинаида Букуемская, заведующая народным музеем «Донбасс непокоренный», и молодежная организация «Действие» будут снимать фильм о зверствах фашизма в Донбассе, чтобы сохранить память для наших детей и внуков.

Митинг завершили дети из общеобразовательной еврейской школы №99 «Ор-Менахем» стихами о войне. А затем началось возложение цветов. Сотни гвоздик, ромашек, полевых цветов легли к подножию шурфов. Две поминальные свечи, зажженные председателем религиозной общины иудеев Донецка Иеудой Келерма-ном, горели, утопая в цветах.

Возле одного из шурфов рыдала Светлана Леонидовна Мой-сеенко. Мама, тетя, племянники, братья — всего одиннадцать человек из ее семьи покоятся здесь. У Риты Гуревич здесь бабушка и у Бориса Юдицкого тоже...

Мы, живущие, потомки выживших, случайно уцелевших евреев не имеем права забывать тех, кто погиб, чтобы мы могли жить.

יְיָ שְׂמַח עַם יִשְׂרָאֵל

יְיָ שְׂמַח עַם יִשְׂרָאֵל וְיִשְׂמַח עַם יִשְׂרָאֵל

КАКОЙ МИР ТВОРЯТ МИРОТВОРЦЫ?

КАКОЙ МИР ТВОРЯТ МИРОТВОРЦЫ?

Àèàèñáí àð Ñèí àèíí èèíá

Áíñè àíððùèá ñòíðíú íá ì íáò àíáíáðèòííí, ñèááòò ñèéíè íðèíáèòú èð è ì èðé ñ-èòàðò ÍÍÍ, ÍÁÓÍ è Ááðííðç (ÁÑ). Ýòí ìí-áí ó-òí íçíá-áàò ìíáááðèéò íáííè ñòíðíú ìðíòèá áðááé. Ááíí ì èð áííóèááàð Èðáèéú íòáàòú ìáèáíðèíòáí çáí èè, èíòíðíá óá ñ-èòàðò ñáíèì è. Í í íí è ðáííí áððèááðò èáè ñáíð áíð óáððèòíðèð ñòðáíú è èèòú ðááè ìðèèè-èý ááíðýò ì áðáíèòáò 1967 ááá, ñííèáýííí íá 242 þ è 338 þ ðáçíèðòèè Ñíááòá Ááçíí áíí ííòè ÍÍÍ.

Когда бывший премьер-министр Израиля Эхуд Барак с некоторыми оговорками согласился и на эти границы, переговоры сорвались, поскольку Ясир Арафат потребовал принять палестинцев, покинувших страну еще во время войны 1947 -1948 годов и до сих пор считающихся беженцами, а также их потомков. Тогда этих людей было примерно 600 тысяч, а сейчас вместе с членами разросшихся семей - около 4 миллионов. Израиль был готов разрешить въезд небольшому числу пожилых людей, которые жили в стране до 1948 года. Но палестинцы настаивали на приеме всех желающих с детьми и внуками, уверяя при этом, что вернуться лишь немногие.

Действительно, большинство из них давно прижились на новых местах. Но даже если в начале приедут «только» десятки тысяч, из которых «всего лишь» несколько сотен окажутся террористами (и как узнать, кто именно?), то тут же начнется массовый исход евреев из Израиля. На Святой земле место пусто не бывает. Его тут же займут новые сотни тысяч, а то и миллионы беженцев. Они уже готовят судебные иски о возвращении своих домов и земель. А кто вернет евреям, бежавшим в Израиль из арабских стран, отнятое у них имущество?

Вернувшихся палестинцев с восторгом встретит миллионная масса израильских арабов. Из-за их высокой рождаемости страна скоро станет арабской. Интересно, как она будет называться? Единая Европа считает расизмом желание евреев жить в своем государстве. Зато лозунг «Палестина - для палестинцев» европейцам явно по душе. Нравится им и саудовский план урегулирования, предусматривающий в обмен на отход к границам 1967 года и прием беженцев признание всей семьей арабских стран права Израиля на существование... в качестве своего нового члена.

ЕС и ООН вполне устроит мир БЕЗ Израиля вместо мира МЕЖДУ ним и арабами. Страной больше, страной меньше - какая разница? В ООН и так почти две сотни государств. В конце концов, ради мира на Ближнем Востоке и во всем мире можно и пожертвовать Израилем! Это соответствует как принципам глобализации, так и мнению ее противника Ле Пена о том, что газовые камеры для уничтожения евреев - это «детали» в истории второй мировой войны. Такие «детали» важны лишь для самих евреев, не понимающих, что общечеловеческие интересы выше узконациональных. Мало кто из политиков,

осуждающих Израиль, вникает в обстоятельства ближневосточной распри. Их интересуют лишь цены на нефть и политическая стабильность. Остальное - это «детали».

До 1967 года все территории, возврат которых считается неперенным условием мира, принадлежали арабам. Но разве тогда они жили в мире с Израилем? Напротив, в то время все арабские страны не признавали его право на существование. Война 1967 года - лишь один из этапов столетнего конфликта. Его основная причина - это протест арабов против возвращения евреев на родину своих предков - Эрец Исраэл, которую арабы тоже считают своей и называют Палестиной. В 1880-х годах среди русских евреев возникло «палестинофильское» движение, позже названное сионистским. Появились первые еврейские поселения на землях, купленных у арабских шейхов Эдмондом Ротшильдом. Арабским феллахам пришлось наниматься на работу к поселенцам. Но они не желали зависеть от «неверных» и стали нападать на поселения. В начале XX века евреи создали организацию самообороны - Ха-Шомер («Страж»). После первой мировой войны, когда власть в стране перешла от турок к англичанам, образовалась другая военизированная организация - Хагана («Защита»). Она стала основой Армии обороны Израиля - ЦАХАЛа.

Британское правительство 2 ноября 1917 года приняло декларацию Бальфура. Она была опубликована в «Тайме» 9 ноября рядом с известием о революции в России. Вот ее текст.

«Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению Национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели. Вполне понятно, что не должно быть предпринято ничего, что может повредить гражданским и религиозным интересам нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране».

Арабы решили, что англичане отдадут страну евреям, и стали противиться этому всеми средствами, включая массовые убийства. В 1921 году произошли беспорядки в Яффе, Петах-Тикве, Реховоте, Ха-дере и других городах - 47 евреев было убито. В 1929 году арабские выступления охватили всю страну - погибли 133 еврея, половина из них - от погрома в Хевроне. Евреям пришлось покинуть город, где они жили почти непрерывно в течение трех тысяч лет. На прибытие в страну десятков тысяч немецких евреев, бежавших после прихода Гитлера к власти, арабы ответили мятежом 1936 - 1939 годов. Это стоило жизни более чем 400 евреям. Хагана оказывала арабам активное сопротивление. Англичане же не хотели терять своих солдат при усмирении бунта.

Комиссия Пиля, посетившая страну в 1937 году, пришла к выводу, что два народа не могут мирно сосуществовать. И рекомендовала своему правительству отказаться от мандата на управление Палестиной, оставить за собой только Иерусалим и соединяющую его с морем узкую полосу земли до Яффы. На прибрежной долине между Яффой и Хайфой, а также в части Галилеи предполагалось создать еврейское государство, а всю остальную часть страны отдать арабам. Евреям отводилась территория, уже купленная и заселенная ими, втрое меньшая, чем Израиль в границах до 1967 года. В нее не входил даже Иерусалим, где евреи составляли большинство жителей. Тем не менее, многие видные сионисты, в том числе будущий премьер-министр Израиля Давид Бен Гурион приняли этот проект. Арабы же отвергли его напрочь.

Англичане предлагали арабским лидерам встретиться с еврейскими, чтобы найти другой выход. Но арабы отказались наотрез. Они вели переговоры лишь с британцами. В стране ходили еврейские и арабские автобусы. Евреи знали, что если войти в арабский автобус, то оттуда можно и не выйти. Как это похоже на страшную участь двух израильских резервистов, которые в октябре 2000 года по ошибке заехали в арабскую Рамаллу и были растерзаны озверевшей толпой!

Вторая мировая война привела к гибели миллионов евреев, к бегству сотен тысяч уцелевших в Палестину и к распаду Британской империи, которая стала рассматривать свои колонии как «обузу» и предоставлять им независимость. Англия отказалась и от мандата на управление Палестиной. Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 года приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства: еврейское и арабское. За раздел голосовал и СССР.

Арабы ответили на это новыми нападениями на евреев. Государство Израиль было официально провозглашено лишь после эвакуации английских войск 14 мая 1948 года, когда в стране уже полгода шла

война. Хагане пришлось сражаться с отрядами палестинцев, а после 15 мая - с армиями пяти государств: Египта, Трансиордании, Сирии, Ливана и Ирака. Их командование призвало местных арабов уйти из страны на короткое время, чтобы не погибнуть от своих же бомб и снарядов, и затем вернуться в

очищенную от евреев Палестину. Не ясно, сколько арабов бежало под воздействием этих призывов, а сколько - из страха перед евреями, от которых они ожидали мести за все предыдущие расправы. Однако этот исход - в отличие от выезда евреев из арабских стран - был хотя и массовым, но не поголовным.

Если представителей нежелательной нации выселяют, то всех подряд, как выселили немцев из Восточной Пруссии, превращенной в Калининградскую область, хотя после войны они уже не представляли опасности для великой державы. Для маленького же Израиля, воюющего с соседями, арабы, живущие в стране, были «пятой колонной». Но их не выселили всех поголовно. Многие арабы, считавшиеся лояльными израильскими гражданами, теперь поддерживают Арафата, а некоторые даже стали террористами.

На территории Израиля в границах, сложившихся в результате войны 1947 - 1948 годов, до нее проживало примерно 750 тысяч арабов. После войны из них в стране осталось около 160 тысяч. Израиль принял часть беженцев обратно - в порядке воссоединения семей. За полвека с лишним арабское население сильно увеличилось за счет естественного прироста и в наше время намного превышает миллион. Оно имеет свои школы, мечети, церкви, - поскольку часть арабов христиане, - органы местного самоуправления в городах с арабским населением, религиозные суды по бракоразводным и некоторым другим делам. У арабов есть свои политические партии, представленные десятью депутатами в кнессете. Это большая сила - ведь законы нередко принимаются перевесом всего в один голос.

Евреи обращались с арабским населением во время войны 1947-1948 годов далеко не гуманно, но все же лучше, чем арабы - с еврейским населением. В части страны, доставшейся арабам в результате той войны, не осталось ни одного еврея, как и сейчас на территориях, подвластных Арафату.

После создания Израиля евреи, спасаясь от обрушившихся на них погромов и преследований, покинули арабский мир. Алжирских евреев как своих граждан приняла Франция. Евреи из прочих арабских стран переселились главным образом в Израиль. В Марокко из почти 300 тысяч евреев осталось всего несколько тысяч. В других странах либо вовсе исчезли еврейские общины, либо уцелели их жалкие остатки - несколько десятков или сотен человек. Иностранцам показывают действующие синагоги, чтобы доказать, что арабы не юдофобы. Синагога VI века на тунисском острове Джерба была в апреле 2002 года атакована террористами, там погибли девятнадцать человек, большинство из них - немецкие туристы.

Израиль в то время, когда ни для кого в стране не хватало ни жилья, ни работы, принял около 800 тысяч беженцев из арабских стран. Они многие годы провели в палаточных лагерях, но не считали себя вечными беженцами, не стремились к возвращению на прежнюю родину и со временем адаптировались к новым условиям. Их дети стали коренными израильянами.

Арабскому миру было куда легче помочь «своим» беженцам - расселить их на огромном пространстве от Марокко до Ирака, предоставить им работу и дать жилье в опустевших еврейских кварталах. Но это означало признать свое поражение в борьбе с Израилем и примириться с его существованием. Ни одна страна, кроме Иордании, долгое время не давала беженцам гражданства. Их поселили в лагерях и объявили вечными беженцами.

Данный статус распространялся и на детей, родившихся уже в лагерях. Вместо работы им дали оружие и стали готовить к войне для уничтожения Израиля и возвращения на родину отцов и дедов. Выросли целые поколения людей, воспитанных в ненависти и умеющих лишь убивать и совершенно не приспособленных к нормальной жизни. Они не хотят мира, и что им делать, если мир наступит? Впрочем, в этом случае боевики найдут себе работу «по специальности» в Чечне, Афганистане и других странах. Некоторые из них уже так и поступили.

В 1949 году были заключены соглашения о прекращении огня между Израилем и четырьмя соседними странами. Ирак, не граничащий с Израилем, соглашения не подписал и до сих пор находится в состоянии открытой войны с ним. Уничтожение израильянами иракского ядерного реактора в 1981 году, что весь мир осудил как «акт агрессии», - одна из операций в ходе войны, начатой Ираком против Израиля в 1948 году и не оконченной до сих пор.

Установившаяся к началу 1949 года линия фронта стала «зеленой чертой», возвращение к которой мировое сообщество считает условием № 1 для выхода из кризиса. Но это была всего лишь временная линия прекращения огня. После 1949 года и даже после 1967-го фронт много раз передвигался. Почему кордоном должна стать не нынешняя линия фронта, а та, что существовала с 1949 по 1967 год, когда арабы не считали ее границей, а Израиль - государством?

Израильское правительство не настаивает и на нынешней линии. Оно согласно на то, чтобы в палестинское государство, когда оно будет официально провозглашено, вошла почти вся территория Иудеи, Самарии и сектора Газа, а удержать за собой хочет только Восточный Иерусалим и часть еврейских поселений. Например, район Гуш-Эцион, где поселения существовали еще до 1948 года и были восстановлены после 1967 года. Но Ясир Арафат требует ВСЕ поселения и ВСЮ восточную часть Иерусалима. Кто не идет на реальные уступки, тому мир не нужен. Арафат же сделал лишь чисто символическую «уступку» - в 1988 году он признал право Израиля на существование, однако же террор от этого отнюдь не прекратился.

В стихотворении Генриха Гейне еврей говорит юдофобу о «взаимной терпимости»:

וְאִי אֶעֱוִי אֹי, אִי יֵאָמֵר

אִי אֶעֱוִי אֶעֱוִי אֹי אִי אֶעֱוִי אֹי.

Чтобы уйти от этой унижительной формулы, выражающей условия жизни гонимых евреев диаспоры, сионисты жили впроголодь в палатках, работали под палящим солнцем от зари до зари, осушали малярийные болота и основывали на их месте кибуцы, погибали в боях с арабами. Неужели все это делалось лишь ради того, чтобы вернуться к той же формуле? То есть отдать врагам половину Иерусалима вместе со Стеной Плача и построенные с таким трудом поселения в обмен на одно лишь право дышать. К тому же далеко не все арабы проявят и такую «терпимость»: терпеть их неистовые кровавые выходки придется и в «мирное» время.

Территории, где сейчас строится палестинское государство, образование которого предусмотрено еще резолюцией ООН от 29 ноября 1947 года, находились под властью арабских стран с 1948 до 1967 год. Но вместо того чтобы на деле создать это государство, Трансиордания присоединила к себе Восточный Иерусалим и Западный берег Иордана - Иудею и Самарию, а уже затем она переименовала себя в Иорданию. Египет занял сектор Газа, хотя и не аннексировал его. Так что о палестинском государстве вспомнили только после завоевания этих регионов Израилем.

Нападения террористов из Египта и сектора Газа вынудили Израиль в 1956 году занять Синайский полуостров и этот сектор. Но в 1957 году под нажимом СССР и ООН пришлось вернуть Египту эти территории. На Синай пришли войска ООН - чтобы разъединить противников. Но и их присутствие все же вовсе не помешало террористам нападать на Израиль. Весной 1967 года президент Египта Гамаль Абдель Насер заставил войска ООН уйти с Синая, ввел на полуостров свою армию и объявил: дескать, скоро евреи будут сброшены в море. Военные приготовления развернули также Сирия и Иордания. Израильтяне, однако же, решили не ждать удара - они атаковали первыми и одержали блестящую победу: за шесть дней заняли Газу, Синай, Голанские высоты, Восточный Иерусалим и Западный берег Иордана.

Израильское правительство предлагало арабам вернуть почти все эти земли в обмен на мир и признание права Государства Израиль на существование, но они на это не согласились. В октябре 1973 года «Война Судного дня» для Израиля началась неудачно, принесла ему большие потери, и хотя в конце концов завершилась его победой, однако все же не столь блестящей, как в 1967 году. В это же время арабские страны отказались продавать нефть странам, поддерживающим Израиль. Таким образом, еврейское государство оказалось в изоляции. Позже под давлением ООН, Европы и даже Америки, которой тоже нужна нефть, Израиль вынудили в 1979 году в Кемп-Дэвиде (США) заключить с Египтом мир и вернуть ему Синай. Так Египет установил с Израилем дипломатические отношения. Многие израильтяне до сих пор надеются, что по примеру мира, заключенного с самой сильной арабской страной, можно будет договориться и с другими соседями. И правда: в 1994 году был подписан договор с Иорданией, хотя и вновь по принципу «мир в обмен на землю».

Поскольку Израиль в обмен на мир ПОЛНОСТЬЮ вернул Синай египтянам, то и другие арабы настаивают на возвращении ВСЕХ своих территорий. Раздел этих земель они считают для себя унижительным. Они вопрошают: чем та же Сирия хуже Египта? Вот сирийцы и требуют - целиком возратить им Голанские высоты, откуда они обстреливали Галилею до 1967 года, а ведь именно там берут начало реки, впадающие в озеро Кинерет, - источник пресной воды для всего Израиля. Если принять эти условия, мир с Сирией окажется таким же «холодным», как и мир с Египтом, где весь народ - от простых феллахов до ученых профессоров - до сих пор ненавидит израильтян.

Чтобы умиротворить палестинцев, Израиль должен уступить ВСЮ СВОЮ ТЕРРИТОРИЮ, которую они считают исконной арабской землей. Так что все разговоры о возврате за «зеленую черту» -

хитрая уловка. Пусть уж сперва израильтяне отдадут все то, что они завоевали в 1967 году, а потом будет куда легче сбросить их в море, до которого и останется всего-то около полутора десятков километров...

В Израиле, однако, и сегодня еще есть люди, готовые на какие угодно уступки - «ради мира». Понятно, что они, как и все, устали от бесконечной войны и думают, что если у гидры на месте каждой отрубленной головы вырастает новая, то следует вместо меча или кнута подойти к ней с пряником: авось она насытится! Думают, что уж если нет военного решения проблемы, то должно же быть в конце концов найдено решение мирное? Да, когда-то оно действительно может быть найдено. Но стремление «здесь и сейчас» достичь мира любой ценой очень похоже на поведение только что освободившегося зэка, который давно не видел женщин: он тянется к первой встречной путане. На вопрос: «А не боишься ли ты СПИДа?» он отвечает: «А мне плевать, мне очень хочется», и добавляет, будто бы вирус этого недуга развивается так долго, что за это время медицина найдет какие-то средства против него. Возможно, что когда-то и появится чудо-вакцина, однако тех миллионов несчастных, которые на это надеялись, сегодня уже нет на свете.

Идея мира на столь сомнительных условиях взята израильскими левыми у международных посредников. В их устах она часто звучит не как предложение, а как решение суда, подчиниться которому Израиль якобы обязан. Когда двух соседей, которые никак не поделят спорную землю, берется рассудить родственник, друг или деловой партнер одного из них, другой сосед дает отвод такому арбитру. Ведь известно, что пристрастный судья вовсе не лучше судьи-взяточника.

Как известно и то, что кто вмешивается в ближневосточный конфликт, становится на ту сторону, с которой выгоднее дружить и опаснее ссориться. Разумеется, торговать лучше не с маленьким и бедным Израилем, а с десятками богатых арабских и других мусульманских стран. Любое государство, поддерживающее Израиль, рискует лишиться нефти, если нет своей, и потерять огромный рынок сбыта в арабском мире. Это же грозит и фирмам, торгующим с Израилем. В странах Азии и Африки, бывших колониями европейских держав, израильтяны ныне считают «колонизаторами, угнетающими арабов». Но если бы эти страны получили независимость и вступили в ООН до ее резолюции о создании еврейского государства, то эта резолюция так и не была бы принята до сих пор.

В ООН сложился мощный антиизраильский блок из полусотни мусульманских стран - как фундаменталистских, так и «умеренных», и из еще большего числа неисламских государств Азии и Африки. Страны, предлагающие резолюции по вопросам, не имеющим никакого отношения к Израилю, могут рассчитывать на содействие членом этого блока, то есть большинства членом ООН - только в обмен на поддержку их позиции по ближневосточному вопросу.

Миллионы выходцев из арабских и других исламских стран получили гражданство в государствах ЕС, политики которых заинтересованы в их голосах. Кое-кто из эмигрантов связан с террористами, и как сами власти, так и простые европейцы боятся, что за любые признаки сочувствия к Израилю на них обрушится карающий меч джихада, как обрушился он на Америку 11 сентября 2001 года.

Только США отчасти благодаря еврейскому «лобби» все еще поддерживают Израиль. Но американцы помогают только одной рукой, потому что не хотят ссориться с мусульманским, да и почти со всем остальным миром.

Есть анекдот о том, как пришел еврей в ОВИР и попросил оформить ему выезд на ПМЖ в Америку. Просьбу уважили, но он передумал и собрался в Австралию. Были подготовлены документы на выезд и в эту страну, но тут и она ему почему-то не понравилась, и он вновь отказался от визы. Тогда сотрудник ОВИРа дал ему глобус и сказал: «Укажите мне страну, которая вас устраивает». Вот тут еврей и спросил: «А другого-то глобуса у вас нет?»

Поголовная эмиграция израильтян не будет для них спасением: ведь во всем мире полно арабов! И они станут сводить счеты со старыми врагами-евреями на новых местах, где те уже не смогут защищаться с оружием в руках. Все знают, что антиизраильские демонстрации арабских иммигрантов в Европе сопровождались поджогами синагог. Все понимают, что вряд ли страны Запада в случае падения Израиля впустят всех его беженцев. Ведь все помнят, что они принимали далеко не каждого из евреев, бежавших от Гитлера, и вряд ли теперь тоже захотят уличных беспорядков у себя дома. Так что, похоже, евреям придется улететь куда-нибудь в иные миры, хоть на тот же Марс - ведь там «другой глобус». Но если марсиане все-таки есть, то войны и с ними никак не миновать...

Если в Газу и на западный берег реки Иордан вступят войска ООН - чего упорно требуют арабы, - то палестинцы будут по-прежнему обстреливать Израиль, но ЦАХАЛ не сможет отвечать залпом на

залп. До сих пор террористы стреляли в израильтян, прикрываясь детьми, кидаящими камни и бутылки с горючей смесью. Стрелять из-за спины миротворца в голубой каске ООН еще лучше: ведь понятно, что даже случайное попадание в него незамедлительно вызовет крупный международный скандал.

Часто предлагается этакий «компромисс»: передать Восточный Иерусалим или его древнейшую часть - Старый город под управление ООН. Но ведь это - то же самое, что отдать те же кварталы палестинскому государству. И вряд ли евреям, молящимся у Стены Плача, следует надеяться на то, что войска ООН защитят их от неизбежных нападений арабов: как не раз доказано, ООН защищает только арабов от евреев.

В отличие от Ясира Арафата, на словах согласного на мир, многие другие палестинские лидеры и организации открыто стремятся к уничтожению еврейского государства. Какие бы территории ни отдал Израиль, на том клочке земли, который от него еще останется, теракты никогда не прекратятся. Но миротворцы желают мира... лишь для арабов. И как все видят, войска ООН вряд ли позволят ЦАХАЛу разгромить базы террористов на палестинских территориях, разобраться с теми, кто дает смертникам взрывчатку и морально готовит их к «подвигам», платит деньги их семьям, и, конечно же, не ликвидируют эти базы сами. Солдаты в голубых касках - ясное дело - не захотят погибать в боях с террористами.

В апреле 2002 года ЦАХАЛ уничтожил гнездо террора в Дженине, откуда незадолго до этого в Израиль прибыли многие фанатики-самоубийцы, погубившие массу мирных людей. Члены комиссии ООН по расследованию событий в Дженине еще до этой операции выступали с антиизраильскими заявлениями. Но как ни странно, даже еще и не приступив к своей миссии, они уже утверждали, будто бы израильтяне совершили в Дженине военные преступления. Мандат комиссии изначально вовсе не предусматривал расследование действий палестинцев. Априорно считалось, что виновными могут быть лишь израильтяне. Правительство Израиля дало законный отвод этой комиссии, нарушившей принципы беспристрастия и презумпции невиновности. Но ведь ясно же, что при нынешней антиизраильской истерии во всем мире любая другая комиссия ООН поступит точно так же.

Даже если мировое сообщество считает виновными обе стороны, то реальную ответственность оно возлагает лишь на одну из них. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) не отрицает того факта, что права человека в ходе войны в Чечне нарушали обе стороны, но «наказала» лишь Россию, которая была исключена из ПАСЕ. Потом Россию вновь приняли, но ни чеченские террористы, ни поддерживающие их страны не подверглись при этом никаким санкциям. Государства ЕС признают факт палестинского террора, но грозят экономическими санкциями почему-то одному Израилю, а палестинцам же, напротив, предоставляют огромные суммы. От них ООН и ЕС не требуют никаких уступок, а Израилю между тем упорно навязывают принятие уступок в вопросах жизни и смерти этого государства. Однако давление чуть ли не всего мира и поныне не может заставить израильтян отказаться от самообороны и подписать смертный приговор как своей стране, так и самим себе лично. Не раз уже на деле доказано: израильтяне - не террористы и не самоубийцы. Но все знают, что Израиль - ядерная держава и с ним нельзя поступать так, как не столь давно поступили с Сербией...

Мир без посредников невозможен, а они всегда в чем-то пристрастны. Но эта пристрастность, по крайней мере, должна быть более или менее равномерной по отношению к обеим сторонам. Такому условию соответствуют лишь две большие страны - США и Россия. Америка тесно связана с Израилем, но она не менее того заинтересована также и в хороших отношениях со всем арабским миром. Многим понятно, что все уступки Израиля по отношению к соседним странам и палестинцам сделаны под давлением США, от которых Израиль зависит во всем. Известно и то, что именно США не позволили ЦАХАЛу довести до конца ни одну крупномасштабную операцию, предпринятую в ответ на действия террористов. Невзирая на все это арабы, тем не менее, считают американскую позицию «произраильской» лишь потому, что США не требуют от Израиля самоликвидации.

Благо Россия не зависит от импорта нефти, но она традиционно имеет дружеские отношения со всем арабским миром, унаследованные от СССР. С другой стороны, миллионная масса русскоязычных израильтян сохранила очень тесные связи с бывшим отечеством. Причем, из-за чеченской войны и сопровождающих ее террористических актов против мирных людей (особенно после трагических событий в Москве в октябре 2002 года) россияне, в отличие от европейцев, очень хорошо понимают чувства израильтян. А практически единодушное осуждение той же «мирной» Европой действий как российской армии против чеченских террористов, так и ЦАХАЛа против их палестинских собратьев, показало россиянам, чего стоит мнение якобы «самой цивилизованной части мирового сообщества». Потому-то именно российские СМИ, включая государственные, освещают ближневосточный конфликт куда объективнее, нежели многие европейские.

Россию, Израиль и США упрекают за попытки «разрешить силовыми методами проблемы, которые в принципе не имеют военного решения». Те же европейцы до сих пор без устали твердят, будто бы выход из ближневосточного тупика может быть найден лишь за столом переговоров и что никогда и никакие успешные антитеррористические операции не положат конец террору, поскольку не устранят его причин.

Террор - опаснейшая форма организованной преступности. Во всем мире бандитов ловят и судят, конфискуют их оружие, а тех, кто затевает перестрелку с полицией, убивают на месте. Всем ясно, что силовые методы не могут покончить с преступностью как организованной, так и стихийной, поскольку не ликвидируют ее причин. Но никто от этих методов не отказывается. Попытки воздействия на причины преступности должны дополнять, а не подменять наказание преступников.

Действия российских войск в Чечне и американских в Афганистане сопровождаются гораздо большими потерями среди мирного населения, чем израильские военные операции. Вина за эти жертвы лежит на террористах, которые прячутся за спины стариков, женщин и детей. К сожалению, военные действия не устранили причин террора: до сих пор так и не видно конца ни чеченской войне, ни терактам в Израиле, ни борьбе США с талибами и «Аль-кайдой». Американцы, понятное дело, опасаются новых атак террористов на свою страну, но разве они могли сидеть сложа руки после 11 сентября?

Израиль доказал свою готовность к компромиссу. После соглашения в Осло, заключенного в 1993 году, он вернул палестинцам большую часть западного берега реки Иордан и сектора Газа, освободил из тюрем тысячи осужденных террористов, и даже согласился на создание Палестинской автономии, которая фактически уже стала государством. Палестинцы же не сделали ни одной реальной уступки, не умерили свои аппетиты и даже не прекратили террор.

Выход может быть найден лишь за столом переговоров, но в данный момент израильтянам говорить попросту... не с кем. Нынешняя позиция палестинцев, рассчитывающих на поддержку мирового сообщества, может измениться лишь тогда, когда ООН и ЕС пересмотрят свое отношение к Израилю или США не позволят им вмешиваться в конфликт. Нередко американцы так и делают, налагая «вето» на проекты антиизраильских резолюций Совета Безопасности ООН. Участие России в мирном процессе покажет арабам, что Америка, которой они не доверяют, - не единственный посредник. Поскольку российские интересы на Ближнем Востоке отличны от интересов США, арабы скорее примут совместные предложения двух этих стран, чем клонут на иные «мирные планы», разработанные одними американцами.

Всемирное одобрение действий палестинцев показало борцам за независимость других мусульманских народов, что и они могут рассчитывать на помощь международного сообщества. Как теперь совершенно ясно, страны НАТО явно оглядывались на мусульманский мир, когда поддерживали в Боснии мусульман и примкнувших к ним хорватов против сербов. Этот же момент повлиял и на «трогательную заботу» Запада о чеченских боевиках. НАТО вынудило боснийских сербов принять гибельные для них Дэйтонские мирные соглашения, однако же мира это так и не принесло.

Живущие в сербском Косове албанцы благодаря высокой рождаемости превратились в большинство населения этого края. Около 70% из них - мусульмане. Они восстали, надеясь, как и их боснийские единоверцы, - на помощь НАТО. И эта международная организация объявила геноцидом попытки сербов подавить мятеж: самолеты НАТО так разбомбили всю Сербию, что ей пришлось капитулировать. Войска НАТО могли бы помешать албанцам убивать и изгонять косовских сербов, но тогда пришлось бы терять своих солдат в стычках с албанцами. А кому это надо?

Гаагский трибунал не считает бомбардировки Белграда геноцидом. Он гораздо чаще судит сербов, чем албанцев, хорватов и боснийских мусульман, на совести которых тоже немало крови. С сербской стороны на скамью подсудимых попали самые высокопоставленные лица, включая бывшего президента Слободана Милошевича, а со стороны прочих участников конфликта - не столь важные персоны.

Вроде бы албанцы получили все, что хотели. Но не тут-то было. В 1999 году большинство албанских беженцев из Косова приютила соседняя Македония, избавив от их приема страны того же НАТО. Албанцы ныне составляют четверть населения этой страны, а в отдельных местностях - большинство. Весной 2001 года они подняли мятеж против македонских властей, требуя почти безграничной автономии. Они рассчитывали, подобно своим братьям в Косове, которые их поддержали, на помощь НАТО. И не ошиблись. Маленькому мирному государству, которое так помогало и самому НАТО, и тем же албанцам в трудное для них время, пришлось под нажимом США и ЕС принять эти наглые претензии. В то же время произошла трагедия 11 сентября.

...Миротворцы давят не на виновников войны, а на ее жертв, которых легче принуждать к миру на любых условиях, в том числе и на своих союзников. Во всей Европе иммиграция уже создала немало потенциально горячих точек, подобных Косову и Македонии. Где вспыхнет очередной пожар? Чем будут умиротворять поджигателей? Только могила исправит тех, кто все еще верит в возможность компромисса с исламскими экстремистами и террористами. Могильщики уже есть. И не только для евреев, но и для христиан, и даже для мусульман, не во всем с ними согласных. Их устроит только мировое господство. С ними можно говорить лишь на единственно понятном для них языке силы.

Если миротворцы поддерживают и ублажают уступками (да еще за чужой счет) ту сторону конфликта, с которой опасно ссориться, то она станет еще более опасной. В первую очередь - для миротворцев. Поддерживать надо не того, с кем выгодно торговать, а того, кто гуманнее поступает во время войны и делает реальные уступки ради мира. Более жестокая и непримиримая сторона должна подвергнуться международной изоляции до тех пор, пока не прекратит террор и не станет сговорчивей. Посредникам, которые всегда поддерживают одну сторону против другой, - не место в мирном процессе.

Так что Израиль имеет полное право заявить отвод ЕС и ООН за их проарабскую позицию. Враждующие стороны найдут общий язык только тогда, когда поймут, что миротворцы в самом деле хотят их помирить, а не принести одну из них в жертву другой.

אָוֶעַיִט יוֹי

К 100-летию кишиневского погрома

אָדאַ אַ עַיִט עֵיִן

יִדְעִימֵי עֵי אַוֶּאָנֹדְרוֹא יִאָדְאַעֹסֶטֶ יִאָדְרִיִי עֵי עֵא אַ יַעִיטְאֵי נֹפֶאָדֶע, נֹאָעֶ אָדְאַעֶעֵא יִיִאָדְרִי וְ אַ דְרִיִעֶ יִא אַוֶּאָעֵא XIX-XI אָעֵיִא XI אָעֵי טֹאָע, י וְ אַנֹוֹיֶעֶ אַ יִיִאֵרֵ אַוֶּנֶיִן-אָעֵאֵ אַ יִיִ יִאֵי יֹוֹוִי עֵעֹעֵיִאָעֵיִי יִיִאָדְרִי אַ עֵיֹוִיִדְטֶ יֹוֹוִיִעֵ אַ יִאָנֶאָעֵיִי וְ אַיִעֵ 1903 אָאָא, אַעֵאָא. עֵ אַוֶּאָדְרֵיִעֵ, עֵ אַ נֶאָיֹוֹנֵיִעֵ דְרִיִעֶ יִאֵי יֹוֹוִי יֹוֹוִיִעֵ אַעֵוִי עֵאֵ אַוֶּעֶנֶסֶטֶ, יֹוִיִעֵ אַ יִיִנֶיִאָעֵיִאֵ אַיִעֵ אַיִעֵ אַוֶּאָאֵ א.ע. אַאֵיִאָאָעֵעֵ עֵ N.I. אַוֶּאָאָעֵיִעֵ, אַדְרֵאֵ אַיִיֹוֹאָעֵ דְרִיִעֶ יִאָעֵ עֵ עֵעֵוִיֹוִיִ (יִאָוֶאֵ 300 יִיִאָעֵיִנֶעֵ נֶאָדְאֵיִ אַיִעֵ יִיִאָ עֹ אַיִיִעֵיִעֵיִ עֵ), יִאָאָאָ, יִאָאָעֵיִעֵ יֹוִיִעֵ אַיִעֵ אַ יִיִנֶיִאָעֵוֶאָעֵוֶאָיִ עֹדְרֵאָאֵיִ אַוֶּאָאָעֵוֶאָאֵ עֹ אַיִעֵיִאֵ נֹאָדְאַעֵיִיִ צֵאָרֵעֵוֶוִי עֵאָדְאָעֵ דְרִיִעֶ יֹוִיִעֵ אַיִעֵ אַיִעֵ עֵאֵיִ עֹדְרֵעֵ אַיִעֵיִעֵ יֹוִיִעֵ יֹוִיִעֵ עֵיִאָוֶעֵעֵיִי עֵ יִאָוֶאָאֵ יִיִנֶעֵאָאֵיִעֵיִ אַיִי עֵעֵ, יִאֵיִאָעֵיִ אַדְרֵעֹבְדִי נֵ עֹ יֹוִיִיִאָאָיִ עֵ עֵעֹעֵיִאָעֵיִ אַעֵאָוֶעֵ עֵיִטֵעֵיִעֵאָעֵ. נֹוֶאָאֵיִעֵ יֹוִיִעֵוֶאָאֵ יִיִ אַעֵוֶוִי יִיִאָדְרִי אַ (יִיִיִאָדְרִי 1903 אָאָא) אַיִעֵ צֵאָעֵוֶוִיִ עֵ יִיִ דְרִיִיֹוִיִעֵאֵיִעֵר יַעִיִעֵוֶוִיִ אַיִעֵוֶוִיִ אַעֵ יִעֵאָאֵ אַ יֹוִיִעֵ יִאֵ יִיִאָאָעֵיִיִ. אַצֵוֶוִי, יִאָדְרֵעֵאָעֵאֵ צֵאֵיִ דְאָוֶ, אַיִעֵעֵ נֹוֶדְרֵאֵ יֹוִיִעֵוֶוִיִ דְאַעֵאָאֵיִ וְ.

В зарубежной печати публиковались стенографические отчеты о процессе; их вели адвокаты и близкие родственники потерпевших. Стоит заметить, что первая небольшая книжка «Кишиневский погром. Сборник документов и материалов» появилась в 1903 году в Штутгарте. Не в России. Издана она была усилиями бывшего «легального марксиста» П. Струве. Когда князь С. Урусов, назначенный после погрома на должность губернатора Бессарабии и присутствовавший на процессе, пишет в своих воспоминаниях «Очерки прошлого», что слова «кишиневский погром» не сходили со страниц газет и повторялись повсеместно то как напоминание, то как предостережение, он имеет в виду не отечественную, а зарубежную печать. Прежде чем жители Запада узнали русское слово «спутник», они включили в свой лексикон слово «погром».

В 1911 году в свет на русском языке вышли «Стихотворения и поэмы» Хаи-ма-Нахмана Бялика в переводах В. Жа-ботинского со «Сказанием о погроме». «Сказание» имело большой резонанс, однако первая мировая война и революция отгеснили на задний план кишиневские события 1903 года. Правда, в революционном Петрограде в 1919 году напечатали первый том «Материалов по истории антиеврейских погромов в России». Но до издания второго тома дело не дошло. Между тем, в годы гражданской войны украинские евреи пережили погромы еще более страшные.

В Кишиневе в 1930 году — тогда это была Румыния — появилась книжка доктора М.Б. Слуцкого, очевидца событий, под названием «В скорбные дни. Кишиневский погром 1903 г.» Затем наступила эпоха долгого молчания, а за ней — Катастрофа.

В пору перестройки и гласности кишиневские историки обратились к прежде запретной теме. В результате архивы «заговорили» — все эти вырезки, книги, брошюры, листы дела. В апреле 1993 года в Кишиневе прошла научная конференция, материалы которой составили сборник статей «Кишиневский погром», изданный с помощью «Джойнта». Двумя годами ранее в Москве вышла основательно документированная книга Семена Резника «Кровавая карусель», в центре которой две фигуры — издатель газеты «Бессарабец» черносотенец Павел Крушеван, главный идейный вдохновитель погрома, и его оппонент, писатель Владимир Короленко, известнейший, как мы бы сейчас сказали, правозащитник.

В наши дни, когда интерес к документальной литературе очень велик, возможно, стоило бы рассказать об этих работах, где ужас вызывают даже цифры: 49 убитых, 586 раненых, свыше 1500 разгромленных еврейских домов... Однако мне ближе факты истории, воплощенные в произведениях искусства, потому я предпочитаю обратиться к ним.

Короленко и Бялик прибыли в Кишинев почти одновременно, сразу после погрома. Первый — из Петербурга, по заданию «Русского богатства», второй — из Одессы, по поручению Еврейского исторического общества, председателем которого был видный историк С.М. Дубнов. Короленко в течение двух недель осматривал места чудовищных событий, где не удалось уничтожить следы бесчинств, заходил в полуразрушенные дома, беседовал с уцелевшими обитателями (в частности, с жильцами дома № 13 по Азиатской улице), посещал больницы, опрашивал раненых. Он назвал свой очерк «Дом № 13», не указав

улицы и тем самым подчеркнув обобщенный смысл картины: ведь на каждой улице был дом № 13, где произошло или могло произойти то же самое.

Дом мертв: он смотрит пустыми глазницами выбитых окон, сорванные, разломанные рамы свисают, точно перебитые руки. Двор покрыт пухом, усеян осколками стекла, обломками мебели, обрывками одежды. Ощущение такое, будто не улеглось еще злобное, дикое ожесточение. Короленко не видел, как убивали жильцов дома № 13, но он говорил с множеством свидетелей, в том числе, и с маленькой девочкой, которая все видела. Он передает ее рассказ, и будто слышится в эти минуты глуховатый голос навеки испуганного, омертвевшего душой ребенка. Рассказ производит впечатление более глубокое, чем самые яростные филиппики в адрес бандитов.

То, что случилось в Кишиневе, по природе своей противно человеческому естеству. Короленко мучают вопросы, которые он ставит и перед читателем: как человек становится зверем? Кто в этом виноват? Почему толпа обывателей-христиан гогочет, наблюдая, как громилы гоняют по крыше двух беззащитных стариков и девушку, пока те, упав, не разбиваются насмерть? Кто истребил человеческое в этих людях? Пером Короленко водило не только возмущение — водил стыд, стыд за православных.

Те же чувства — гнев и стыд, только многократно усиленные (яростный гнев и жгучий стыд) пронизывают поэму Бялика «Сказание о погроме». Поначалу Бялик собирался писать хронику. Он вел дневник, исписал шесть блокнотов, сделал 60 фотографий, собрал массу свидетельств о подстрекательской роли кишиневской прессы накануне погрома. Но хроники не написал. В нем заговорил художник, и он создал поэму, которая принесла ему всемирное признание. А материалы его архива, 85 лет пролежавшие на полках, усилиями доктора Якова Горена все же были изданы в Израиле.

«Сказание о погроме» — произведение огромной художественной силы. Несмотря на небольшой объем (Горький, считавший, кстати сказать, Бялика гениальным поэтом, вообще называл ее стихотворением) поэме присущи и глубина, и масштабность. Весенний Кишинев тех страшных трех дней (аромат цветущих акаций, слепящее южное солнце, играющее на осколках битого стекла, пух подушек, устилающий дворы и улицы, порушенные, разграбленные дома, пыльный чердак, ледяной погреб, где насиловали женщин, ямской сарай весь в крови, хлев) поднят на высоту символа и в какой-то мере лишен признаков конкретного исторического времени. Разумеется, Бялик описывает то, что случилось именно в эти черные для кишиневских евреев времена, и воссоздает точные детали погрома 1903 года («Присохший на стволах и камнях и заборах / Остылый мозг и кровь комками»; «Набитый пухом из распоротой перины / Распоротый живот — и гвоздь в ноздре живой»), но одновременно он ведет речь о чем-то большем, чем зверства погромщиков и муки их жертв.

Бялик следует библейской традиции. Не случайно Горькому чудились в поэме то жалобы многострадального Иова, то грозный глас пророка Исайи. «Сказание о погроме» — монолог Б-га, обращенный к Поэту как посреднику между Ним и Его народом. И это наполняет текст библейским пророческим пафосом, придает ему подлинную мощь.

Сюжет поэмы составляет путешествие по «городу резни». Сам Б-г ведет Поэта и требует, чтобы тот все увидел, все запомнил. Невольно на память приходит пушкинское: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моею». «Встань и пройди по городу резни» — повелевает Г-сподь своему спутнику у Бялика. И далее:

Иди. Вскарбайся под крыши

на чердак:

Предсмертным ужасом еще

пропитан мрак...

И загляни ты в погреб ледяной,

Где весь табун, во тьме сырого свода,

Позорил жен из твоего народа —

По семеро, по семеро с одной.

Загляни

В ямской сарай за городом у сада –

Войди туда. Ты в капище резни.

Тем не менее поэма вызвала у евреев сложные, разноречивые чувства, ибо это был не только реквием по невинно убиенным, но и страстное обвинение еврейства. Не в том, что евреи дали повод для погрома, как утверждали на процессе защитники убийц. Нет, такого греха Б-г за своим народом не числил. Он винил евреев в том, что ими забыта их героическая история, что они изменили традициям великих предков, не сумели достойно встретить смерть, не защитили честь каждой семьи, каждого человека.

Í íòíí èè òáñ, ÷áé í ðááááí áúé

Èááááá,

Èáá Í áééááé, — ñáááí í áðçííòé

ñáéííé,

Á áðçé èéíáé ñ í ò áðííáí é ñéááéé,

Áí áçáé èéííí á èáæáí é ýí á á èáæáí é

úáéé —

Í í ñáí áðí, í í ñáí áðí á íáí íé.

Поэма, другими словами, исполнена не одного лишь сострадания: «Огромна скорбь, но и огромен срам./ И что огромнее — ответ, сын человеческий!» Упреки Б-га неотразимы. Его суд беспощаден.

Сцены погрома — еще не финал поэтического рассказа. Автору важен дальнейший ход вещей. Как пойдет жизнь после случившегося? Как поведут себя люди? Слыша рыдания, стоны, слезные мольбы, Б-г негодует. Он не хочет жалобных молитв. Свой народ он жаждет видеть готовым к отмщению, ждет действенного протеста, бунта, его возмущают слабость и покорность.

Í í á ñáí çá í éó é í áðçéé ýòé ñéáçú!

Áá èðééí é èí, ÷ò í á áðýí óéé áðí çú

Í ðí ò éá Í áí ý é í ááá, é çúí èé, —

× ò í áú á í ò ááí ò çá í óéé í í é í é á í é é

Í ðí éé ý ò é ý á çá é é é ñ ý é á ð í á é ñ á í é

È á áðáð í ðáíí ò í é Í í é í í ò ðýíí é!

В уста Б-га Бялик вложил свои заветные мысли о грядущем пробуждении соплеменников, о том, что пришел час подниматься с колен, распрямлять спину и бороться за достойное место в мире. Только исполненный высоких духовных устремлений, беспредельно преданный идее независимого еврейского государства поэт мог бросить в лицо единоверцам горький, презрительный укор в пассивности, смирении, заискивании перед другими народами ради их снисхождения.

Í í éé ò ááí, í é ú éá í á áá ò áð á í í ò

הַיְיִטְוִי

יְיִטְוִי הַיְיִטְוִי, יְיִטְוִי הַיְיִטְוִי —

עַל הַיְיִטְוִי, עַל הַיְיִטְוִי, עַל הַיְיִטְוִי —

עַל הַיְיִטְוִי..

Можно, конечно, не принимать целиком максимализм поэта, но его инвективы бесспорно продиктованы требовательной любовью к своему народу. «Сказание» оказалось не только плачем. Гнев мобилизовывал. Бялик воспитал новое поколение еврейской молодежи: в России появились отряды самообороны, до-бровольцы-халуцим ехали в Палестину осваивать землю праотцев.

Иным, впрочем, сегодня кажется, что размах поэмы Бялика не соответствует масштабам случившегося в Кишиневе весной 1903 года. Погибло-то всего полсотни евреев. На фоне последующей Катастрофы это вообще, мол, не цифры. Пророческий характер поэмы стал особенно ясен спустя сорок лет после ее написания, когда Бялика уже не было в живых. «Сказание о погроме» превратилось в реквием и по жертвам Холокоста, счет которым велся на миллионы.

Читая книгу Александра Солженицына «Двести лет вместе», где нашлось место оценке кишиневского погрома и его последствий для России, я испытывала негодование. Приведя ряд точных цифр и достоверных фактов, автор ополчился на «далеких от этих событий вершителей общественного мнения», которые, по его мысли, прибегли «к разжигательным преувеличениям». Он не называет имени Бялика, но говорит об одной выразительной детали поэмы: «...гвоздь в ноздре живой». Солженицын опровергает поэта: гвоздя, дескать, не было, ибо такой подробности нет в показаниях свидетелей: «Родственники забитого по голове еврея... не сочиняли подобных выдумок».

Солженицын прав, когда пишет, что кишиневский погром «лег деготным пятном на всю российскую историю». Но виновников он ищет среди евреев — тех, кто, по его мнению, «путем лжи» и «ядовитых подделок» сгустил и искажил истину о погроме. Хаим-Нахман Бялик не был в данном случае историком, он был поэтом. Поэт имеет право на художественное преувеличение, и оно не считается ложью. Когда Бялик писал свои строфы, его заботила судьба еврейства, а не престиж царской России, о котором печется Солженицын. И он, как показало время, сумел заглянуть далеко, и его провидческий взор разглядел предстоящую трагедию целого народа. «Сказание о погроме» по-своему предвосхитило Холокост.

Сейчас, в начале нового тысячелетия, поэма Бялика по-прежнему звучит современно. В 1990 году в журнале «Иностранная литература» появился новый ее перевод под названием «Город резни», выполненный Львом Беринским. Слова праведного гнева опять взывают к нам. И опять, наверное, нужны немалая смелость и внутренняя честность, чтобы признать правоту поэта.

Роман-хроника Бориса Сандлера «Жизнь и прах» (1991) — новейшая книга о кишиневском погроме. Еще один отголосок прошлого. В основе романа — официальные документы, добытые автором в открывшихся архивах. Сейчас Б. Сандлер готовит свой труд к переизданию. Живых свидетелей еврейских погромов начала двадцатого века не осталось, но память о трагедии воистину не умирает.

На еврейском кладбище в Одессе, в дальнем его углу, есть необычный памятник — высокая, в два человеческих роста, и длинная бетонная стена. Наверху — звезда Давида. С обеих сторон стену украшают колонны. Она вся испещрена надписями на иврите. Это имена жертв одесских погромов конца XIX — начала XX столетий. Мой отчим, чью фамилию я ношу, ровесник века, воспитанник еврейского сиротского дома, привел меня как-то к этой одесской «стене плача». Там значится имя его отца, бедняка-портного, убитого в 1905 году лишь за то, что он был евреем. В Кишиневе подобной стены нет. Бывая в Одессе, я всегда иду к этому памятнику — слушать усиленное Холокостом эхо давних зверств.

660 ĖĀŌ ĀĪ ĀÑŌĀ Ė 50 ĖĀŌ ĖĀĖĖ

«ĖĀĖ ĪŪĪĀ ĩĕĕĕĕĕĕĕĕ ĀĀŪĖĖ ĪĖĀĀ ĩŵĕĕŵŵ ĩĀĕĕĕĕ ĪŪĪ ōĀĕĀĕĀĪ...» ĪĀŪ-ĪĪ ĖĪĀĪĪ ĩŵĖĪ Ė ĪŵĖĖĪĪĖĖĪ Ė ĩŵŵĕĕĕĕĪ Ė ĪĀĕĕĕĕ-ĖĀĀĕĕĕĕĕĕ ĀĪĀ ĕĪĀĖĪ ĩŵĀĪ ĩĕĀĕĀĪ ĀĪĪŪŵ ōĪĪĕĕĕĕ ĩ ĖĩŵĪĕĕĕĕ ōŪĪĪĪĪ-ŵĀĕĀĕĕĕĕŵ ĀĕĕĪ ĪŵŵĪĪŵĀĪĖĖ, ĪĀĪ-ĖŵŪĀĪĪĕĕ ĪŵĖĪ ĀĕĪĪ 500 ĖĀŌ.

ĪĪ-ĀĪ ō ōĀĖ ĩŵŵ-ĖĖĪĪĪ? Āĕĕ ōĪĀ, ±ŵĪĀŪ ĪĪĪŵŵŵŵŵŵ, ĪĀĪ ĪŵĕĕĪĪ Īŵĕĕĕĕĕĕĕĕĕĕĕĕ ĀĪĪĪĪ ĪĖŵŵ Ī ōĪĪ, ĖĀĖĪĪĪĪ ĕĕĀĀŪĖĖ ĩŵĖĪ ĪŵĪĪŵĀĪĖĕĕ.

ŌĀĕĀĕŪ Ė ĐŌŪŪ

Хазарский каганат был гигантским государством, занимавшим все Северное Причерноморье, большую часть Крыма Приазовье, Северный Кавказ Нижнее Поволжье и Прикаспийское Заволжье. В результате многочисленных военных сражений Хазария превратилась в одну из могущественнейших держав того времени. Во власти хазар оказались важнейшие торговые пути Восточной Европы: Великий Волжский путь, путь «из Варяг в греки», Великий шелковый путь из Азии в Европу. Хазарам удалось остановить арабское нашествие на Восточную Европу и несколько столетий сдерживать рвавшихся на запад кочевников. Огромная дань, собираемая с многочисленных покоренных народов, обеспечивала процветание и благополучие этого государства. Этнически Хазария представляла из себя конгломерат тюркских и финно-угорских народов, ведших полукочевой образ жизни. Зимой хазары проживали в городах, в теплое же время года кочевали и обрабатывали землю, а также устраивали регулярные набеги на соседей.

Во главе хазарского государства стоял каган, происходивший из династии Ашина. Власть его держалась на военной силе и на глубочайшем народном почитании. В глазах простых язычников-хазар каган был олицетворением Б-жественной силы. Он имел 25 жен из дочерей правителей и народов, подвластных хазарам, и еще 60 наложниц. Каган являлся неким залогом благополучия государства. В случае серьезной военной опасности хазары выводили перед противником своего кагана, один вид которого, как считалось, мог обратить врага в бегство.

Правда, при каком-либо несчастье – военном поражении, засухе, голоде – знать и народ могли потребовать смерти кагана, так как бедствие напрямую связывалось с ослаблением его духовной мощи. Постепенно власть кагана слабела, он все более становился «священным царем», чьи действия были скованы многочисленными табу.

Примерно в IX веке в Хазарии реальная власть переходит к правителю которого источники титулуют по-разному – бек, пех, царь. Вскоре появляются заместители и у царя – кундуркаган и джавшигар. Впрочем, некоторые исследователи настаивают на версии, что это – лишь титулы тех же кагана и царя...

Впервые хазары и славяне столкнулись во второй половине VII века. Это было встречное движение – хазары расширяли свои владения на запад преследуя отступавших протоболгар хана Аспаруха, а славяне колонизировали Подонье. В результате этого столкновения, довольно мирного, если судить по данным археологии, часть славянских племен начала платить хазарам дань. В числе данников были поляне, северяне, радимичи, вятичи и упоминаемое хазарами таинственное племя «с-л-виюн», которым, возможно, были славяне, жившие в Подонье. Точный размер дани нам неизвестен сохранились различные сведения по этому поводу (беличья шкурка «с дыма», «щеляг от рала»). Однако можно предположить, что дань была не особенно тяжелой и воспринималась как плата за безопасность, поскольку не зафиксированы попытки славян как-то избавиться от нее. Именно с этим периодом связаны первые хазарские находки в Поднепровье – в их числе раскопана и ставка одного из каганов.

Подобные же отношения сохраняются и после принятия хазарами иудаизма – по разным датировкам это происходило между 740 и 860 годами. В Киеве, бывшем тогда пограничным городом Хазарии, примерно в IX веке возникает еврейская община. Письмо о финансовых злключениях одного из ее членов, некоего Якова бар Ханукки, написанное в начале X века – первый аутентичный документ сообщающий о существовании этого города. Наибольший интерес у исследователей вызвали две из почти десятка подписей под письмом – «Иуда, по прозвищу Северята» (вероятно от племени северян) и «Гостята, сын Кабара Когена». Если судить по ним, то среди членов еврейской общины Киева были люди со славянскими именами и прозвищами. Весьма вероятно, что это были даже славяне-прозелиты. В это же время Киев получает второе название – Самбатас. Происхождение этого названия таково. В Талмуде

упоминается загадочная субботняя река Самбатсион (или Саббатсион), обладающая чудесными свойствами. Эта бурная, перекатывающая камни река совершенно непреодолима по будним дням, но с наступлением времени субботнего отдыха она затихает и стано вится спокойной. Евреи, живущие по одну сторону Самбатсиона, не имеют возможности перейти реку, поскольку это было бы нарушением шабоса, и могут лишь переговариваться со своими соплеменниками по другую сторону реки, когда она затихает. Поскольку точное местоположение Самбатсиона не указывалось, члены окраинной киевской общины отождествили себя с теми самыми благочестивыми евреями.

Первое же соприкосновение хазар и русов (под именем «русы» я понимаю многочисленных скандинавов, в основном шведов, устремившихся в тот период на поиски славы и добычи) приходится на начало IX века. Позднейший источник – «Житие Стефана Сурожского» – фиксирует поход «князя русов Бравлина» на крымское побережье. Поскольку путь «из варяг в греки» еще не функционировал, вероятнее всего Бравлин прошел по установившемуся тогда пути «из варяг в хазарь» – через Ладогу, Белоозеро, Волгу и переволоку на Дон. Хазары, занятые в тот момент гражданской войной, вынуждены были пропустить русов. В дальнейшем русы и хазары начинают соперничать за контроль над трансевразийским торговым путем, проходившим через хазарскую столицу Итиль и Киев. В основном по нему курсировали еврейские купцы, которых называли «раданитами» («знающими пути»). Посольство русов, воспользовавшись тем, что в Хазарии полыхала гражданская война, уже около 838 года прибыло в Константинополь и предложило союз императору Византии Феофилу правившему в 829 – 842 годах. Однако византийцы предпочли сохранить союз с хазарами, построив для них крепость Саркел, контролировавшую путь по Дону и волгодонской волок.

Около 860 года из-под хазарского влияния выходит Киев, где обосновываются русско-варяжский князь Аскольд (Хаскульд) и его соправитель Дир. По сохранившимся в летописях глухим упоминаниям можно установить, что это обошлось Аскольду и Диру недешево – почти 15 лет хазары, используя наемные войска, состоявшие из печенегов и так называемых «черных болгар», живших на Кубани, пытались вернуть Киев. Но он оказался потерянным ими навсегда. Примерно в 882 году пришедший с севера князь Олег убивает Аскольда и Дира и захватывает Киев. Обосновавшись на новом месте, он немедленно начинает борьбу за подчинение бывших хазарских данников. Летописец бесстрастно фиксирует: в 884 году *«иде Олег на северяне, а победи северяны, и возложи на нь дань легку, и не даст им козаром дани платити»*. В следующем, 885 году, Олег подчиняет Киеву радимичей, запрещая им платить дань хазарам: *«...не дайте козаром, но мне дайте. И взяша Ольгови по щялягу якоже и козаро даяху»*. Хазары отвечают на это самой настоящей экономической блокадой. Клады арабских монет, в изобилии встречающиеся на территории бывшей Киевской Руси, свидетельствуют – примерно в середине 80-х годов IX века арабское серебро перестает поступать на Русь. Новые клады появляются лишь около 920 года. В ответ русы и подчиненные им славянские купцы вынуждены переориентироваться на Константинополь. После удачного похода Олега на Византию в 907 году заключается мир и договор о дружбе. Отныне караваны русских купцов ежегодно прибывают в столицу Византии. Рождается путь «из варяг в греки», становящийся основным для торговых отношений. Кроме того, расцветает лежащая при слиянии Волги и Камы Волжская Булгария, перехватывающая роль основного торгового посредника у Хазарии. Впрочем последняя все еще остается крупным торговым центром: в Итиль приезжают купцы из многих стран, в том числе и русы, живущие в одном квартале с остальными «сакалиба», – так именовали в X веке славян и их соседей, например, тех же волжских болгар.

Впрочем, иногда являются не только купцы. Через несколько лет после похода Олега на Византию, вероятнее всего около 912 года, огромное войско русов численностью чуть ли не в 50 000 воинов, требует у хазарского царя пропустить их к Каспийскому морю, обещая за это половину добычи. Царь (часть историков считает, что это был Вениамин, дед Иосифа – корреспондента Хасдая ибн Шапрута) согласился на эти условия, не имея возможности сопротивляться, поскольку против него в тот момент восстали несколько вассальных правителей. Однако когда русы вернулись и согласно договору прислали царю его половину добычи, мусульманская гвардия его, возможно, бывшая в походе во время заключения договора, внезапно возмутилась и потребовала разрешить ей сразиться с русами. Единственное, что смог сделать царь для своих недавних союзников, – предупредить их об опасности. Однако и это им не помогло – почти все войско русов было уничтожено в той битве, а остатки добыты волжскими булгарами.

Может статься, именно в той битве нашел свою смерть и князь Олег. Одна из летописных версий о его смерти гласит: умер Олег «за морем» (о возможных причинах возникновения нескольких версий смерти этого государственного деятеля мы поговорим ниже). Долгое время этот эпизод был единственным, омрачавшим отношения Хазарии и Киевской Руси во главе с династией Рюриковичей. Но в конце концов гром грянул, и инициаторами его оказались византийцы, видимо решившие передать звание своего главного союзника в регионе кому-то другому. Император Роман Лакапин, узурпировавший престол, решил поднять свою популярность посредством гонений на евреев которых он распорядился силой

принуждать креститься. Со своей стороны хазарский царь Иосиф, похоже, тоже провел акцию в отношении нелояльных, по его мнению, подданных. Тогда Роман уговорил некоего «царя Русов» Х-л-гу напасть на хазарский город Самкерц, более известный как Тмутаракань. (Это – к вопросу о походе на хазар Вещего Олега.) Месть хазар была воистину страшной. Хазарский полководец Песах, носивший титул, который разные исследователи читают как Булшици или «баликчи», во главе большой армии сначала разорил византийские владения в Крыму, дойдя до Херсона, а затем направился против Х-л-гу. Он принудил последнего не только выдать награбленное, но и отправиться походом на ...Романа Лакапина.

Поход этот, состоявшийся в 941 году и более известный как поход Игоря Рюриковича, окончился полным провалом: ладьи русов встретили суда, метавшие так называемый «греческий огонь» – тогдашнее чудо-оружие, и потопили многих из них. Высаженный же на берег десант, разоривший прибрежные провинции Византии, был уничтожен императорскими войсками. Впрочем, второй поход Игоря, состоявшийся примерно в 943 году, окончился более удачно – греки, не доводя дело до столкновения, откупались богатыми дарами.

В те же годы большая армия русов вновь появилась на Каспийском море и захватила город Бердаа. Однако восстание местного населения и эпидемии привели к провалу этого похода.

...Казалось бы, с момента похода Х-л-гу оказываются окончательно испорченными отношения русов и Хазарии. Следующее известие о них относится примерно к 960 – 961 годам. Хазарский царь Иосиф в письме к придворному еврею кордовского халифа Абд-арРахмана III Хасдаю ибн Шапругу категорически утверждает, что воюет с русами и не пускает их проходить через территорию своей страны. «Если бы я оставил их в покое на один час они бы завоевали всю страну исмаильтян, вплоть до Багдада», – подчеркивает он. Однако этому утверждению противоречат как сведения, сообщаемые самим Хасдаем, – его письмо Иосифу и ответ последнего проследовали через территорию Руси, – так и многочисленные упоминания авторов обной русской колонии в Итиле. Обе державы, вероятно, сохраняют взаимный нейтралитет и примериваются к будущей схватке.

Она оказывается связанной с именем князя Святослава Киевского. Большинство исследователей сходятся в том, что основной причиной похода на Хазарию стало стремление киевского князя ликвидировать весьма обременительное хазарское посредничество в восточной торговле русов, существенно снижавшее доходы купцов и тесно связанной с ними феодальной верхушки Киевской Руси. Так, «Повесть временных лет» фиксирует под 964 годом: «И иде [Святослав] на Оку реку и на Волгу и налезе вятичи и рече вятичемъ: “Кому дань даете?” Они же реша: “Козарамъ по щялягу от рала даемъ”». В записи под 965 годом отмечено: «Иде Святославъ на козары, слышавше же козары изи доша противу с княземъ своимъ Каганомъ и съступишася биятся и бывше бране, одоле Святославъ козаремъ и градъ ихъ Белу Вежу взя. И ясы победи и касогъ». Запись за 966 год: «Вятичи победи Святославъ и дань на нихъ възложи». Комбинируя летописные упоминания, сведения византийских и арабских авторов и археологические данные, можно представить себе следующую картину. Войско русов, пришедшее из Киева, или, возможно, из Новгорода, перезимовало в земле вятичей. В 965 году русы, построив ладьи, двинулись вниз по Дону и где-то у Саркела (летописной Белой Вежи) разгромили хазарскую армию. Заняв Саркел и продолжив поход вниз по Дону, Святослав подчинил донских алан, известных под именем асов-ясов. Выйдя в Азовское море, русы пересекли его и овладели городами на обоих берегах Керченского пролива, подчинив местное адыгское население или заключив с ним союз. Таким образом, под контроль киевского князя перешел важный отрезок пути «из славян в хазары» а обременительные пошлины были наверное, снижены хазарами после поражения.

В 966 году Святослав воротился в Киев и более уже никогда не возвращался в Подонье, переключив свое внимание на Болгарию. Возвращаясь оттуда, он и погиб в 972 году. Таким образом, у Хазарского каганата появился шанс не только выжить, но и вернуть былую мощь.

Но к сожалению, беда никогда не приходит одна. В том же 965 году на Хазарию с востока нападают гузы. Правитель Хорезма, к которому хазары обратились за помощью, потребовал в качестве платы обращение в ислам. Видимо, положение хазар было настолько отчаянным, что все они, кроме кагана, согласились переменить веру в обмен на помощь. А после того как хорезмийцы отогнали «турок», ислам принял и сам каган.

Окончательно могущество Хазарии было повержено в результате похода большой армии норманнов, около 969 года разорившей земли волжских булгар, бургасов и хазар. Поскольку местное население да и арабские географы не очень различали русов и викингов то в восточной историографии участников этого похода обозначали как «русийи».

Выдающийся арабский географ и путешественник Ибн Хаукал в своем произведении «Книга облика Земли» так описывал результаты этого похода: «В Хазарской стороне есть город, называемый Самандар... Я спрашивал об этом городе в Джурджане в год (3)58 (968 – 969 годы. – *Прим. авт.*)... и сказал тот, кого я расспрашивал: “Там виноградники или сад такой, что был милостыней для бедных, а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Пришли на него русийи, и не осталось в нем ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, представители других религий и идолопоклонники, и ушли они, а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было. И были в Самандаре мечети церкви и синагоги, и свершили свой набег эти [русы] на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар, бургасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абваб (совр. Дербент) и укрепился на нем, а часть их – на острове Сийях-Кух (совр. Мангышлак), живущие в страхе (вариант: И пришли русийи на все это, и погубили все, что было творением Аллаха на реке Итиль из хазар, болгар и бургасов и овладели ими)... Булгар... город небольшой... и опустошили его русы, и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 и отправились тотчас же к стране Рум и Андалус”».

Восточный поход князя Святослава и связанные с ним события подвели черту под многолетним соперничеством Киевской Руси и Хазарского каганата за гегемонию в Восточной Европе. Этот поход привел к установлению нового баланса сил в Поволжье, Подонье, на Северном Кавказе и в Крыму. Результаты походов 965 – 969 годов были следующие. Хазарский каганат не прекратил свое существование, однако ослабел и утратил большую часть зависимых территорий. Власть кагана распространялась, по всей видимости только на собственный домен и, может быть, на часть прибрежного Дагестана куда вернулись беглецы из Дербента и Мангышлака.

Очень скоро хорезмийцы в лице эмира Ургенча ал-Мамуна решили, что обращение хазар к исламу – недостаточная плата за оказанную помощь, и оккупировали земли каганата. Вероятно, именно с этого времени в Ургенче появляется группа хазар-христиан и евреев, чье наличие зафиксировали путешественники XII – XIV веков. Потомками этих хазар могло быть существовавшее до недавнего времени в Хорезме племя Адаклы-хызыр (или Хызыр-эли). Данными о принадлежности Тмутаракани в 70 – 80-е годы мы не располагаем. Наиболее распространена точка зрения, что город перешел в руки касогов. Возможно также его подчинение Византии. Впрочем, нельзя еще полностью исключать и существования в городе хазарского княжества, о чем свидетельствует колофон из коллекции известного караимского историка и собирателя рукописей А. Фирковича, считающийся фальшивкой.

Что касается Саркела и Подонья вообще, то эти земли могли как оставаться под контролем русов, так и отойти обратно к хазарам. Еще один вариант – существование там асскоболгарского княжества.

В 986 году киевский князь Владимир, совершивший незадолго до того поход на волжских болгар, двинулся вниз по Волге. По свидетельству автора XI века Иакова Мниха, написавшего «Память и похвалу святому князю Владимиру», Владимир «на Козары шед, победи я и дань на ны взложи». Союзниками киевского князя в этом предприятии, видимо, были гузы, помогшие ему в походе на волжских болгар. Может быть, тогда и произошла встреча Владимира с «жидами хазарскими», попытавшимися обратить князя в иудаизм.

Вероятнее всего, именно этот поход и привел к исчезновению Хазарского каганата. После этого мы уже ничего не слышим о хазарском государстве с центром в Итиле. Однако это не принесло Киевской Руси особой пользы. Место хазар заняли печенеги и половцы, заставившие восточных славян оставить ранее обжитые земли в низовьях Днепра, на Среднем и нижнем Дону.

Впрочем, русам пришлось принять участие еще в одном походе против хазар. Согласно византийским историкам Скилице и Кедрину в январе 1016 года император Василий II послал в Хазарию (как именовали тогда Крым) флот под командованием Монга. Целью экспедиции было подавление восстания правителя крымских владений Византии (возможно, автономного или полуавтономного, так как Скилица называет его «архонт») Георгия Цулы. Найденные в Крыму печати Цулы именуют его стратигом Херсона и стратигом Боспора. Справиться с непокорным стратигом Монг смог лишь с помощью «брата» Владимира Святославича, некоего Сфенга. Вероятно Сфенг был воспитателем – «дядькой» Мстислава Тмутараканского, а византийцы перепутали его должность с родственной связью. Цула был пленен в первом же столкновении. Было ли это восстанием мятежного стратига или попыткой хазар образовать собственное государство – точно установить нельзя. Вероятно, именно с этих времен идет упоминание Хазарии в составе византийского императорского титула, зафиксированное в указе василевса Мануила I Комнина от 1166 года.

ÕÀÇÀÐÛ È ÐÕÑÛ Î ÎÑËÀ ÕÀÇÀÐËÈ

После падения хазарского каганата в исторических сочинениях говорится о нескольких группах хазар. С Русью была связана лишь одна из них – хазары жившие в Тмутаракани.

После похода Владимира на хазар или после взятия Корсуня в 988 году Тмутаракань и Подонье переходят в руки киевского князя, который немедленно сажает там князем одного из своих сыновей. Согласно традиционной версии это был Мстислав. В 1022 году (или по другой датировке – в 1017-м) Мстислав совершает поход на касогов, которых возглавлял тогда князь Редедя (Ридадэ). «Зарезав» Редедю «пред полками касожскими», Мстислав присоединил его земли к своим и почувствовал себя настолько сильным, что в 1023 году явился с хазарско-касожской дружиной на Русь – требовать своей доли наследства Владимира. После кровавого столкновения при Листвене в 1024 году когда победу Мстиславу принес именно натиск его дружины, тмутараканский князь добился раздела Руси на две части по Днепру. После смерти Мстислава в 1036 году из-за отсутствия у него наследников (единственный сын Евстафий умер в 1032 году) все его земли отошли к брату. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 году Тмутаракань и донские земли вошли в состав Черниговского княжества Святослава Ярославича. Но в 1064 году в Тмутаракани появился племянник Святослава Ростислав Владимирович. Он изгнал своего двоюродного брата Глеба, выдержал борьбу с дядей, пытавшимся согнать племянника с престола, и повел активную борьбу за расширение собственных владений.

Согласно летописной записи от 1066 года Ростислав «емля дань с касогов и иных стран». Одну из этих «стран» называет Татищев. По его данным, это были ясы, по всей вероятности донские. Сохранилась печать князя, гордо именующая его «архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Последний титул заключал в себе претензию на владычество над крымскими владениями Византии, которые до падения каганата возможно, подчинялись тмутараканскому тархану. Это не могло не вызвать тревоги у греков и, видимо, послужило причиной отравления Ростислава херсонским катепаном, прибывшим к нему на переговоры, в том же 1066 году.

После смерти Ростислава Тмутаракань последовательно находилась в руках Глеба (до 1071 года) и Романа Святославичей. К последнему в 1077 году бежал его брат Олег, и Тмутаракань втянулась в межкняжескую междоусобицу. В 1078 – 1079 годах город становился базой для неудачных походов братьев Святославичей на Чернигов. Во время второго похода подкупленные половцы убили Романа, а Олегу пришлось бежать в Тмутаракань.

По возвращении Олега в Тмутаракань хазары (которым, видимо, надоели постоянные войны, гибельно отражавшиеся на городской торговле, и они вероятно организовали убийство Романа) схватили князя и выслали в Константинополь. Олег провел в Византии четыре года, два из которых – в ссылке на острове Родос. В 1083 году он вернулся и, по выражению летописи, «иссече хазар». Но «иссечены» они были далеко не все. Так, например арабский географ Ал-Идриси упоминает даже о городе и стране хазар, проживавших рядом с Тмутараканью. Возможно, он имел в виду Белую Вежу подчинявшуюся Тмутаракани: после оставления города русскими в 1117 году там могло сохраняться хазарское население. Но, возможно, речь шла о территории к востоку от Тмутаракани. Подтверждением этому может служить глухое упоминание Вениамина Тудельского о существовании в Алании еврейской общины, подчинявшейся эксиларху в Багдаде. Вероятно, хазарское население продолжало сохраняться в Тмутаракани вплоть до ее завоевания монголами, а возможно – и позднее до окончательной ассимиляции. Сам город в 1094 году (или по другой версии в 1115 году) перешел под власть Византии и оставался в этом статусе по крайней мере до начала XIII века.

Кроме того, когда в 1229 году монголы подчинили Саксин, возникший в XII веке на месте Итиля, остатки саксинского населения бежали в Волжскую Булгарию и на Русь.

Да и в Киеве продолжала существовать еврейская община, жившая в своем квартале. Известно, что одни из киевских ворот именовались до XIII века «Жидовскими». Вероятно, основным языком общения у киевских евреев среди которых была велика доля прозелитов, был древнерусский. По крайней мере, первый игумен печерского монастыря Феодосий (умер в 1074 году) мог свободно спорить с ними, не прибегая к услугам переводчика. В XII веке известно о существовании еврейской общины в Чернигове.

ᾠΑῶΑΠΝῆΤΑ ἸΑΝῆΑΑῆΝᾠΑἸ

Читая название этой главы, может быть, читатель улыбнется и спросит: какое же наследство я имею в виду? Однако при анализе источников можно установить, что русы, особенно на раннем этапе своей истории, довольно много заимствовали у хазар – главным образом в административной сфере. Правитель русов, пославший посольство в Византию в 838 году, уже именуется каганом, как и правитель хазар. В Скандинавии же с тех пор появляется имя Хакон. В дальнейшем восточные географы и западноевропейские анналисты не раз упомянут кагана русов в качестве их верховного правителя. Но окончательно этот титул утвердился только после падения Хазарии. Вероятно, он сохранялся за князьями до тех пор, пока под их властью оставались какие-либо области коренной территории каганата.

Митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» говорит о Владимире и Ярославе как о каганах. На стене Софийского собора в Киеве сохранилось граффити: «Спаси Господи кагана нашего С...». Здесь, по всей вероятности, имеется в виду средний сын Ярослава – Святослав, княживший в Чернигове в 1054 – 1073 годы и державший в подчинении Тмутаракань. Последним русским князем, по отношению к которому употреблялся титул кагана, был сын Святослава – Олег Святославич, княживший в Тмутаракани в конце XI века. Но русы не ограничились лишь титулами.

Историки давно обратили внимание, что летописец, рассказывая о событиях IX-X веков, почти всегда говорит о двух правителях, одновременно правивших на Руси: Аскольд и Дир Игорь и Олег, а после смерти Олега – Свенельд, сохранявший свои функции при сыне Игоря Святославе и внуке Ярополке, Владимир и его дядя Добрыня. Причем один из них всегда упоминается как военачальник, чья должность не является наследственной, а второй передает свое звание правителя по наследству. Это было очень похоже на систему соправления, сложившуюся в Хазарии. Предположения о существовании подобной системы подтвердились, когда в 1923 году была обнаружена полная рукопись «Книги Ахмеда ибн Фадлана» – секретаря посольства багдадского халифа к правителю волжских булгар, в которой он описывал нравы народов Восточной Европы. Там четко указано на существование у русов двух правителей – священного царя, чья жизнь была скована множеством запретов, и его заместителя, который и ведал всеми делами.

Это может многое прояснить. Например, существование нескольких версий смерти Вещего Олега можно объяснить тем, что этих самых Олегов а точнее Хельгу (если это вообще было имя, а не титул), было несколько. Затем для летописца они просто слились в один образ. Поскольку традиция подобного соправления еще не успела прочно утвердиться, то она сравнительно быстро исчезает под натиском энергичного Владимира Святославича уступив место традиционному разделу государства на несколько уделов между правителями.

Вероятно, русы заимствовали также и налоговую систему хазар. По крайней мере, летописи прямо говорят о том, что бывшие хазарские данники платили киевскому князю такие же подати, какие раньше – хазарскому кагану. Впрочем, учитывая претензии правителей русов на каганский титул можно сказать, что для славян все не особенно менялось – система оставалась та же.

Большое влияние на древнерусскую культуру оказали реалии иудаизма, ставшие известными не в последнюю очередь благодаря киевской общине евреев. Известно, что какое-то время Киев и его окрестности рассматривались как новая Святая земля. Об этом свидетельствует сохранившаяся в народной памяти топонимика: Сионские горы, река Иордан – так именовалась протекавшая недалеко от Киева Почайна, многие легендарные свойства которой сближали ее с Самбаттоном. Причем, речь шла именно об Эрец-Исроэл, поскольку здесь ни гора Голгофа, как и ничто другое из христианской топонимики, не упоминались. Кроме того, несмотря на то что попытка «жидов хазарских» обратить Владимира в иудаизм потерпела неудачу, Киевская Русь проявляла большой интерес к древнееврейской литературе многие памятники которой были переведены на церковнославянский или русский язык.

Ἰὸ Ἰδαῆῦ εἰ ἔεε

Дореволюционные русские профессиональные историки и археологи – Д.Я. Самоквасов, М.К. Любавский М.Д. Приселков, С.Ф. Платонов – с уважением относились к Хазарии и ее роли в формировании древнейшего русского государства. К их чести следует отметить, что ни еврейские погромы, ни антиеврейская пропаганда в конце XIX – начале XX веков не омрачили для них образ Хазарин.

Аналогичное отношение господствовало и в довоенной советской историографии. Общий тон работам по хазарской проблеме задал М.Н. Покровский, который написал первый советский учебник по

русской истории. В противовес русским шовинистам он писал, что первые большие государства на Русской равнине были созданы вовсе не славянами, а хазарами и варягами.

В этом направлении развивали свои теории и некоторые украинские историки – Д.И. Дорошенко, академик Д.И. Багалея, эмигрант В. Щербаковский. Они подчеркивали, что защищенные хазарами от набегов степных кочевников восточные славяне смогли заселить южные степи вплоть до Черного моря, тогда как ослабление Хазарского государства заставило их покинуть эту территорию.

Украинский историк В.А. Пархоменко добавлял, что племена славянского юго-востока добровольно подчинились хазарам и под их эгидой начали строить свою государственность. Пархоменко предполагал даже, что пришедшие в Среднее Поднепровье с юго-востока поляне принесли с собой не только элементы хазарского государственного устройства (к примеру, титул «каган»), но и иудейскую религию, чем и объясняется известный накал христанско-иудейского спора в первые столетия Киевской Руси. Пархоменко усматривал в поведении князя Святослава повадки воина, воспитанного в хазарской степи.

В 1920-е годы к хазарской проблематике не раз обращался известный историк Ю.В. Готье. Он выделял хазар из других степных кочевников и отмечал, что «историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая». Именно благодаря мягкой политике и религиозной терпимости, – полагал Готье, – хазары смогли веками сохранять мир в своих владениях. Он считал, что наложенная на славян хазарами дань не была обременительной.

Следующий этап изучения хазар связан с именем М.И. Артамонова (1898 – 1972), выдающегося археолога много сделавшего для изучения раннесредневековых памятников юга Восточной Европы.

В своем первоначальном подходе к хазарской тематике Артамонов полностью следовал советской концепции 1920-х годов. Ему было ясно, что недостаточная разработанность многих вопросов хазарской истории и культуры была следствием шовинизма дореволюционной историографии, которая «не могла примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии бывшей почти равной по силе Византии и Арабскому халифату, тогда как Русь только еще выходила на историческую арену и то в виде вассала Византийской империи». Артамонов сожалел о том, что и среди советских ученых распространено пренебрежительное отношение к Хазарии. В действительности, – писал он, – в недрах огромного Хазарского государства шло формирование целого ряда народов, ибо Хазария послужила «важнейшим условием образования Киевской Руси».

В 1940-е годы сходные позиции отстаивал историк В.В. Мавродин, отваживавшийся трактовать VII – VIII века как «период хазарского каганата» в истории русского народа. Он предполагал, что гипотетическая докириллическая древнерусская письменность могла сложиться под влиянием хазарских рун. Этот ученый позволял себе называть Киевскую Русь «прямой наследницей державы кагана».

Конец рассмотренной традиции положила сталинистская кампания «борьбы с космополитизмом», начатая в 1948 году. Одним из обвинений, выдвинутых против «космополитов», было «принижение роли русского народа в мировой истории». Эта кампания задела и археологов среди которых был и М.И. Артамонов.

В конце декабря 1951 года в партийном органе – газете «Правда» появилась заметка автор которой набрасывался на историков, осмелившихся ставить образование древнерусского государства в связь с хазарским влиянием, преуменьшая творческий потенциал русского народа. Основной удар наносился по Артамонову. Автор заметки пытался представить хазар дикими ордами разбойников, которые захватили земли восточных славян и других народов и обложили их коренных обитателей «грабительской данью». Автор не сомневался в том что хазары не могли играть никакой положительной роли в истории восточных славян. По его мнению, хазары якобы не только не способствовали формированию у русских государства, но и всячески тормозили этот процесс, изматывая Русь опустошительными набегами. И он настаивал на том, будто бы лишь с большим трудом Русь вырвалась из тисков этого страшного ига.

На чьи же взгляды опирался автор заметки в газете «Правда»? Еще накануне первой мировой войны некоторые историки-любители, русские шовинисты и антисемиты – А. Нечволодов, П. Ковалевский, А. Селянинов – попытались ввести «хазарский эпизод» в антисемитский дискурс: придать Хазарии облик степного хищника, зараженного ужасной бактерией иудаизма и стремящегося поработить славян. Небольшая заметка в «Правде», написанная никому не известным автором, перекликалась именно с этими антисемитскими писаниями. И именно эта оценка отныне на десятилетия определила отношение советской

науки к хазарской проблеме. В частности, хазары рассматривались как всецело «пришлый народ, чуждый культуре исконного населения Восточной Европы».

Если бы в древности хазары не приняли иудаизма (часть народа или только знать, или знать и часть народа – не это главное!), то как бы вспоминали о них? Думается, что – по крайней мере, в русской науке и литературе – не чаще, чем, скажем, о берендеях, а споров вокруг хазар и их роли в истории Руси было бы не больше чем о печенгах!

Но было так, как было, – хотя никто не может сказать в точности: КАК было. И спор о хазарах, их завоеваниях и роли приобрел совсем не историкоархеологический характер. Основным глашатаем этой линии стал академик Б.А.Рыбаков (1907 – 2001). Вот, например, что он писал в сборнике «Тайны веков», вышедшем в 1980 году.

«Международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукочевническое государство не могло даже и думать о соперничестве с Византией или Халифатом. Производительные силы Хазарии находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить нормальное развитие ее.

В древней книге мы читаем: “Страна хазар не производит ничего, что бы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея... Хазары не выделывают материй... Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице... Царь хазар не имеет судов, и его люди непривычны к ним”.

В качестве статей собственно хазарского экспорта автор указывает только быков, баранов и пленников.

Отсутствие археологических следов хазарских городов делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар, а паразитарный характер государства, жившего по преимуществу за счет транзитной торговли, лишает нас возможности присоединиться к выводам о развитом феодальном строе каганата.

Размеры каганата очень скромны... Хазария представляла собой почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад стороны которого составляли: Итиль – Волга от Волгограда до устья Хазарского (Каспийского) моря, от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Маньчская впадина и Дон от Саркела до Переволоки.

Хазария была... небольшим ханством кочевников хазар долгое время существовавшим лишь благодаря тому, что превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Дону, Дону, Керченскому проливу и Волге...»

Есть основания думать, что именно Б.А. Рыбаков и инспирировал публикацию той самой заметки в газете «Правда» в 1951 году.

После обрушившейся на Артамонова критики этот ученый вынужден был пересмотреть свои позиции. В новой концепции, выдвинутой Артамоновым в 1962 году, ему пришлось коснуться проблемы иудаизма и евреев в Хазарии. Принятие иудаизма, считал он, внесло раскол в хазарскую среду, ибо иудаизм был национальной религией и не признавал прозелитизма. Историк пытался доказать, что фигура всемогущего бека возникла лишь к началу IX века когда потомки дагестанского князяиудея полностью отстранили кагана от реальной власти. Артамонов изображал это как «захват иудеем Обадией государственной власти и обращение правительства Хазарии в иудейство». Речь шла о полной смене государственного устройства: «Хазария стала монархией, покорной царю, чуждому народу по культуре и религии». Автор не сомневался в том, что христиане и мусульмане Хазарии влачили жалкое существование «в качестве вечных налогоплательщиков и запуганных слуг своих жестоких господ». Они, разумеется, сочувствовали восставшим и не поддерживали правительство, состоявшее из иудеев. Поэтому власти вынуждены были обрушить волну репрессий на обе эти конфессии. Однако иудаизм так и не стал государственной религией. Вот почему, – сделал вывод Артамонов, – «прославленная веротерпимость хазар была вынужденной добродетелью, подчинением силе вещей справиться с которой Хазарское государство было не в состоянии».

Наличие Хазарии стало тормозом для русов, стремившихся взять восточную торговлю в свои руки. Это и явилось причиной похода князя Святослава, который Артамонов рассматривал не как очередную разбойничью акцию а как шаг, направленный на овладение всеми хазарскими территориями с целью установления контроля над торговыми путями, чтобы покончить с «паразитическим существованием» хазар.

Итак, Артамонов четко разделил историю Хазарии на два периода. В первый из них ее роль оценена им как безусловно прогрессивная: арабы были отброшены от границ Европы а местные народы – в частности славяне – надолго получили мирную передышку и смогли свободно развиваться. Второй период, связанный с принятием иудаизма, рисовался Артамонову в более мрачных тонах: власть потеряла связь с народом на смену земледелию и скотоводству пришла посредническая торговля, которая позволяла знати вести паразитическое существование. Отныне, по мнению этого ученого, роль Хазарии стала резко отрицательной. Хазарский народ стал распадаться, а его меньшинство сконцентрированное в Итиле, «превратилось в паразитический класс с иудейской окраской».

Впрочем, в 1980-е годы теория Рыбакова оказалось отброшенной в сторону массивом археологических данных, неопровержимо свидетельствующих о том, что Хазария была одной из мировых держав раннего средневековья. Однако сохранялись и постулаты о том, что иудаизм внес раскол в хазарское общество, что его принятие привело хазарских правителей к отказу от традиционной веротерпимости, что развитие транзитной торговли превратило Хазарию в «паразитирующее государство» и привело к упадку ремесел и искусства.

Вот эти-то два положения и стали ядром антисемитской концепции, которую взяли на вооружение русские национал-патриоты, и она расцвела в околонуточной литературе в 1980 – 1990-е годы. В писаниях многочисленных «патриотов» Хазария изображалась и изображается как страна, основной целью которой было порабощение славян, в том числе и духовное, и навязывающая миру господство евреев. Вот как оценивает, например, хазарскую политику в отношении славян анонимный автор, опубликовавший свой исторический опус в газете русского национального единства (РНЕ) «Русский порядок».

«Жестокая, беспощадная политика продолжала осуществляться хазарами в отношении славян, земли которых стали для поработителей неисчерпаемым источником “живого товара”. Основной целью славянской политики Хазарского каганата было максимальное ослабление русских территорий и уничтожение Киевского княжества. Это превратило бы евреев в финансовых господ всего евроазиатского пространства».

Появился даже написанный неким А.Байгушевым роман о хазарах, в котором в одну кучу были свалены евреи масоны, манихеи и несчастный хазарский народ, притесняемый «ишой» Иосифом. Байгушев, как оказалось предпочел неверное чтение одного из титулов хазарского царя, приведенное в книге арабского географа Ибн Русте: в подлиннике было «шад» – «принц». Тем более это странно, ибо в точности неизвестно, кем же был сам Иосиф – царем или каганом?

Кроме того, из сочинения в сочинение кочуют утверждения, будто бы иудаизм был воспринят лишь верхушкой хазар, сделавших его религией для избранных, а рядовые хазары находились в наиболее приниженном положении и потому чуть ли не с радостью встретили войска Святослава.

Наиболее полно эта концепция получила свое развитие в трудах скончавшегося в 1992 году Л.Н. Гумилева оказавших значительное влияние на состояние умов современных российских антисемитов. Талантливый человек, с обширными познаниями в нескольких областях, Лев Николаевич при написании своих исторических трудов практиковал вещь, абсолютно недопустимую для историка, но возможную для любителя: там, где обрывалось изложение источников, он... «домысливал» историю, исходя из своих собственных версий. Яркий пример этого псевдонаучного подхода – одна из глав его труда «Древняя Русь и Великая степь» даже названа чуть ли не демонстративно: «В летописях есть не все». Впервые Гумилев соприкоснулся с хазарской историей в 1962 году, когда редактировал труд Артамонова. Вероятно, именно Гумилеву мы и обязаны разбросанными по всей книге его коллеги обличениями иудаистов-эксплуататоров, фразами о тлетворной роли иудаизма и паразитического характера хазарского государства.

Его теория заключалась в следующем. Первоначально хазары мирно соседствовали со славянами, взимая с них небольшую дань за защиту. Все изменилось, когда в стране появились «еврей-талмудисты», считавшие себя избранным народом и презиравшие всех остальных (кстати, Гумилев особо подчеркивал участие евреев в захвате рабов-славян). После того как власть в результате государственного переворота около 800 года захватил еврейский ставленник Обадия, отношения со славянами и русами

испортились, поскольку иудейская верхушка Хазарии стремилась к их закабалению. (Заметим: из существующих источников сделать однозначный вывод, принадлежал ли Обадия к династии Ашина или нет, – не представляется возможным несмотря на безапелляционные заявления Л.Н. Гумилева.) А кроме того, он пытается доказать, что в Хазарии образовалась этническая химера, стремящаяся к мировому господству. Под химерой Гумилев как сторонник теории «чистоты крови» понимал этнос, возникший в результате смешанных браков. Что же касается обращения в иудаизм, то Гумилев повторяет неизвестно у кого взятую цитату о том, что иудаизм-де – религия не прозелитическая, а обращенные якобы считались «проказой Израиля». Поскольку цитированные выше слова были взяты из Талмуда, то перед нами (если цитата – подлинная) либо изречение одной из сторон давнего спора либо отражение ситуации, когда евреям было запрещено заниматься прозелитической деятельностью местными властями, что не было редкостью. Выбор Хазарии в качестве объекта исследования был далеко не случаен. Ведь главной целью Гумилева было показать, кто был друзьями Древней Руси, а кто – врагами. И автор не сомневался в том, что самым страшным ее недругом являлся «агрессивный иудаизм» как и в том, что именно Хазария оказалась «злым гением Древней Руси».

Гумилев всячески убеждал читателя в том, что иудеи проявили в Хазарии все коварство и жестокость своей натуры. Они захватили в свои руки баснословно выгодную караванную торговлю между Китаем и Европой. Путем смешанных браков иудеи проникли в среду хазарской знати. Хазарские ханы попали под влияние евреев, и те получили доступ ко всем государственным должностям. В конечном итоге иудеи произвели в Хазарии государственный переворот, и местная еврейская община превратилась в доминирующий социальный слой, осваивавший не природный, а антропогенный ландшафт (города и караванные пути). Поэтому Гумилев называл евреев колонизаторами хазарских земель. Так и возник «зигзаг» отклоняющийся от нормального этногенетического развития, и «на сцене истории» появилась «хищная и беспощадная этническая химера». Все последующие события в Хазарском каганате равно как и его внешнеполитическую деятельность, Гумилев изображает только в черных тонах, обусловленных «вредоносной деятельностью» иудеев.

Взаимоотношения же «иудеев» с русским каганатом, столицей которого якобы уже в первой трети IX века был Киев, оказались изначально враждебными, поскольку именно под защиту русов бежали якобы венгры, переселившиеся на Запад, и так называемые кабары – племена, потерпевшие поражение в гражданской войне в Хазарии. Затем хазарские евреи натравили на киевский каганат варягов для того чтобы остановить невыгодное им распространение христианства в Восточной Европе. (Заметим, однако: реально христианство стало массово распространяться на землях, населенных восточными славянами, уже после падения каганата; что же касается христиан, живших в самой Хазарии, то они вероятнее всего погибли под мечами норманнов.)

Автор пытается представить хазар «угнетенным меньшинством» в Хазарии, где все мыслимые и немыслимые блага доставались якобы еврейским правителям и торговцам. Поддавшись на уловки мифологии «всемирного еврейского заговора», Гумилев с увлечением описывает будто бы заключенный договор хазарских иудеев и норманнов о разделе Восточной Европы, – «забывая» о принципиальной невозможности заключения подобного соглашения. Потом иудеи, естественно, договор нарушили и к началу X века захватили все восточноевропейские земли, в результате чего «перед аборигенами восточной Европы стояла альтернатива: рабство или гибель». Кроме того, Гумилев всячески изобличает «агрессивный иудаизм» как важнейший геополитический фактор эпохи раннего средневековья, тем самым повторяя зады старой антисемитской теории о стремлении евреев к мировому господству и изредка бросая замечания, составившие бы честь любому автору нацистской газеты «Дер Штюрмер» – например, о «типично еврейской постановке вопроса, где не учитываются чужие эмоции». В отношении зверств варягов-россов во время походов на Византию в 941 году Гумилев как бы вскользь бросает фразу: «Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X века. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов», имея в виду хазарских евреев. Однако сразу же возникает вопрос: а в 988 году, когда Корсунь брал князь Владимир, его что – тоже евреи инструктировали?

В целом Гумилев рисует мрачную судьбу восточноевропейских народов в годы правления хазарских царей-иудеев, не подтвержденную, кстати, ни одним историческим источником: русские богатыри массами гибли за чужое дело, хазары обобранные и оскорбленные аланы потеряли христианские святыни, славянам приходилось платить дань, и т.д. «Это перманентное безобразие, – пишет он, – было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля...»

Самое интересное, что нарисованная Гумилевым картина напоминает антисемитскую зарисовку первых лет власти большевиков: захватившие власть евреи удерживают ее с помощью иноземных наемников, низводя основную массу населения до положения скота и предоставляя невиданные преимущества евреям. В итоге Гумилев заключает, что чужеродный городской этнос, оторванный от земли

и переселившийся в новый для себя ландшафт не мог поступать иначе, ибо само его существование в новых условиях могло быть основано только на жесточайшей эксплуатации окружающих народов. Таким образом, Гумилев изображает всю еврейскую историю в голусе как историю народа-эксплуататора.

Если судить по «доказательствам» Гумилева, то хазарское государство было без большого труда разгромлено Святославом, так как «истинные хазары» – простой народ – не видели ничего хорошего от своих правителей и встретили русов едва ли не как освободителей: «Гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окрестным народам... Хазарам не за что было любить иудеев и насажденную ими государственность», – утверждает автор. Иудеи вели себя столь нетерпимо, что «против них поднялись и люди, и природа».

Сам поход Святослава описан так: обманув хазарскую армию, якобы ожидавшую его в Днепровско-Донском междуречье (затем эта армия куда-то таинственно исчезает и более Гумилевым не упоминается), князь спустился по Волге и у Итиля разгромил хазарское ополчение. После взятия Итиля Святослав двинулся к Самандару (Семендеру), отождествляемому Гумилевым с городищем у станицы Гребенской, ... по суше, поскольку «речные ладьи не годились для плавания по морю». Таким образом, этот автор полностью игнорирует факты плавания русов на тех же «речных ладьях» по Каспийскому морю в IX – XII веках. Затем Гумилев отправляет пешую армию русов напрямик к Саркелу, заставляя ее шагать через безводные калмыцкие степи никак не объяснив «игнорирования» русами богатой Тмутаракани.

Последователь Гумилева, литературный критик, ставший писателем В.В. Кожин даже изобрел термин «хазарское иго», бывшее якобы намного опаснее монгольского, поскольку оно-де заключалось в духовном порабощении славян. Кожин доказывал будто бы Русь при Святославе свергла то самое «хазарское иго». Что имеется в виду – не разъяснено: то ли хазары собирались открывать в каждом лесу по Макдоналдсу, то ли массово обращать славян в иудаизм...

Последним в ряду писателей, демонизирующих хазар, оказался, к сожалению, А.И. Солженицын, посвятивший в своей книге «200 лет вместе» несколько строк российско-хазарским взаимоотношениям. Он доверился теории Гумилева о еврейской верхушке, якобы этнически чуждой остальным хазарам. И хотя писатель довольно благожелательно говорит о поселении иудействующих хазар в Киеве, однако уже через несколько строк опять ссылается на непроверенные данные, приводимые историком XVIII века В.Н. Татищевым о якобы непомерном лихоимстве евреев, что и предопределило погром в Киеве в 1113 году, и об изгнании их Владимиром Мономахом. Однако по мнению ряда авторитетных историков, Татищев просто-напросто придумал эти рассказы для того лишь, чтобы «историческим примером» оправдать изгнание евреев из России при императрице Елизавете, которой и было посвящено его собственное историческое сочинение.

КАК РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ И КАК ЕВРЕЙ

Аіт ääèèò Näöŕ ĩä

Предыдущий отрывок из моих воспоминаний об Эренбурге я закончил вопросом: как могло такое случиться? В начале 20-х он очень хорошо понимал, что представляет собой наша родная советская власть. Никаких иллюзий на этот счет у него не было. А потом что же? Вдруг перестал понимать?

Или — понимал, но помалкивал? Как сказано у Бабея — в номерах служить, подол заворотить.

Но кто заставлял его служить в этих номерах? Сидел бы себе в своем Париже—и никаких забот. Никакой необходимости применяться к постоянно меняющейся «генеральной линии», пиши, что хочешь и как хочешь. Чтобы оказаться в Париже, ему не надо было даже хлопотать, писать письма Сталину, как это делали Замятин (которого отпустили) и Булгаков (которого так и не выпустили). В отличие от них, он УЖЕ БЫЛ ТАМ. Вот и сидел бы там со своим советским паспортом или с каким-нибудь нансеновским, если бы советского его лишили...

Зная, что советским писателем (в точном смысле этого слова) Эренбург стал в 1934 году (написав «День второй»), я, естественно, сопоставил это с приходом к власти Гитлера в 33-м. Вот ведь и Фейхтвангер даже («даже» — потому что Россия не была его родиной и не было у него, как у Эренбурга, большевистского прошлого) — и тот кинулся тогда в объятия Сталина.

Вы только вдумайтесь в эту чудовищную ситуацию: горячий, искренний, убежденный, непримиримый, неподкупный, на весь мир прославленный антифашист, он приезжает в Москву 1937 года, где творятся дела куда страшнее тех, что творили у себя дома гитлеровцы, — и всем своим моральным авторитетом освящает не только всю эту кровавую вакханалию, но и самого главного ее вдохновителя и творца!

В 1947 году, когда Эренбург приехал к нам в литературный институт, среди вопросов, которые неслись к нему из зала, особенно запомнился мне такой:

— А что сейчас делает Фейхтвангер?

Не могу забыть гримасу, появившуюся на лице Ильи Григорьевича, когда он отвечал на этот вопрос. Это была смесь безразличия, отвращения и нарочитого, деланного безразличия.

— Не знаю, — ответил он. — И не хочу знать. Этот человек совершенно меня не интересует.

«Ревнует», — подумал я.

Аіò è æèè äü ĩää ä Ĩ äðèæä..

Какое объяснение тогда казалось мне наиболее правдоподобным: в борьбе за титул властителя дум тогдашней московской интеллигенции (особенно еврейской ее части) Фейхтвангер и Эренбург были соперниками.

Позже я понял, что для этого безразличного отвращения к Фейхтвангеру у Эренбурга были куда более серьезные основания. Ведь помимо славословий Сталину был у Фейхтвангера еще и другой, куда более страшный, совсем уже «непрощенный», непрощаемый, непростительный грех. Он был единственным влиятельным и, как тогда казалось, безусловно честным и неангажированным представителем западной интеллигенции, кому удалось побывать на одном из знаменитых московских процессов. И этот процесс, о котором весь мир орал, как о чудовищной фальсификации, он описал в высшей степени сочувственно и доброжелательно, с абсолютной, ничем не замутненной верой в правдивость официальной советской версии. Тайной подоплеки этого жуткого спектакля, зрителем которого он стал, Фейхтвангер, конечно, не знал. Не знал (а вернее — предпочел не знать), что это была грандиозная инсценировка. И был у нее Автор. И был Режиссер. И за кулисами были попытки, долгие ночные допросы, угрозы расстрелять не только самих

обвиняемых, у которых вымогали ложные признания, но и их жен, детей, и лживые обещания, если публично во всем признаются, сохранить им жизнь...

Как же все-таки могло случиться, что при всей этой своей художественной зоркости и при всем своем незаурядном уме он не смог разглядеть главного? Не понял, что весь этот громкий процесс был чудовищной фальсификацией, грандиозным обманом — быть может, самым жутким, самым кровавым из всех, которыми так богат был наш страшный XX век? А если понял, то почему же умолчал об этом? И не просто умолчал, а даже как бы дал этому чудовищному злодеянию некое моральное оправдание?

Тут возможно несколько объяснений. На некоторые из них (как ему представлялось, главные) указал замечательный наш историк Натан Эйдельман, размышляя на эту тему.

«... Перечислим главные факторы обмана и самообмана: 1) положение на Западе около 1930 года; 2) определенный тип западного просвещенного сознания, склонного либерализировать и демократизировать любых собеседников, стараться рассмотреть любую цивилизацию (пусть неприемлемую для Запада) как естественную, стремящегося к сопоставлению русской революции с английской, французской, американской; 3) колоссальный энтузиазм, вера в Сталина и коммунизм значительного числа советских людей; 4) аппарат дезинформации, идеологической обработки, умелой изоляции гостей от крестьянства, концлагерей и других миров горя, ужаса и террора. Беседы со Сталиным, открытые политические процессы также входят в эту огромную систему обмана...»^[1].

Не оспаривая этих общих объяснений, я бы к ним добавил (имея в виду данный конкретный, индивидуальный «случай Фейхтвангера») еще по меньшей мере два. Для начала тут, пожалуй, уместно вспомнить историю, которую я услышал, кстати говоря, от того же Натана Эйдельмана. А ему ее рассказал его отец. В лагере у костра каждый день отчаянно спорили сталинцы с троцкистами. К этим спорам с интересом прислушивался один зэк — старый еврей, не принадлежавший ни к ортодоксам, ни к поклонникам Троцкого. После нескольких таких «политдискуссий» он сказал отцу Натана:

— Знаете, Яков Наумович, я наконец-таки понял, в чем разница между Троцким и Сталиным.

— ???

— Вот вы — сколько писем имеете право посылать домой?

— Два письма в год.

— А если бы победил Троцкий... Что ни говорите, а Лев Давыдович, в отличие от Сталина, был человек интеллигентный. Если бы победил он, вы имели бы право посылать не два, а три письма в год.

При всей меткости этого иронического замечания следует все-таки признать, что гражданам Страны Советов — как отбывающим свой безразмерный срок в сталинских лагерях, так и тем, кто в эти лагеря по случайности не попал — было все-таки не совсем все равно, кто кого слопал бы в той кровавой грызне — Сталин оппозиционеров или оппозиционеры Сталина.

Í àò àí Yéääëüü àí.

Фейхтвангеру же на это было в высшей степени наплевать. Для него не существовало даже той микроскопической разницы между Сталиным и Троцким, которую иронически отметил старый лагерник в своем разговоре с отцом Натана Эйдельмана. И поэтому ему было совершенно все равно, кто кого победит и кто кого убьет: Троцкий Сталина или Сталин Троцкого (Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова). А для Эренбурга Бухарин был не просто «лучше» Сталина: «Бухарчик» был его старый гимназический товарищ, человек, с которым он был близок, которого искренне любил.

Понимал ли Фейхтвангер, что воспетый им советский вождь не слишком отличается от ненавистного ему фюрера? Быть может, не в полном объеме, но кое-что, безусловно, понимал. Но все это не имело для него никакого (или почти никакого) значения. Ему важно было только одно: Советский Союз (то есть Сталин) — это единственная, реальная сила, которая может противостоять Гитлеру.

В полном объеме — и так ясно, как сейчас сформулировал, — я все это понял, конечно, позже. Но и в те времена, о которых сейчас рассказываю, «случай Фейхтвангера» не таил для меня особых загадок. С Фейхтвангером все было более или менее ясно.

Иное дело — Эренбург. Перемена, случившаяся с ним в 1934 году, когда он написал свой первый советский роман, не была «тактическим ходом», ни — тем более — вульгарным приспособленчеством. Превращаясь из Савла в Павла, он был искренен. Неискренность в искусстве скрыть невозможно: самая малая крупинка неправды сразу обнаружит себя, как фальшивый звук.

Не могу сказать, чтобы роман Эренбурга «День второй» принадлежал к числу моих любимых книг. Скорее он оставил меня равнодушным, как, впрочем, и все другие советские производственные романы: «Соть» Леонова, «Гидроцентральный» Маризитты Шагинян. Вот только «Время, вперед!» Катаева я читал с удовольствием, а некоторые реплики оттуда («Я стою босиком в коридоре») даже вошли в мой (общий наш, людей моего поколения и моего круга) словарь и блистали там наравне с жемчужинками Ильфа и Петрова. Да, в общем, можно было бы сказать, что роман Эренбурга «День второй» проехал мимо, никак меня не задев, если бы не один его персонаж — Володя Сафонов.

«Профессор Байченко сказал Сафонову: "Вы типичный изгой". Володя заглянул в словарь. Там значилось: "Изгой — исключенный из счета неграмотный попович, князь без владенья, проторговавший гость, банкрот". Володя усмехнулся — профессор прав. Сафонова надлежит исключить из счета. Только по недосмотру он еще состоит в жизни. Он, например, не верит, что домна прекрасней Венеры. Он даже не уверен, что домна нужнее, нежели этот кусок пожелтевшего мрамора. Он — неграмотный попович. Он сдал, как и все, диамат. Но если просмотреть его мысли так, как просматривают школьную работу, придется подчеркнуть красным карандашом любой день. Все его существо — ошибка. Он не объясняет скуки доктора Фауста особенностями первоначального накопления. Когда на дворе весна и в старых садах Томска цветет сирень, он не ссылается на Маркса. Он знает, что весна была и до революции...

Сафонов — князь без владенья. Князь теперь не титул. Это скорее клеймо... Сафонов — князь не по родословной, он князь по несчастью.

Какие же у него владения? Койка в общежитии? Книжка Пастернака? Дневник? Разумеется. Его владения необозримы. Он недавно беседовал с Блезом Паскалем во дворе парижского Пор-Рояля. Он может оседлать коня и отправиться с поручиком Лермонтовым в самый дальний аул. Ему ничего не стоит подарить любимой Альгамбру или Кассиопею. Но эти владения не признаны законом. Перед людьми он нищ...

Вернее всего, он — проторговавшийся гость. Не пора ли признаться, что они банкроты?..»

Тут впервые в этом мысленном монологе Володи Сафонова местоимение единственного числа («он») заменяется местоимением множественного: «Они». Они — это интеллигенты.

«Они торговали верой, сердечным жаром, передовыми идеями. Они торговали и проторговались. Мечтая о справедливости, они не забывали о сложных рифмах. Невинности они не соблюли. Что касается капитала, то он был достаточно условен. Этот капитал ликвидировали заодно с капитализмом. Говорят, будто могила Кюхли в Тобольске разворочена. От Достоевского остались только переводы на немецкий да каторжный халат. Последний, разумеется, сдан в Музей революции. Змею "Медного всадника" остается сдать в зоопарк. Что же добавить? Обезумевшего старика на станции Астапово? Стриженных курсисток? Декадентов? Земских врачей?

Блок, во что бы то ни стало, хотел услышать "музыку революции". Услышав ее, он умолк. Ему повезло: он вовремя умер. Другие еще живут. Когда-то банкротов сажали в долговую тюрьму. Теперь одних вывели в расход. Другие сбежали в Париж: они лечат больную совесть на французских водах. Третьи? Третьи еще валяются: это мусор на стройке».

У меня не было никаких сомнений в том, что эти мысли Володи Сафонова — мысли самого Эренбурга. Быть может, поэтому этот герой эренбургского романа, в отличие от других его персонажей, не оставил меня равнодушным? Тех, других, автор (это чувствовалось) только наблюдал. Этого он знал изнутри. Он знал его насквозь. Да, конечно, и поэтому тоже. Но только отчасти. Главная же причина моего неравнодушия к Володе Сафонову была в том, что я узнавал в нем себя. Вот так же я узнавал себя в Кавалерове, герое «Зависти» Юрия Олеси. В Мечике из фадеевско-го «Разгрома». В Мише Колче — герое тогда же прочитанного мною романа Бориса Левина «Юноша».

В каждого из этих героев автор (и Эренбург, и Олеша, и Фадеев, и Борис Левин) вложил себя. Каждому подарил свои ощущения, свои мысли, свои сомнения. Каждый из них был частью его собственной души. Но при этом каждый (и Эренбург, и Олеша, и Фадеев, и Борис Левин) к этому своему герою относился, мягко говоря, неприязненно. Каждый этого своего «однойцового близнеца» отторгал от себя, клеймил, уничтожал, разоблачал. И Эренбург делал это, пожалуй, решительней и бескомпромиссней не только, чем Юрий Олеша со своим Кавалеровым и Борис Левин со своим Мишей Колче, но даже чем Александр Фадеев со своим Мечиком.

Во всяком случае, говорил он о своей неприязни к этому своему герою прямо, не окутывая эту неприязнь туманом художественной образности, а даже как бы нарочито ее выпячивая.

О Кавалерове Юрия Олеша критики еще как-то спорили. В нем все-таки увидели хоть что-то хорошее, хоть какие-то привлекательные черты. В хоре голосов, именующих его подонком и отщепенцем, зловещей отрыжкой старого мира, раздавались все-таки отдельные голоса, робко намекающие, что не худо бы людям нового «машинного века» перенять у Кавалерова его нежность, его душевную отзывчивость, его способность чувствовать поэзию и красоту. Об эренбургском Володе Сафонове даже и не спорили. О чем тут было спорить, если сам автор так отзывался об этом своем герое:

«Были, однако, среди вузовцев и отщепенцы. Они не умели искренне смеяться. Невольно они чуждались своих товарищей. Они не были ни смелей, ни одаренней других, но они пытались идти не туда, куда шли все. Их легко было распознать по беглой усмешке, по глазам, одновременно и презрительным и растерянным, по едкости скудных реплик, по немоте, которая их поражала, как заболевание.

Таким был и Володя Сафонов».

Так нелюбезно высказался автор «Дня второго» об этом своем герое в самом тексте романа. А вот что он написал о нем тридцать с лишним лет спустя.

«Володя Сафонов — хороший, честный юноша; он учится в Томском университете, потом уезжает в Кузнецк; он начитан, душевно тонок, любит чистой любовью Ирину... По собственным его признаниям, он оравлен мудростью старых книг и терзается от наивности, от детскости своих товарищей...

Ирина предпочла обреченному Володе живого Колю Ржанова. Но не поэтому Володя кончил жизнь самоубийством. Никто ему не протягивал веревки — ни товарищи, ни старый профессор, к которому он пришел в последний день за советом, ни автор повести. Его довела до отчаяния обостренная совесть...

Я остановился на Володе, потому что многие критики пытались его выдать за врага. Издание "Дня второго" (1953) снабжено примечаниями В. Емельянова, который уверяет, будто Володя был фашистом: он ведь сказал старой библиотекарше, что хотел бы сжечь все книги. Да, Володя однажды признался, что ненавидит книги, как пьяница — водку. Но вряд ли этот книжник напоминает гитлеровского штурмовика. Володя запутался в собственных противоречиях. Будь у него немного меньше совестливости и немного больше цепкости, он не повесился бы, а стал бы уважаемым всеми специалистом».

Последняя характеристика, надо полагать, больше отвечает тому, что Эренбург на самом деле думал о своем Володе Сафонове. Она, я думаю, отвечала бы этому еще больше, если бы вместо слов «он терзается от наивности, от детскости своих товарищей». Эренбург написал, что терзался Володя от их душевной грубости, дикости, от их хамства. Но суть не в этом.

То, как Эренбург охарактеризовал своего героя в тексте романа, а также то, что он молчал тридцать лет, не попытался даже в 1953 году защитить от критика, обозвавшего его фашистом, — все это легко можно объяснить соображениями сугубо конъюнктурными: в те годы вступаться за такого человека, как Володя Сафонов, было небезопасно. Да и так ли важно, что говорит о своем герое автор? Вон Горький не уставал повторять, что люди, похожие на его Луку, всегда были ему ненавистны. А Москвин сыграл Луку бесконечно обаятельным. И, по-своему, был прав.

Да, характеризуя Володю Сафонова в тексте романа, Эренбург не только не скрывает своей к нему неприязни: он эту неприязнь даже нарочно выпячивает. А тридцать лет спустя эта его неприязнь вдруг сменилась искренней симпатией. Но и в этой, новой — и такой неожиданной — авторской характеристике он не отрицает, а даже подчеркивает, что Володе с его интеллигентностью и душевной тонкостью в новой жизни нет места. Он обречен. Изменилось только объяснение первопричины этой обреченности. В тексте романа она объяснялась тем, что он — пустоцвет, «пустая порода». В объяснении, данном тридцать лет спустя, причина называлась другая: обостренная совесть.

«Будь у него немного меньше совестливости и немного больше цепкости, он не повесился бы, а стал бы уважаемым всеми специалистом».

Но как же, в таком случае, автор? Выступая перед нами, студентами литературного института, делясь с нами своими мыслями о природе писательского труда, Эренбург, между прочим, сказал (выправленную стенограмму этого своего выступления он потом превратил в статью, и я цитирую не по памяти, а по печатному тексту):

«В прошлом году я прочитал французскую статью, посвященную одиннадцатой посмертной претендке на звание прототипа госпожи Бовари. Исследователи, порывшись в архивах Руа-на, допросив старожиллов, уверяют, что существовала женщина, которая послужила моделью Флоберу. Прочитав статью, я улыбнулся; я вспомнил письмо Флобера к своему другу, в котором, рассказывая о начатом им романе, он добавляет: "Эмма — это я". На первый взгляд, такое признание может удивить. С одной стороны, немолодой, брюзгливый холостяк, тончайший стилист, к голосу которого прислушивался взыскательный Тургенев, с другой — молоденькая, взбалмошная, влюбчивая и безвкусная провинциалка. (Помню, как, выговаривая эти слова, Эренбург произнес: «бэзвкусная», и этим странным в устах старого москвича произношением немало меня удивил. — Б.С.) Казалось бы, между ними нет ничего общего. Однако Флобер не солгал в письме... Если мы задумаемся над его биографией, над его беззащитностью в любви, над порой смешным увлечением "красивостью", над жестокостью окружавшего его быта, мы поймем, что он не солгал: он только проговорился».

Знаменитая фраза Флобера «Эмма — это я» и раньше была мне хорошо известна. Но я воспринимал ее как некую общую формулу, предполагавшую, что настоящий писатель может распространить ее на каждого своего героя. Эренбург придал этой обобщающей формуле очень конкретный, буквальный смысл. Сам он о своем Володе Сафонове мог бы сказать «Володя — это я», пожалуй, даже с большим основанием, чем Флобер о своей Эмме. Как же, в таком случае, ему удалось, в отличие от этого своего героя, не только вписаться в чуждую ему новую жизнь, но и занять в ней весьма видное и почетное место, стать «уважаемым всеми специалистом»? Неужели это объясняется тем, что у него самого оказалось меньше совестливости, чем у его героя? И больше цепкости? И именно поэтому, начиная с 1934 года, он вдруг перестал видеть то, что так ясно видел тогда, в 1921-м?

В годы моего студенчества едва ли не каждый из тех, с кем меня знакомили, говорил:

— Послушайте! Почему вы так похожи на Эренбурга?

Фотографий юного Эренбурга я тогда не видал. Да и те, кто удивлялся моему сходству с Эренбургом, тоже наверняка их не видели. Похож, стало быть, я был не на молодого, а на старого Эренбурга.

Сходство это — весьма, конечно, относительное — мне придавала тяжеловатая нижняя губа и мешки под глазами. У меня эти мешки были следствием болезни почек, которую я подхватил во время войны, в холодном Серове (северный Урал), куда нас занесло эвакуацией. У Эренбурга же, как я потом узнал, это была их фамильная, родовая черта: такие же мешки под глазами были и у дочери Ильи Григорьевича Ирины, и как она говорила, — смолоду. Как бы то ни было, но это мое, отмечаемое многими сходство со знаменитым писателем мне льстило. В какой-то мере оно, быть может, даже определило мое особое к нему отношение. Особенность этого отношения состояла в том, что я относился к нему как к человеку, с которым связан какими-то, чуть ли не родственными, узами. К человеку, тень поступков которого падает и на меня.

Когда Эренбурга при мне хвалили («Молодец Илья! Здорово врезал!»), меня заливала волна радости, словно эта похвала касалась и меня тоже. А когда его упрекали в чем-то нехорошем, мне было за него стыдно, словно за этот его нехороший поступок я нес персональную, личную ответственность.

В сочинении этого сонета, во всяком случае, в доведении его до совершенства принял участие сам Твардовский. Именно он, как рассказывали свидетели творческого процесса, подарил Казакевичу замечательную (едва ли не лучшую во всем стихотворении) строчку: «Столовое вонзает серебро».

Так вот, этот самый Бубеннов — человек в то время весьма влиятельный — предпринял новую атаку на литераторов, скрывающих под псевдонимами истинные свои фамилии. Я сказал «новую», потому что первая такая атака была предпринята тогдашними нашими, как теперь говорят, средствами массовой информации двумя годами раньше — в 1949-м. Первой жертвой той кампании, а, стало быть, первым литератором, псевдоним которого публично раскрыли обозначенной в скобках его «девичьей» фамилией, стал мой добрый знакомый, а впоследствии даже и приятель Нема Мельников, за что на весь остаток его жизни прилепилось к нему прозвище — «Отец русской скобки».

Статья называлась: «Гнилая повесть "Редакция"». Запомнилась мне из нее только одна фраза.

«Н. Мельников (Мельман) смотрит на советского человека откуда-то сзади, с болезненным любопытством копаясь во всем отсталом и старом».

Дойдя до верхней точки, идеологическая кампания 1949 года постепенно сошла на нет и в конце концов окончательно угасла. И вот теперь, спустя два года Михаил Бубеннов решил ее, так сказать, реанимировать. Во всяком случае — кинуть пробный камень. Статейка его была написана довольно ловко. Я бы даже сказал — осторожно. Для начала автор слегка поглумился над украинским поэтом Е. Бондаренко, который почему-то решил взять себе псевдоним «Бандуренко», изменив в своей фамилии всего только две буквы. Потом — над чувашским поэтом Н. Васян-ка, который выбрал себе псевдоним «Шаланка». Но это все — для отвода глаз. Точнее — для соблюдения некоторых приличий. Всерьез отводить глаза читателя от истинной мишени, в которую было направлено жало его художественной сатиры, Бубеннов не собирался. Быстро покончив с Бондаренко-Бандуренко и Васянкой-Шаланкой, он приступил к главной теме своего повествования.

«Белорусская поэтесса Ю. Каган выбрала псевдоним Эди Огнецвет. А какая необходимость заставила ее сделать это?.. Молодой московский поэт Л идея стал Л. Лиходеевым, С. Файн-берг — С. Северцевым, Н. Рамбах — Н. Гребневым».

Васянку-Шаланку и Эдди Огнецвет я не знал. А Лидес-Лиходеев, Сережа Файнберг, ставший Северцевым, и Нема Рамбах, перекрестившийся в Греб-нева, были мои литинститутские однокашники. Насчет этих псевдонимов была у нас в литинституте сочинена (Владиком Бахновым) песенка:

Àààà àà: ì ù ù ù: à — Òòààè ù,

È ù ù ù: àè ù àè ò àè ù à

Àùè ù à ù àèù ù ò àè È ù ò è ààè ù,

Ç ù: è ò, ù àèù ù à — ù àèù è è ù à!

Òòò, ù ù ààèé, ù à à ù ù àà:

Ù à ç ù àà ù ù ù à ù à ò ù!

È ù ù ò è è Ò ù è ù ù - À è à è ù à ù

Ò ù: à ò Ò ù è ù ù à ù ù ù ù ò à ò ù!

Распевая эти куплеты, мы смеялись. Но в 51-м было уже не до смеха.

И зловещий смысл бубенновской статейки всеми был понят однозначно: как сигнал к новому погрому. Не вполне ясно было только, что (или кто) за этим стоит — отдельные, хоть и влиятельные, но все же никем не уполномоченные энтузиасты, или все наше великое и могущественное государство, то есть — сам «Хозяин».

Волнующая пауза эта длилась ровно неделю. Шестого марта в «Литературной газете» появился ответ. Он был краток. И назывался скромно: «Об одной заметке». И малый размер реплики, и скромное ее название призваны были подчеркнуть, что выстрелу «Комсомольской правды» не стоит придавать особого значения. Автор реплики, в сущности, даже не полемизировал с Бубенновым. Он просто высек его. Как мальчишку.

«... Если уж кому и надо теперь подыскивать оправдания, то разве только самому Михаилу Бубеннову, напечатавшему неверную по существу и крикливую по форме заметку, в которой есть оттенок зазнайского стремления поучать всех и вся, не дав себе труда разобраться самому в существе вопроса. Жаль, когда такой оттенок появляется у молодого, талантливого писателя».

Трудно было найти формулу более обидную, чем эта. Ведь эпитет «молодой» определялся тогда отнюдь не возрастом писателя, и даже не его литературным стажем, а прежде всего — и даже исключительно — местом, которое этот писатель занимал в негласной, но хорошо всем известной табели о рангах.

Зачислив Бубеннова в ряды «молодых талантливых писателей», ему как бы указали его место. Прямо дали понять, что он слишком много — не по чину! — на себя берет. И сделал это не кто-нибудь, а второй (после Фадеева) человек в ареопаге литературного начальства — секретарь СП и главный редактор «Литературной газеты», любимец Сталина — К.М. Симонов.

Но те, кто стоял за Бубенновым, тоже были не лыком шиты. И сдаваться они не собирались. К полю боя быстро была подтянута тяжелая артиллерия, и ответный выстрел последовал почти мгновенно. Через два дня, восьмого марта, в той же «Комсомольской правде» появился ответ Симонову, подписанный Михаилом Шолоховым. Я говорю «подписанный», поскольку не уверен, что ответ самого Шолохова, живущего, как известно, в Вёшенской, можно было организовать так быстро. Впрочем, не исключаю, что Шолохов в это время был в Москве и, в отличие от «Тихого Дона», это свое произведение сочинил сам. Но тем, кто подвинул его на эту акцию, нужно было, конечно, не «золотое перо» Шолохова, не божественный его художественный дар.

Им нужно было его имя. Именем этим они хотели сказать Симонову — и не только ему, а всем читателям «Литературной газеты»:

— Наш козырь старше!

Старшинство, подтвержденное той же негласной табелью о рангах, давало Шолохову право разговаривать с Симоновым свысока, с той же мерой снисходительности, с какой тот обращался к Бубеннову. Но он эту меру слегка превысил, что проявилось уже в самом названии его статьи. Называлась она, на первый взгляд, довольно странно: «С опущенным забралом...» Читателю, вникавшему только в тексты всех этих полемических заметок и не шибко понимающему глубинный их подтекст (если, конечно, допустить, что такие читатели тогда были), — такому читателю было, конечно, невдомек, о каком «опущенном забрале» может идти речь. Весь тон и стиль реплики Симонова говорили о том, что выступает он как раз под открытым забралом. Всячески подчеркивая это обстоятельство, он даже — не без некоторого кокетства — подписался под этой своей репликой так, как ни разу в жизни — ни до, ни после этого случая — больше не подписывался: Константин Симонов (Кирилл Михайлович Симонов).

Не совсем обычная эта подпись как бы говорила: «Вам нравится раскрывать скобки? Что ж, извольте! Вот он я, весь — как на ладони. Как видите, мне нечего скрывать. Я не Иосиф Соломонович, как Василий Гроссман. Я — Кирилл. А вот — тоже взял себе псевдоним, назвался Константином».

Но Шолохов имел в виду не текст, а всем и каждому понятный подтекст симоновской реплики. И весьма прозрачно на этот подтекст намекал.

«Кого защищает Симонов? Что он защищает? Сразу и не поймешь... Спорить надо, честно и прямо глядя противнику в глаза. Но Симонов косит глазами. Он опустил забрало и наглухо затянул на подбородке ремни. Потому и не внятна его речь, потому и не найдет она сочувственного отклика среди читателей».

Ответ на этот зловещий вопрос (допрос): «Кого защищает Симонов? Что он защищает?» не нуждался в расшифровке. Эта фраза в шолоховской заметке тогда хлестнула меня, как удар казачьей нагайки.

«Теперь все это странно, теперь все это глупо», — как было сказано (по совсем другому поводу) в одном стихотворении Слуцкого. По улицам российских городов маршируют чернорубашечники, по команде вскидывают руки в нацистском приветствии и выкрикивают что-то похожее на «хайль Гитлер». На книжных лотках свободно лежит «Майн кампф». Выходят сотни фашистских газет, в которых — в открытую — прославляют Гитлера, рассуждают о всемирном еврейском заговоре и восторгаются «Протоколами Сионских мудрецов». На каком-то лотке я увидел (и купил) брошюру, озаглавленную простенько и мило: «Жиды». В каком-то из российских городов «вервольфы» по идеологическим мотивам убили несколько человек и, в назидание, отрезали им уши. Судили их «за бытовое преступление»... Всего этого в теперешней нашей жизни навалом. И все это меня, как выражается современная молодежь, — не колышет.

То есть «колышет», конечно, но — слабо. Во всяком случае, слабое «колыханье» это не идет ни в какое сравнение с той бурей чувств, какую подняла в моей (и не только в моей, конечно) душе та, давняя дискуссия о псевдонимах. Хотя авторы оскорбивших меня статей — Бубеннов и Шолохов — не то что сакраментальное слово «жиды», но и вполне корректное — «евреи» — и то не осмеливались выговорить вслух.

В романе Федора Сологуба «Мелкий бес» пятнадцатилетний гимназист Саша Пыльников отправился на загородную прогулку с взрослой барышней Людмилой. Гуляя по лесу, они спускаются в овраг. Людмила идет впереди. Спускаясь, она чуть-чуть приподняла юбку и...

«... открылись маленькие башмачки и чулки тельного цвета. Саша смотрел вниз, чтобы ему не запнуться о корни, и увидел чулки. Ему показалось, что башмаки надеты без чулок.

Стыдливое и страстное чувство поднялось в нем. Он зарделся. Голова закружилась...»

Вот такая буря мучительных сексуальных переживаний поднялась в Сашиной душе. А все только потому, что он случайно увидел женскую щиколотку в чулке телесного цвета, и ему показалось, что эта женская нога — голая.

А недавно в Коктебеле я случайно — сослепу — забрел на дикий пляж, где паслись нудисты. Юные девы медленно прогуливались по пляжу в чем мать родила. Свои «нескромные сокровища», не прикрытые никакими фиговыми листками, они несли гордо, словно напоказ, как топ-модели демонстрируют модные наряды. И — Б-же ты мой! — какое разнообразие форм открылось моему взору. И форм, и видов, и размеров, и мастей. До этой минуты я даже и не подозревал, что природа, создавшая все эти прелести, так щедра и изобретательна. А рядом, в тесной близости ко всем этим сокровищам, бродили парни, некоторые из которых были в возрасте сологубовского Саши Пыльникова. И — хоть бы хны! Не то что волнения или какого-нибудь там сексуального возбуждения, но даже слабых признаков столь естественного в этих обстоятельствах любопытства не обнаружил я на их лицах. Аналогия эта, конечно, весьма условна. Но бурные сексуальные переживания Саши Пыльникова и бурная моя реакция на статью (даже не статью, а на одну лишь фразу) Шолохова, в которой предмет не назывался, а на него только намекалось, — как показавшаяся Саше голой женская щиколотка только намекала на существование таящихся под слегка приподнявшейся юбкой прелестях женского «телесного низа», — две эти — столь разного происхождения реакции были все-таки меж собой несколько сродни.

Дискуссия о псевдонимах вызвала тогда такой огромный общественный накал, потому что было совершенно очевидно: «пробный шар» Бубеннова и последовавший за ним обмен мнениями — это только крохотная часть айсберга. А что там, под водой, в глубине — об этом и думать было страшно. А теперь, когда этот айсберг штормом выброшен на берег, и он виден нам весь, целиком, зрелище это не производит на нас никакого впечатления. Притерпелись, привыкли. (Вот так же и современные Саши Пыльниковы — равнодушно скользят взглядом по обнаженным прелестям юных своих сверстниц: «Подумаешь! Голую бабу не видал!»)

Ну и, разумеется, не случайно общественный накал этот достиг самого высокого градуса, когда Бубеннова поддержал Шолохов. Конечно, фраза Шолохова так больно хлестнула меня не только своим смыслом, и даже не только зловещей своей интонацией, но прежде всего и главным образом тем, что произнес (написал) ее именно Шолохов.

Не могу сказать, чтобы я так уж сильно чтит Шолохова.

«Тихий Дон» я любил и — при всем моем юношеском максимализме и нигилизме — ставил высоко. Позже, когда стало известно, что кто-то (кажется, Алексей Толстой) назвал этот роман явлением областной литературы и возникла у нас (в узкой нашей среде) небольшая устная дискуссия на эту тему, я по этому поводу высказался так:

— Пока можно было думать, что революция принесла несчастье только казачеству, «Тихий Дон» воспринимался как явление областной литературы. Когда стало ясно, что она оказалась несчастьем для всего русского — и не только русского — крестьянства, масштаб этого литературного явления стал иным. Потом, когда мы поняли, что она была несчастьем не только для крестьян, а для всего народонаселения нашей страны, роман Шолохова стал явлением большой русской литературы. Когда же все поймут, что русская революция была общемировой катастрофой, «Тихий Дон» станет литературным явлением мирового масштаба.

Но это было уже на заре шестидесятых. А тогда, в пятьдесят первом, я до таких юмористических высот не поднимался. И не только «Тихий Дон», но даже «Поднятую целину» числил в ряду самых любимых своих книг. В «Поднятой целине» огромное впечатление произвела на меня сцена раскулачивания Титка. Впервые понял (не до конца, конечно, только начал понимать), каким кровавым кошмаром была коллективизация.

Да, книги Шолохова я ценил высоко. Но сам Шолохов никогда не был героем моего романа. Помню, однажды (году в сорок восьмом), держась, как обычно, за руки, шли мы с моей любимой по Тверской и остановились перед портретами писателей, выставленными в витрине книжного магазина — того, что напротив Моссовета. Он и сейчас еще существует, этот магазин, и в витринах его и сейчас можно увидеть портреты писателей. Но теперь — совсем другие портреты: Высоцкий, Окуджава... А тогда это были сплошь титулованные, увенчанные всеми мыслимыми и немыслимыми регалиями члены ЦК (Фадеев), депутаты Верховного Совета (Эренбург)... На самом видном месте там красовался портрет автора (если уж совсем точно — того, кто считался автором) «Тихого Дона».

И вдруг моя спутница сказала:

— Какое ничтожество — Шолохов!

В первую секунду я был этим определением слегка шокирован. Хотел было уже даже что-то возразить. Но тут же понял, что она имеет в виду только внешнее, зрительное впечатление, что эта ее реакция вовсе не распространяется на писателя Шолохова. Это был очень поверхностный, чисто женский взгляд. Но ведь не зря же кем-то было сказано, что после тридцати (а может, после сорока?) лет человек сам отвечает за свое лицо. И не зря автор «Портрета Дориана Грея» сказал, что только очень поверхностный, очень неглубокий человек может не доверять своему первому впечатлению. Он был прав: ведь первое наше впечатление определяет не разум (очень несовершенный, в сущности, инструмент), а весь организм, все таящиеся в нем древние, еще звериные инстинкты.

Обо всем этом я тогда, разумеется, не думал. Но у меня вдруг словно открылись глаза. Довоенный — молодой, большелобый Шолохов — тоже не шибко был похож на великого писателя. Но ничтожеством уж во всяком случае не казался. А тут — невзрачное какое-то, мелкое личико, ушишки... Я вдруг увидел: в самом деле — ничтожество. Это впечатление подтвердилось и окончательно укрепилось позже, когда я увидел его вживе несколько лет спустя, на совещании молодых писателей. Он там выступал перед нами в маленьком, тесном зале, а я сидел совсем близко, в первом ряду. Вдобавок ко всему оказалось, что он — совсем небольшого росточка. Но главным, конечно, был не малый рост, а именно вот эта убийственная печать ничтожества, лежащая на его заурадном лице, на всем его невзрачном облике.

И, тем не менее, имя Шолохова под гнусной антисемитской статейкой меня

ушибло. Ушибло именно своей весомостью. К носителю этого громкого имени я, как уже было сказано, не питал особого уважения. Но при всем при том я все еще находился внутри той системы ценностей, согласно которой это имя было козырным тузом. Другого такого козыря во всей той карточной колоде больше не было.

Кто-то, однако, должен же был на эту гнусность ответить!

Но кто?

По тогдашним моим понятиям ответить Шолохову мог только один человек — Эренбург. По официальной (да и не только официальной) табели о рангах до автора «Тихого Дона» он не дотягивал. Но громкая слава его военных статей еще не потускнела. К тому же мне крепко врезалась в память одна реплика Эренбурга, брошенная им в первые дни войны на каком-то антифашистском митинге. Он сказал тогда, что выступает здесь, с этой трибуны, как русский писатель и как еврей. Участниками того митинга были многие знаменитые люди. И одни из них тоже клеймили фашизм как русские писатели (Алексей Толстой), а другие — как еврей (Михо-элс). Но только Эренбург соединил в себе обе эти ипостаси. Вернее, только он один так прямо об этом сказал.

Сам Б-г велел именно ему ответить на грязную шолоховскую статейку. Он обязан был сделать это — как русский писатель и как еврей. Не надеясь, что Эренбург поймет все сам, я решил объяснить ему, в чем состоит в этот момент его первейшая — нравственная — обязанность. Сперва хотел позвонить ему по телефону, но, побоявшись, что в устном да еще телефонном разговоре не сумею быть достаточно убедительным, решил написать письмо. В письме этом я не просил, а прямо требовал, чтобы он как следует отхлестал Шолохова. Кажется, даже объяснял ему, в каких именно выражениях он должен это сделать. Но письмо это, к счастью, не только отправить, но даже и дописать я не успел.

Статька Шолохова, как я уже говорил, появилась на страницах «Комсомольской правды» 8 марта. А ответ на нее был обнародован даже быстрее, чем на статью Бубеннова, — 10 марта, то есть через два дня. Под ним стояла подпись того же Симонова. Ответ был написан в очень решительном тоне. Он, в сущности, завершал дискуссию, о чем автор объявлял с некоторой даже надменностью.

«Я убежден, что вся поднятая Бубенновым мнимая проблема литературных псевдонимов высосана из пальца в поисках дешевой сенсационности и не представляет серьезного интереса для широкого читателя. Именно поэтому я стремился быть кратким в обеих своих заметках и не намерен больше ни слова писать на эту тему, даже если "Комсомольская правда" вновь пожелает предоставить свои страницы для недостойных нападок по моему адресу».

Прочитав это, я был почти уверен, что на том дело не кончится. Что Симонову непременно кто-нибудь возразит. Быть может, даже тот же Шолохов. Но ответа не последовало. Последнее слово так и осталось за Симоновым. Этот симоновский поступок казался тогда отчаянно смелым. И не только казался, но и был. Но эта его смелость не имела ничего общего с тем безумством храбрых, которое в годы своей романтической юности воспел Горький. Не могу утверждать, что прежде чем ринуться в драку с Шолоховым, Симонов проводил какие-то консультации наверху. Но что-то он, безусловно, знал.

Сейчас, после того как опубликованы его дневниковые записи тех далеких лет, мы можем говорить об этом с достаточной долей уверенности.

«Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева "Югославская трагедия", — вспоминает Симонов, — Сталин задал вопрос:

— Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним — это его право, не будем уже говорить ни о чем другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?

Вот и вся моя запись по этому поводу. Добавлю, что Сталин говорил очень сердито, раздраженно, даже, я бы сказал, с оттенком непримиримости к происшедшему...»¹¹

Обсуждение «Югославской трагедии» Ореста Мальцева происходило в марте 1952 года, то есть — спустя год после дискуссии о псевдонимах. Но реплика Сталина («В прошлом году уже говорили на эту тему») показывает, что точка зрения Сталина на сей счет была и раньше хорошо Симонову известна.

Не следует забывать также, что у Сталина был тут и свой, особый, личный повод для раздражения: он ведь и сам тоже в свое время взял себе псевдоним и именно этим псевдонимом, а не настоящей фамилией вошел в историю. Все это Симонов, конечно, учел, вступая в спор с Шолоховым. И, тем не менее, как я уже сказал, он и в самом деле проявил тогда недюжинную смелость. Ведь те, кто стоял тогда за спиной Бубеннова (и Шолохова) тоже что-то знали, на что-то рассчитывали. Я уж не говорю о том, что со Сталиным шутки были плохи. Не может быть никаких сомнений, что истерическая газетная кампания по раскрытию скобок (то есть — тех же псевдонимов) не могла начаться, а тем более принять такой разнуданный и массовый характер без его прямого одобрения.

А потом он сам же ее и прекратил. Это был его стиль, его почерк. Он любил, дождавшись, когда лавина замысленного и развязанного им какого-нибудь очередного кровавого безумия дойдет до высшей точки, выступить, скажем, со статьей «Головокружение от успехов». И весь кошмар происходившего будет отнесен за счет так называемых перегибов. («Всегда у нас так, — будут почесывать в затылках честные глуповцы, — пошли дурака Б-гу молиться...») А ОН, как всегда, — в белом смокинге.

Отмена «перегибов», однако, ни в коем случае не указывала на отступление от «генеральной линии». И это прекрасно знали Бубеннов с Шолоховым, равно как и все те, кто стоял за их спинами. Но дальнейшего развития этот сюжет так и не получил, и обращаться за помощью к Эренбургу мне тогда, слава Б-гу, не пришлось.

III I a o a i Y e a e u u a i. A i n o e N o a e e i a A e i.: A i a o a A e a A i c a d u a t e a e c N N N B, E e i i O a e o a a i a a i I i n e a i 1937. I., 1990. N. 271.

III E i i n o a i o e i N e i i i i a A e a c u i e a e i a e a i i a a i i i e i e a t e y. D a c i u o e a i e y i E. A. N o a e e i a

יְעָאִי אִוָּא «אַעֲעֵאָע»

עֲצָאָוּ עֲצָאָוּ

*חֲאָדָּאִי יִיְיָ עֲאֹ יִיְיָ אִעִי וְיִ אִי דְאָחִינְאָּעִי יִעִי יִאִי יִעֲאֹוִיעִי יִי אִינְוֹאִי וְאִי אִי יִי יִדְנְעִי וְ
וְ-עֵעֵוּוֹ - יִיְיָ אִיעִי דְאָ יִוְ אִעֲאָעִינְיִ יִיְיָ יִבְ מִוִּתֵּ אִוִּדְנְאִי. יִי אִי אִוִּתֵּ אִיעִי יִי אִיעֲאֹ יִאִי יִוֵּעִי Pִוֵּעִי
חֲאָדְיִאִ יִוֵּאֵ יִי אִי יִאִי יִוֵּאֵינְיִוִּי «עִינְיִוִּדְעִי אִוִּי» עִוִּדְנְאִי. יִאִי יִי דְנְעֵוֹ יִאִוִּוִּעִי וְאִי יִוִּדְאָעֵעֵ יִאִ
נְוֵאָעִי יִאִוִּוִּעֵעֵ וְדְרִיֹּו, אִי אִי וְ יִי אִינְעֵ, עֵאָ עֵ נִיעֲאִי יִאִוִּוִּאִי, וְיִאָעֵוִּאִ יִי וְנְוִיֹּו עִוִּדְנְאִי וְאִי יִוֵּאֵ
חֲאָדְיִאִ אִי אִוִּתֵּ אִ אִוִּוִּעֵאִי יִי עִינְיִ יִאִוִּוִּאִי עִוִּדְנְאִי, אִי יִינְיִ עֵעֵ, עִוִּדְנְאִי עִי נִיעֲאִינְיִ אִ: אִי יִוֵּ עֵאָ עִוִּדְנְאִי אִי דְנְאִי וְאִי, אִ
עִוִּדְנְאִי - עִוִּדְנְאִי עִוִּדְנְאִי - יִיעֵאָעֵעֵ אִיעֵי אִוִּ*

Когда мы встретились, он показал мне результаты своих разысканий. Оказалось, на нашем курсе, судя по фамилиям, было довольно много, как нынче говорят, «лиц еврейской национальности». Я удивился; тогда, в сорок первом и сорок втором, я на это не обратил внимания. Сразу скажу, что еврейских фамилий и в списке погибших тоже было много. Это мне кажется самым убедительным опровержением расхожих антисемитских штампов, которые с горьким сарказмом воспроизвел Борис Слуцкий, один из самых талантливых поэтов фронтового поколения:

אַוִּתֵּ — עִבְרֵעֵ עֵוֵוֵאִ

יִיעֵ מֵעֲאֹוִ יִיעֵוֵעֵאִ

עֵאִי אִיבְאֹו אִיעֵי אִי

אַוִּוִּאִי וְיִוִּוִּאִי אִוִּוִּעֵי אִי

А нынче я задумался: почему так много еврейских юношей выбрали профессию военного моряка?

Мы принадлежали к первому послереволюционному поколению; обретенное чувство национального равенства, видимо, породило тягу к профессиям, о которых наши отцы, деды и прадеды даже мечтать не осмеливались. Это было своеобразной компенсацией за дискриминационное прошлое, формой национального самоутверждения. И поколение это дало преуспевших в своих профессиях моряков, инженеров-доменщиков, полярников, геологов, летчиков. Называю только профессии людей, которых хорошо знал.

Прошу у читателей прощения за несколько затянувшееся вступление, но, мне кажется, оно имеет прямое отношение к человеку, о котором я хочу рассказать, с которым меня связывали четыре с лишним десятилетия ничем не омраченной дружбы.

Марк Галлай был летчиком. И не простым летчиком, а летчиком-испытателем, одним из известных, я бы даже сказал, не греша против истины, знаменитых представителей этой редкой, очень трудной и опасной профессии.

Призвание — вещь загадочная, пойди — пойми, почему кто-то из ребят, учившихся в одном школьном классе, посвятил свою жизнь археологическим раскопкам, а другой стал хирургом, почему третьего увлекла сцена, а четвертый выбрал поприще педагога. Но есть профессии, которым само время создает романтический ореол; мальчишки бредят ими. Не все, конечно, — определенного склада.

«В полном соответствии со стандартом, установившимся в мемуарной и биографической авиационной литературе, - вспоминал Галлай, - я "заболел" авиацией еще смолоду. Читал все, что мог достать о самолетах, дальних полетах, известных летчиках. Немало времени проводил в ленинградском аэромузее на Литейном проспекте, наизусть изучив все его экспонаты, начиная от "настоящего" носа летающей лодки М-9, отрезанного от самолета и установленного в одном из залов наподобие ростры старинной колонны, и кончая последней фотографией. Словом, вопрос о том, чему посвятить свою жизнь, был смолоду твердо решен мной в пользу авиации... Воздушный флот в то время как раз "входил в моду"».

Но дело, по-моему, в данном случае не только в «моде», но прежде всего в характере самого Галлая (вот почему я сказал, что романтические профессии привлекали мальчишек определенного склада), в том, что в нем было заложено от природы или, как говорили когда-то, дано ему от Б-га. Трудно угадать, кем он мог стать, если бы родился в более позднее время, но наверняка взялся бы за какое-то новаторское, неизведанное дело, требующее мужества (непреренно и смелости мысли), жесткого самовоспитания воли, постоянного преодоления препятствий — и внешних, и, так сказать, в себе самом (не зря первую свою книгу он назвал «Через невидимые барьеры», — в сущности, это был его жизненный девиз).

«Этот человек представлял собой живое подтверждение известной закономерности, согласно которой талантливая личность редко бывает талантлива лишь в чем-то одном», — писал Галлай о ком-то из своих коллег. Он и сам может служить прекрасным доказательством того же. И все-таки способности, даже одаренность — это еще только возможность, которая далеко не всегда реализуется. Не так часто человеку удается проявить себя в разных областях. У Галлая это получилось: прославленный летчик-испытатель, серьезный исследователь (мне рассказывали, что одна из его работ привлекла внимание А.Н. Туполева), писатель, которого иногда называли «русским Сент-Экзюпери». Но в какой бы из трех ипостасей — летчика, научного работника, писателя — ни выступал Галлай, смыслом, главным содержанием жизни для него была авиация.

Как-то в качестве анекдота Марк рассказал мне позабавившую его историю. Однажды в Ленинграде он встретил человека, которого не видел много лет. В юности они вместе занимались боксом. Тот стал преуспевающим тренером. Он сказал Марку с укоризной и сочувствием: «Зря ты бросил тогда бокс — ведь подавал надежды. Объездил бы, как я, весь мир. А что тебе дала твоя авиация?» Марк не относился пренебрежительно к спорту, а уж путешествовать точно очень любил, хотя долгие годы был лишен этого удовольствия, мог только мечтать о зарубежных поездках: профессия летчика-испытателя делала его «невыездным». Однако сама мысль о том, что он мог бы променять авиацию на какие-то жизненные блага и удовольствия, показалась ему уморительно смешной.

И еще один забавный эпизод. Наш общий приятель, обитавший в доме творчества в Переделкине, встретив в писательском поселке Галлая, пожаловался: «Все здесь хорошо, вот только постоянный рев самолетов раздражает. Очень уж низко летают». Марк мгновенно отреагировал: «Что вы, это единственное, что доставляет здесь удовольствие». В его шутке доля правды была очень велика.

И уже без шуток. Тяжелейший инфаркт свалил его через несколько месяцев после того, как врачи запретили ему заниматься летными испытаниями. Он, человек ясного и трезвого ума, объяснял мне почти серьезно (почти — потому что о себе всегда говорил с обаятельной самоиронией; кстати, ужасно смешно рассказывал, какой переполох был в больнице, когда его приехал проведать Гагарин), что именно поэтому у него и случился инфаркт. Мне его мысль показалась сомнительной, но она свидетельствовала о том, что значило для него его дело. Кто знает, а может, он знал правду?

Он был уже пожилым человеком, да и здоровье оставляло желать лучшего (видимо, сказались былые сверхперегрузки, не могли не сказаться), но когда возникала возможность, он летал на спортивных самолетах. И уверял меня, что это укрепляет организм и повышает жизненный тонус...

Вот последняя, написанная им за несколько месяцев до смерти, в 1998 году, автобиография.

«Галлай Марк Лазаревич.

Родился в Петербурге 16 апреля 1914 г.

Образование высшее техническое (Ленинградский политехнический институт) и летное (Школа пилотов ленинградского аэроклуба).

С 1937 по 1958 г. работал летчиком-испытателем конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов авиационной промышленности. Летал на самолетах 124 типов и назначений.

В 1941, 1942, 1943 гг. участвовал в Великой Отечественной войне в качестве летчика, командира звена, заместителя командира эскадрильи. Вышел в отставку в звании полковника.

Испытательную работу совмещал с научно-исследовательской. Опубликовал около 30 научных работ. Доктор технических наук, профессор, академик Академии транспорта Российской Федерации.

Участвовал в подготовке первой группы советских космонавтов ("гагаринской шестерки").

После завершения летной деятельности с 1958 по 1975 г. работал старшим научным сотрудником в Летно-исследовательском институте (ЛИИ) Министерства авиационной промышленности. С 1975 г. занимался только литературным трудом. Первую книгу "Через невидимые барьеры" опубликовал в 1960 г.

Жанр, в котором работаю, — художественно-документальный: на основе фактов, событий и проблем отечественной авиации и космонавтики. Член Союза писателей с 1965 г.

За участие в боях и летно-испытательскую работу присвоено звание Героя Советского Союза и заслуженного летчика-испытателя СССР. Награжден 11 орденами и 15 медалями. Одной из Малых планет Солнечной системы присвоено наименование "Галлай"».

Эта автобиография содержит лишь те обязательные сведения, которые называют «анекдотными». Она, видимо, потребовалась для оформления поездки на очередной авиационный салон. Приглашение он тогда получил на два салона и, помню, колебался, какой выбрать. Он несколько раз ездил на международные салоны, и последняя, вышедшая при его жизни книга «Небо, которое объединяет» написана на основе этих впечатлений. Он не очень был ею доволен, я не сразу понял, почему. Потом до меня дошло, что не в самой книге было дело — книга, как все, что он писал, была хороша, а в том, что на этих салонах он был зрителем, пусть и все понимающим. Зрителем, а не действующим авиатором; так и не смог к этому привыкнуть. Он, пожалуй, и писать стал не только потому, что ему было, что рассказать, а чтобы хоть как-то снова пережить все связанное с любимым делом: авиация так и не стала для него безвозвратным прошлым.

Автобиографию он написал по казенной надобности. Короткая, сухая, она напоминает тот жанр, который кадровики называли «объективкой» — без подробностей. Даже в лапидарной заметке о Галлае в энциклопедическом словаре есть отсутствующие в автобиографии немаловажные «подробности», за которыми стоят деяния поистине выдающиеся: «Испытания первых сов. реактивных истребителей, дальних бомбардировщиков (в т.ч. реактивных стратегических), вертолетов и др. Испытания на флаттер». Наверное, надо объяснить, что это такое — флаттер. Воспользуюсь тем же энциклопедическим словарем: «Сочетание изгибных и крутильных колебаний крыльев оперения и др. элементов конструкции самолета. При неправильном выборе конструкции может привести к разрушению самолета». Думаю, что не требует уточнений степень опасности этих «испытаний на флаттер», на разрушение самолета.

Должен предупредить, что у автора этих строк не авиационное, даже не техническое, а филологическое образование, с авиацией я имел дело только в качестве пассажира, поэтому не рискую пересказывать то, что превосходно описано в книгах Галлая. Интересующимся авиацией рекомендую обратиться к ним. Хочу лишь привлечь внимание читателя к словам «один из первых» в заметке из энциклопедии. «Первый» — ключевое слово в судьбе Галлая. А «и др.» в той же фразе следует распространить не только на внушительное число испытанных им самолетов (больше сотни). Во время памятного многим первого воздушного налета немецкой авиации на Москву 22 июля 1941 года в ночном бою Галлай сбил вражеский бомбардировщик. Он был первым конструктором-методистом по пилотированию космического корабля» (его пригласил на эту должность сам Королев, а Главный конструктор был человеком очень требовательным). Марк инструктировал первую группу наших космонавтов, куда входили Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Попович, Быковский.

В середине пятидесятых нас познакомил мой друг и коллега по «Литературной газете» Анатолий Аграновский, он тогда писал повесть о летчиках-испытателях. Как-то мы собрались у него, чтобы обсудить возможные варианты исхода затеянной нами рискованной газетной акции. Во время «совещания» к Аграновскому (у него было великое множество добрых знакомых среди людей самых разных профессий, людей, как правило, незаурядных) пришел посетитель — высокий, статный, красивый мужчина. Хозяин дома назвал его, но фамилии я не расслышал. То ли научный работник, то ли врач — так почему-то мне подумалось. Он, стараясь не мешать, внимательно слушал наши горячие речи. Видно, ему было интересно. И в какой-то момент вдруг сказал: «У вас, оказывается, тоже не знаешь, где можешь гроба-нутья». «Кто это?» — спросил я Аграновского. «Галлай», — ответил Толя. Фамилию эту я уже раньше слышал, знал, о ком речь.

Иногда Марк усмехался: «Что ты от меня хочешь, я ведь простой пилотяга». То была шуточная реакция на удивление, которое он вызывал при первом знакомстве: подумать только, этот умный, интеллигентный, хорошо воспитанный человек — летчик. Совершенно не похож. На самом же деле он

просто не соответствовал внушенным нам (главным образом кинематографом) стереотипным представлениям о «сталинском соколе» — бесшабашном смельчаке, рубахе-парне, которому море по колено, сам черт не брат и прочее в том же роде. В своих книгах Галлай высмеивал эти пошлости.

Вообще к нашей пропаганде он относился с презрением. Во время первых полетов космонавтов говорил, что нелепо писать, будто неполадки бывают только у американцев, а у нас все проходит без сучка, без задоринки. Дело новое, очень сложное, оно не может обойтись без срывов, трагических происшествий. Что вскоре и подтвердилось. Восторги по поводу наших неперенных успехов, считал он, к тому же в известной степени обесценивают трудную и опасную работу космонавтов. Помню его реакцию на газетную шумиху, поднятую после того, как какому-то пилоту пришлось сажать машину на одно колесо. Это изображалось как подвиг. «Глупость и невежество, — прокомментировал журналистский захлеб Галлай, — методика действий в таких обстоятельствах тщательно разработана, любой грамотный летчик должен это уметь».

Знакомство наше быстро стало прочной дружбой, и домами тоже. Так случилось, что жили мы неподалеку друг от друга, а в московских условиях это облегчает общение. Сговаривались заранее, чтобы одновременно поехать в Малеевку, Дубулты, Пицунду, где были писательские дома творчества. Почти все его книги я читал в рукописи, кое-что из моих работ в рукописи читал и он. Когда в начале перестройки Воениздат предложил ему выпустить двухтомник (прежде путь туда ему, ославленному «дегероизатором», был закрыт), он посоветовал редакции предисловие заказать мне.

Вскоре после знакомства мы, следуя неписанным законам фронтового демократизма, перешли на «ты». Должен сказать, что Галлай не терпел начальственного хамства и панибратства, сразу же ставил вельможу на место. Как-то рассказал мне: «В послевоенную пору я выработал для себя правило: когда начальство обращалось ко мне на "ты", я тут же начинал "тыкать" в ответ. Одни изумлялись и давали задний ход — немедленно переходили на "вы". Другие, не дорожащие своим начальственным престижем, принимали это ответное "ты"». Свое достоинство и независимость Марк оберегал в любых обстоятельствах.

Не частый случай: его любили коллеги и уважало начальство. Вот одна история, которую — как-то к слову пришлось — он мне поведал. Известно, что в советское время было заведено каждую торжественную дату непременно отмечать впечатляющими производственными успехами и другими радующими советских людей (читай — высокое начальство) свершениями. Марку к одной из таких дат предстояло впервые поднять в воздух новый самолет. А погода, как назло, скверная. Риск очень велик и, главное, совершенно не оправдан. На аэродроме толпа разного ранга начальников, они томятся, ропщут, приказать летчику-испытателю не могут (только он решает, лететь или не лететь), но всячески давят, выпихивают в полет: «А на соседнем аэродроме уже работают»; «А летчик Икс уже взлетел»; «Помню, в этой ситуации летчик Игрек...» «Я уже был испытателем с немалым опытом, — рассказывал Галлай, — и на "слабо" приучил себя не реагировать. (Однажды из окна вагона он показал мне мост через Оку, под которым в молодости пролетел. Кажется, то было сделано именно на "слабо". — Л.Л.). Пропускаю все это мимо ушей, но внутренне накаляюсь. А когда самый большой начальник произносит: "На вашем месте...", я ему в ответ с вежливой улыбкой: "Если бы мы с вами сейчас поменялись местами, мне бы, может, месяц в вашем кабинете удалось продержаться, а вы в этой машине, пожалуй, и взлететь не сможете". Начальник оказался человеком неглупым. "Ладно, — сказал, — действуйте, как считаете нужным". И уехал, прихватив с собой всю толпу меньших начальников: "Не будем мешать работать..."».

Коллеги его любили, потому что он был надежным товарищем — из той не слишком распространенной породы людей, которых не зовут, когда они нужны, потому что они тотчас приходят сами, без зова. В письме из Москвы (я жил тогда в Дубултах) он делился со мной: «Новость №1 — и для меня небезразличная — заключается в том, что выпустили на свет б-жий моего товарища Розанова. Правда, следствие еще не закрыто, но понимающие в этом люди считают, что это — метод сведения "на конус", дабы не так сильно бросалась в глаза неосновательность самого ареста. Хлебнул он отрицательных эмоций полной мерой и приходит в себя довольно медленно. Но все же, я считаю, что главные трудности — позади. Оглядываясь на прошедшие 2 месяца и удивляюсь тому, как много глухих стенок удалось завалить небольшой компании авиаторов, в общем, к этой деятельности весьма мало приспособленных». Я был в курсе дела, знал, чего оно стоило Марку: главным сокрушителем «глухих стенок», конечно, был он.

А вот еще одна характерная история. После смерти Марка я получил письмо от одного его корреспондента, читателя и горячего поклонника, в годы войны служившего в авиации. Там говорилось: «В 1993 году моя дочь заболела тяжелой болезнью глаз. Операции в Одессе в Филатовском институте особых результатов не дали. Мы с дочерью поехали в Москву. В Федоровскую клинику не пробиться, а во ВНИИ гл. болезней проф. Краснова нас, "украинцев", только за "зеленые", и не малые. Поделится своим горем с

М.Л., и он (по собственной инициативе) подготовил письмо в этот институт и подписал (вопреки обыкновению) всеми титулами. Операцию сделали быстро, безвозмездно».

«Вопреки обыкновению» — верное наблюдение. Галлай редко появлялся с Золотой Звездой, только в каких-то официальных или торжественных случаях, а с полным набором орденских планок, весьма внушительным (три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны

1-й степени, орден Красной Звезды), я видел его, кажется, всего два раза. Не помню, что за мероприятие было в ВТО, в котором мы оба должны были принимать участие. Приехав туда с опозданием (чего никогда прежде не делал) и в полковничьем мундире, Марк шепнул мне: «Потом все расскажу». Оказалось, его неожиданно вызвало командование ВВС — вот почему он был в мундире и опоздал, и предложило должность начальника авиационного училища. Посулили: «Должность генеральская, через год — генеральские погоны». «И что?» — спросил я. «Отказался — я свое в армии отслужил. И какой из меня генерал? Я же простой пилотяга».

Второй раз дело было на обсуждении в ЦДЛ повести И. Грековой «На испытаниях». Автора, много лет преподававшего в академии Жуковского, после публикации повести сживали со свету тамошние военно-политические начальники. Они были уверены, что как представители доблестных вооруженных сил имеют монопольное право на истолкование жизненных ситуаций, положенных в основу повести И. Грековой, и стало быть без труда поставят разболтавшихся писателей-штафинок по стойке «смирно», заставив признать порочность текста. Защиту правдивой и талантливой вещи от нападков пуровских «ястребов» организовывал Галлай, он, кроме всего прочего, давно знал и уважал автора — Елену Сергеевну Венцель (И. Грекова — псевдоним). Придя в ЦДЛ, я увидел Марка, как говорится, при всех регалиях. И не только он один выглядел столь импозантно: от блеска Золотых Звезд, орденов, лауреатских медалей, погон без просвета резало глаза. Я удивился. Марк с некоторым торжеством объяснил: «Это мне пришло в голову. Я попросил всех участников быть при полном параде. На наших противников такое действует. Мы их звездами задавим». И действительно, задавили. Но пусть у читателя не сложится впечатление, будто Галлаю все в жизни давалось легко и просто. В действительности судьба не во всем была к нему благосклонна. Нет, я имею в виду не те опасности, которые на каждом шагу подстерегают летчика-испытателя. И даже не фронтовые передрыги. Кстати, в июне сорок третьего года во время бомбежки аэродрома немцев в районе Брянска в его «Петлякова» угодили снаряд зенитной артиллерии. Они со штурманом спаслись на парашютах. После многодневных скитаний по оккупированной территории, отстреливаясь от немецких патрулей, вышли к партизанам, а те на «кукурузнике» вывезли их на «большую землю». Возвратившись к себе в часть, Галлай получил уникальную возможность прочитать собственный некролог.

Разумеется, все эти испытания и мирного, и военного времени в порядке вещей — такова профессия, которую он выбрал. Но жизнь уготовила ему испытания не только в небе. И на земле его ломали — в отделах кадров, в парткомах, в начальственных кабинетах. Чтобы выдержать, требовалось порой тоже немалое мужество. Вспоминая те лихие времена, он воскликнул однажды: «Да, это было почище флаттера!» Речь шла о незаслуженных обидах, о как бы предначертанной свыше участи изгоя. В пору борьбы с космополитизмом Галлай и несколько других опытных летчиков-испытателей (евреев и, как пишет Галлай, «полуевреев») уволили с работы. Его, проявив редкое для того времени гражданское мужество, взяла в НИИ № 17 прославленная летчица Валентина Гризодубова. Летал там Галлай на самолетах-лабораториях, стал, как сам шутил, «воздушным извозчиком»; в этом институте испытывали не самолеты, а радиолокационные устройства. Он потом вспоминал: «Кадровики и прочие "борцы с космополитизмом" по своей серости полагали, что сплывили еврея на задворки испытательского дела. Но фактически я оказался на самом пике технического прогресса...» Только после смерти Сталина он получил возможность вернуться к летным испытаниям.

О том, что Галлай еврей, наши власти снова вспомнили, формируя антиссионистский комитет. Марк сразу сообразил, что ему могут «оказать доверие», которого он явно не жаждал. Обсудив ситуацию, мы решили, что он должен попробовать отсидеться: не брать телефонную трубку, ограничить связи с внешним миром. Все-таки его «достали». Договориться с ним было поручено Гинзбургу (имелся такой в советские годы государственный деятель). Тот объяснил, что передает пожелание Старой площади (ЦК КПСС), а в этом случае коммунист обязан подчиниться. Марк понял, что тихо уклониться или, как он любил говорить, «сделать маневр выхода из боя» не удастся. И ответил государственному «вербовщику»: «Пусть с сионизмом борются в Израиле. А нам надо бороться с антисемитизмом. Вот будет такой комитет, я в него вступлю». Неприятности, неизбежно за этим последовавшие, Марк считал вполне заслуженными и отнесся к ним с юмором.

Живший на Украине бывший авиатор, дочке которого Марк помог с глазной операцией, прислал мне ксерокопию большого письма Галлая, написанного в конце 1989 года. Письмо посвящено проблемам антисемитизма и борьбы с ним. Цитатами из него я хотел бы завершить эту тему.

«Излишне говорить, — отвечал своему корреспонденту Галлай, — что все, что Вы пишете о разгуле антисемитизма, давно известно и Вам, и мне, и тем, кто этим возмущается, и тем, кто этому радуется. Раздумывал я, как и Вы, о том, почему этой средневековой нечисти не кладут конец "власти предрешающие"... Отчасти потому, что антисемитизм — надежный, веками испытанный "редукционный клапан", позволяющий стравить справедливое недовольство народа в несправедливом направлении. Поэтому, в частности, я убежден, что уровень антисемитских настроений будет меняться обратно пропорционально уровню накопления продуктов на магазинных полках. На что, правда, надежда пока небольшая...

На Ваш упрек, почему молчит Галлай, ответить могу. Во-первых, не так уж молчит. По поводу положения советских евреев я написал аргументированное письмо Горбачеву. Оно было положено ему на стол и им прочитано. Мне звонили из ЦК и сказали, что адресат с содержанием моего письма согласен и наложил резолюцию: "Присовокупить к материалам по подготовке пленума ЦК по национальному вопросу"... К сожалению, как мы знаем, пленум сосредоточил свое внимание на национальных проблемах, от существования которых кровь уже льется. На этом фоне вопрос об антисемитизме, как говорится, увял на корню.

Выступал я на эту тему и в Московском горкоме партии. Результат был "частный": не рекомендовали (и не выбрали) в секретариат Московской писательской организации поэта Куняева, известного своими антисемитскими настроениями. Как говорится, пустячок, но приятно. Или — правильнее: приятно, но ...пустячок.

А вообще говоря, я считаю, что выступать во весь голос против антисемитизма должны прежде всего не евреи! Потому что водораздел проходит не по национальному признаку, а по признаку порядочности...»

Последняя фраза из письма Галлая очень важна для понимания его взглядов и поведения. При терпимости, широте, деликатности он был человеком твердых правил, ясной и продуманной позиции по принципиальным (в том числе и политическим) вопросам, с которой его нельзя было никакими силами сдвинуть. Он обладал стойкой — на всю жизнь — идиосинкразией к тоталитаризму в любых его видах, даже припудренному и подрумяненному, как в «застойные» времена. Он не скрывал своего резко отрицательного отношения к Сталину и его наследникам. К созданному ими режиму, к пестуемым ими нравам. Никогда не уклонялся от того, чтобы даже в не слишком благоприятно настроенной аудитории сказать, что думает о «лучшем друге советских летчиков» и его приспешниках. Я не раз был тому свидетелем.

Вспоминаю такой эпизод. На писательском съезде во время одного из заседаний появляется Михаил Шолохов. И хотя немалая часть сидящих в зале давно не уважает этого человека, спившегося вёшенского «помещика», занявшего в жизни и литературе самые ретроградные позиции, не уважает даже при том, что он когда-то написал «Тихий Дон» (в чем многие сомневаются), раздаются и нарастают аплодисменты. Грохот кресел — встают, сначала неуверенно, немногие, а потом дружно почти все. Василий Быков, Григорий Бакланов, Марк Галлай и я сидим рядом. Марк произносит тоном, исключаящим какие-либо колебания: «Не встаем, сидим!» Чувствуем себя (во всяком случае, я) не очень уютно. Стыдно признаться, но пришлось сделать над собой усилие, чтобы не подчиниться общему движению; какая-то странная сила, как тяжелая от соли вода в Мертвом море, выталкивает тебя. Это Галлай помог преодолеть ее...

Как-то Марк прислал мне вырезку статьи из «Правды» под названием «Побеждать, повинуйся». Посылая ее от имени придуманного им Бюро вырезок, Марк писал: «Бюро вырезок осведомлено об узкогуманитарном круге Ваших интересов и понимает, что статью выражено скотоводческого направления Вы вряд ли прочитали. И, между прочим, напрасно. В этой статье что-то есть...Разумеется, наше Бюро далеко от того, чтобы проводить надуманные аналогии...»

Воспроизвожу несколько подчеркнутых Марком мест.

«В стаде поведением отдельных особей легче управлять, здесь стираются индивидуальные различия в поведении, животные следуют примеру вожака, соседей... Опытный пастух отлично умеет так

"закрутить" стадо, чтобы в нем не было "передних" и "задних"... Знание естественной реакции становится основой того или иного пастушеского приема. Так появляется возможность "жесткого управления"...»

Читая это, я вспоминал не только овацию Шолохову на писательском съезде...

Говоря о мемуарной литературе — и это непременно надо иметь в виду, — мы нередко отождествляем два типа произведений, у которых есть принципиальные различия. Одни из них, добросовестно воспроизводя ход события, перечисляя участников действия, дальше этого не идут, иных задач перед собой не ставят. Да и требовать от них большего нельзя; в сущности, это свидетельская литература, и ценность ее в воссоздании фактов.

Но существуют другие воспоминания (к ним и относятся книги Галлая), — они обладают свойствами не просто документа, но документально-художественной прозы. Сплошь и рядом в житейском обиходе (а иногда и в критике) литературные достоинства мемуаров сводят к авторскому умению писать легко, живо, выразительно. Сразу же замечу, что книги Галлая хорошо написаны: явственно видишь людей, с которыми автору приходилось иметь дело, самолеты, на которых он летает, видишь землю и небо и с бреющего полета, и из стратосферы. И все-таки суть не в слоге. В воспоминаниях Галлая, безусловно точных, иной угол зрения — человековедческий. Его интересует психология людей, их духовный мир, черты характера, обуславливающие покорство или сопротивление житейским и всяким другим обстоятельствам. Он доказывает, что профессиональные качества человека зависят — пусть и опосредованно — от его представлений о добре и зле, чести и достоинстве, от его гражданского мужества.

Наверное, книги Галлая с особым интересом читают и, уверен, будут читать люди, причастные к авиации и космосу. Трудно представить себе моряка, который не прочитал бы Станюковича или Конрада. Однако у этих писателей неизмеримо больше читателей, никак не связанных с флотом. Думаю, среди них есть и те, кто никогда не ступал на палубу корабля, а может быть, и моря вообще не видел. Книги Галлая тоже читали и будут читать самые разные люди, ибо там — проблемы нравственные, этические, а их так или иначе приходится решать каждому человеку вне зависимости от того, чем он занимается, — строит дома или лечит людей. Другое дело, что профессия летчика-испытателя, связанная с неизбежным риском, со смертельной опасностью, делает эти проблемы предельно острыми и не отвратимыми.

Многие столетия понадобились человечеству, чтобы освоить сушу, моря и океаны, чтобы повозку заменить автомобилем, плот и ладью — пароходом. Покорение воздушной стихии, создание летательных аппаратов заняли всего несколько десятилетий. За короткий срок человечество повторило фантастически ускоренными темпами тот многовековой путь, который проделало на суше и на море. Освоение неба — величайшее событие в истории. Это одним из первых, если не первым, понял Сент-Экзюпери. В «Планете людей» он настойчиво повторяет мысль о том, что с помощью авиации человечество продолжает исследование своего дома — Земли: «Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку ее тайн и добывает всеобщую истину. Так и самолет — орудие, которое прокладывает воздушные пути, приобщает человека к вечным вопросам»; «Самолет — не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг»; «Да, конечно, самолет — машина, но притом какое орудие познания! Это он открыл нам истинное лицо Земли»; «Поначалу казалось — самолет отдаляет человека от природы, но нет, еще повелительнее становятся ее законы».

Галлай решительно отвергал расхожую, по его мнению, «снижительно-объединительную» характеристику Сент-Экзюпери как "писателя-летчика". Он написал о великом французе подробную и очень интересную статью «Ищите меня в том, что я пишу...», где утверждал, что Экзюпери — «большой писатель, по необязательной случайности владевший профессией летчика», что истинным призванием его оставалась литература, да и летчиком он был не Б-г вещь каким (любовь к своему делу заставила Галлая открыть всем эту задевающую поклонников Экзюпери истину). Формула же «писатель-летчик», вернее «летчик-писатель», годится, дескать, для его, Галлая, книг (конечно, это только подразумевалось, так прямо сказать о себе ему не позволяла скромность).

Я и тогда спорил с Марком и сейчас считаю, что эти характеристики не точны. У его книг есть очень важные по смыслу точки соприкосновения с книгами Сент-Экзюпери. Время от времени Галлай дела испытательские, «небесные» сравнивает с вполне «земными». «Нелегко принять решение при подобных обстоятельствах. Собственной рукой выключить здоровый, работоспособный, ровно гудящий мотор. В этом есть что-то противоестественное. Что-то похожее на действия врача, который, осмотрев, казалось бы, совершенно здорового, цветущего, ни на что не жалующегося человека, решительно укладывает его на операционный стол. Укладывает, не скрывая, что операция может окончиться трагически, но если отказаться от нее, вероятность трагического исхода будет еще больше». Видимо, адресуясь к широкому

читателю, Галлай хотел сделать понятнее и ближе ему свой уникальный опыт летчика-испытателя. Но было тут и нечто более важное, более глубокое. Галлай исходил из того, что этические нормы, нормы нравственные существуют вне профессий. И именно здесь он перекликается с Сент-Экзюпери, полагающим, что при освоении воздушного океана перед летчиком встают вечные вопросы бытия и всечеловеческие проблемы. Правда, Сент-Экзюпери шел от философских размышлений о судьбе рода человеческого. Иным путем — отталкиваясь от летной практики, больно ушибаясь об острые углы внезапно возникающих препятствий, с трудом нащупывая верные решения, двигался Галлай: «Мне понадобилось, — признавался он, — несколько лет, чтобы сформировать представление о летной этике как совокупности каких-то моральных норм, связанных с конкретными профессиональными обстоятельствами нашей работы. Не меньше времени потребовалось и для того, чтобы, вновь вернувшись от частного к общему, понять общечеловеческий характер так называемой (теперь говорю: так называемой) летной этики».

Первые три книги Галлая — «Через невидимые барьеры», «Испытано в небе», «Первый бой мы выиграли» — увидели свет в «Новом мире» Твардовского, самом лучшем нашем журнале той поры. Рукопись первой принес Твардовскому восхищенный прочитанным Эммануил Казакевич. Главный редактор журнала тоже высоко оценил рукопись и даже спросил у Казакевича: «Кто ему пишет?» Странный этот вопрос возник у Твардовского не случайно: тогда широкое распространение получила так называемая «литературная запись». Воспоминания «бывалых людей» (по преимуществу военачальников Великой Отечественной) писали профессиональные, даже талантливые литераторы — для заработка. Твардовский и решил, что воспоминания известного летчика написал за него какой-то одаренный прозаик.

Публикация в «Новом мире» тех лет была для читателей сертификатом правды и высокого качества, но для идеологических служб и, конечно, для сверхбдительного ГлавПУРа тотчас становилась признаком политической неблагонадежности автора. Галлая решено было подвергнуть экзекуции. Мы были в Малеевке, когда в «Авиации и космонавтике» появилось «проработочное» письмо, подписанное четырьмя генералами. Они обвиняли автора воспоминаний «Первый бой мы выиграли» в «искажении фактов», «очернительстве», «дегероизации» и прочих тяжких идейных грехах («где откопал М. Галлай?..», «сомнительные обобщения», «кощунственно звучат слова», «огульно приписывает» — такого там было хоть отбавляй). Впрочем, пусть удар наносился вроде бы только по Галлаю, целились и в печатавший его крамольный «Новый мир». Главлит и соответствующие отделы ЦК КПСС пресекли попытку журнала ответить на клеветническое генеральское письмо.

Я хорошо помню реакцию Марка: он был обескуражен, оскорблен. Ничего странного: работа летчика-испытателя требовала скрупулезной точности в отчетах, «приписки», малейшие отклонения от истины здесь были не только нетерпимы, но опасны, чреватые катастрофами. Марк считал естественным,

что его послеполетные доклады сомнению не подвергались, ему не могли не верить; иначе какой смысл был в его тяжелой, рискованной работе? А в литературном котле он еще недостаточно поварился, и ему казалось диким то, что тогда было в порядке вещей: белое объявлялось черным, правду именовали ложью и клеветой. Оттого его и поразило так генеральское сочинение, где отрицались факты очевидные, даже фигурировавшие в документах сорок первого года, подписанных некоторыми из авторов письма.

Приобретя горький опыт человека, пишущего правду и потому находящегося под постоянным подозрением у идеологических служб (точнее, наверное, сказать — спецслужб), Марк понемногу удивляться перестал. В борениях с редакторами и цензорами стойко стоял на своем, отбивался как мог, но уже относился к этим «играм» со свойственной ему иронией.

Письмо генералов сделало свое черное дело. «Первый бой...» вышел в книжном издании только через семь лет, в 1973 году, в сборнике «Третье измерение». Но и это еще не все. Когда в 1990 году издали двухтомник Галлая и одна за другой шли читательские конференции (я как автор предисловия в некоторых принимал участие), Марк прислал мне записку: «Обсуждения продолжаются. В пятницу таковое состоялось в военно-историческом об-ве при ЦДСА. И вот тут-то я пожалел, что тебя не было — ты сильно развлекся бы! Бдительные военные историки нашли письмо "4-х генералов" и доказывали, что генералы были совершенно правы. Время прошло мимо них...»

Впрочем, благодаря подлому письму военачальников произошла одна, по-человечески очень славная история. В журнал «Вопросы литературы», где я работал, позвонили из иностранной комиссии Союза писателей и попросили принять у нас в редакции их гостя — румынского писателя. Живой, открытый, он располагал к себе с первой же минуты. Южная пылкость естественно сочеталась в нем с почти детским простодушием. Как и полагается воспитанным хозяевам, мы спросили о его планах, предложили

помощь. Он, робея и смущаясь, попросил, если возможно, познакомить его с Марком Галлаем. То была его заветная мечта — встретиться с великим летчиком и замечательным писателем. Он прочитал его записки. После повестей Сент-Экзюпери не было книги, которая бы так много значила для него, тоже бывшего летчика. Я сказал ему, что если Галлай сейчас в Москве, нам не составит большого труда организовать встречу. Он расчувствовался и стал с жаром объяснять, что не праздное любопытство заставляет его просить о свидании, у него, мол, к Галлаю дело деликатного свойства.

То, что он рассказал, признаюсь, меня поразило. Он слышал, что у Галлая серьезные неприятности (как выяснилось, до него дошли слухи о письме генералов). А он понимал, поскольку в Румынии была та же практика, что и у «старшего брата», какие после подобного выступления следуют «оргвыводы»: произведения писателя не переиздают, новые вещи не печатают. А на что жить? Недавно на русский язык перевели его книгу, он должен получить гонорар. Перед отъездом в Москву они с женой решили, что этот гонорар он не будет тратить, пока не выяснит, не нуждается ли в деньгах Галлай. Если нуждается, он отдаст ему все, что заработал. Не такая уж частая форма читательской благодарности!

Восторженные поклонники книг Галлая не обманывались: между образом их автора и человеком, которого я близко знал столько лет, не существовало даже микроскопического зазора. Он был замечательным человеком. По самому строгому счету. Наверное, это — не только его авиаторские достижения — имел в виду Константин Симонов (они — молодой поэт и начинающий летчик-испытатель — познакомились в довоенную пору и на всю жизнь сохранили дружеские отношения), когда в день шестидесятилетия Марка Галлая писал ему: «В широком понятии "наше поколение", или точнее — "наше поколение советской интеллигенции", ты для меня одно из самых конкретных человеческих выражений этого понятия. Когда я думаю о таких людях, как ты, я горжусь нашим поколением нашей советской интеллигенции». Вспоминая Марка, еще один его друг, Эльдар Рязанов, сказал, что, если бы нужно было создать эталонную единицу абсолютной порядочности, ее надо было бы назвать «галлай».

На том человеческом небосклоне, который был в поле моего зрения, Галлай всегда оставался одной из самых крупных и ярких звезд. Светил многим. Немало лет этот свет озарял и мою жизнь.

Есть, наверное, высшая справедливость в том, что где-то в немислимо-бесконечной небесной дали плавают малая планета, носящая его имя.

Закончить свои заметки я хочу строками поэта; они, наверное, лучше всего передадут то чувство, с которым я думаю о своем друге.

Ñààò ìíáàñòáé çàçàù àùá òùñý:ó èáò

È í àì àíòíàèò. Á ÷òí áé, çàçàá

àí èþááé ?

Òù àíáðáé áùè áá, è òáíèáé, è ñáòèéáé,

Àà è ññé íáááèèé — òùùó èáò ì íá

íá æèòü

Íá ì íé ááé òáñý ùáòèèò — ì íá

íí äðæáá ñáòèèòü

*Āīṣāḏāṭāāī tīy ē Ī Ā īāīā:āōāīīīī ō- īōāā:āāī īā īēīīī ī, ēīōīōīā īī īōīīīā :ēōāōāy,
īā īōāēēēōōōīīy.*

×ĀÑŌÍ ŪÌ Ī ĪḐĀĒĪĪ

Ī ēīōāīĒtō

Здравствуйте, уважаемый г-н АБ! Не сердитесь.

Когда евреи лаялись, мой дедушка перелагал главу из Талмуда. Притчу про Камцу и Бар-Камцу. Как раздоры привели к разрушению Храма.

Я же расскажу байку менее древнюю.

ОБА-ДВА

Петр Семенович Коган — литературовед, будущий вроде советский академик. Юлий Исаевич Айхенвальд — литературный критик, будущий эмигрант, задавленный берлинским трамваем... И незадолго до революции схлестнулись на каком-то диспуте.

А разнимал их молодой М (Маяковский).

— Вот этот Коган, — и указал на Петра Семеновича, — говорит... А этот Коган, — кивнул на Юлия Исаевича, — утверждает...

Аудитория захлебнулась от хохота.

Так что же? Не будем смешить людей?..

Наоборот, будем!

УЛЫБНИТЕСЬ, ЕВРЕИ!

Местный классик внятно нам сообщает: *смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно.*

Обратите маленькое внимание: *кажется*. То есть *представляется* смешным, даже *не являясь* таковым по сути. *Кажется*... и, пожалуйста, смейтесь себе на здоровье. Ибо улыбка, если угодно, есть высшая ценность. И высшая мудрость.

Допустим, один Коган (Камца) неудачно сострил, а другой Коган (Бар-Камца) его обличает: *искажил образ*...

Как? Порядочный, интеллигентный, образованный человек — и столь сокрушительная лексика! И где, извините, поднабрался? Не иначе, блин, на партсобрании...

Ишь, какие знает речи!

Из каких

Политбесед!

УЛЫБНИТЕСЬ, ЕВРЕИ!

Никому не дано *исказить образ*. Тем более — образ писателя. Он ведь — писатель — оставил книги. Читайте классиков, и никакие басни про Пушкин-кина & Лермон-товича (*и Вильяма нашего Шекспира*) не исказят образ. Только, как ни странно, дополнят.

Такой-то не мог сказать *так-то*, потому что знал *то-то*. А как насчет пошутить? Согласно местной традиции *ради красного словца не пожалю родного отца*. А мы, евреи, едва ли не единственные на свете, кто утешается анекдотами про, извините, родимую маму.

Припомнили?.. Улыбайтесь!

À ŷ î ò é ð ï ð ç à à ò í ó þ é í è æ á : é ó ì í ã ï ã ã ã :

È ñ è ï è ï è ï æ è ç ï ï è ó ï ð ï ì à

Ì á ï ï ó á : à ì ì à è ï , — í á à à ò ï

È ó Ì î ò ý è á

Á ï è à ì à ì à

Á à ð æ ï è á ŷ ñ ò à ð á ŷ ì à ò ï

È à è ó à ï ï , è ï í á : í ì , è þ á è ì à

(ŷ : ŷ : ŷ .. í á ÷ ò ï ì í á ã ã ã ð ÷ ò !)

Ì í à ò ï ð ï è ï

Á à ð è è à ò è ì à ï

È ò ï ð ï è ï

Þ ï æ à è à ð á á ŷ ò .

Ò ð à ï ì ñ è à ç à ò ï ì ð ï ñ ò .

À ñ ò ÷ ò ñ ò ñ è ò

Ó ð ò à :

Á ï ã ã ..

Á à à ..

Ì í ã ñ ì à ..

È Ì î ò ý è á ñ ò æ

Ñ è ð ï ò à

« Ò à è : ò ì æ á ?

Ì ð è à æ à ò á ì è à è à ò ï ! »

Ó È Û Á Í È Ò Æ Ñ Û , Á Á Þ Á È !

А поскольку среди населения Останкина было и довольно много евреев, то в книге содержится и несколько рассказов, посвященных еврейской жизни.

Большой интерес представляет, в частности, рассказ «Исчезание». В нем описана жизнь большой еврейской семьи, ее жизнь после смерти отца, являющегося практически последней связующей нитью со старым еврейским бытом, иудаизмом и вообще с еврейством.

Книга читается буквально на одном дыхании. И, уверен, она будет интересна всем поклонникам творчества А. Эпеля, а также людям, интересующимся городской прозой.

אַאָדאַנען עײַעאַײַזאָ

ײַ אָדעײַ באַײַז

עײַזאָ

«אַאָדאַנען עײַעאַײַזאָ».

ײַ - עאַדאַנען : «ײַ ײַזאָ עײַזאָ / אַאָדאַנען».

2002. — 1 1. — 104ײַ

Книги и книжность играют первостепенную роль как для еврейского самовосприятия, так и для взаимодействия евреев с иными народами и цивилизациями. Ведь именно книги лежат в самой основе еврейского бытия. Огромная еврейская община, возникшая за последнее десятилетие буквально из ниоткуда в России и за рубежом, не является исключением из этого правила.

Свидетельство тому — множество выходящих в разных странах мира «еврейских» книг на различные темы. Формирующаяся русско-еврейская культура и литература — значительное общественное явление, интересное далеко не только евреям. Однако оно и до настоящего времени малознакомо широким слоям читающей публики. Этот пробел старается заполнить появившийся журнал «Еврейский книгоноша».

Само его название заставляет вспомнить о легендарных «мойхер-сфоримах» — книгоношах. Это были не просто про-

давцы книг, но и подлинные носители культуры в провинциальной еврейской среде минувших веков. Похоже, что в советскую эпоху всеобщей унификации подобный персонаж больше не потребуется. Но, как оказалось, «мойхер-сфори-ма» поторопились похоронить и забыть. В наше время вновь возникла нужда в подобном книгоноше, несущем с собой сокровища еврейской культуры. Таковым и должен явиться новый журнал, интересно оформленный и богатый по содержанию.

В разделе «Книга. История. Память.» читатель может найти материал, посвященный воспоминаниям Аллы Зускиной-Перельман о своем отце, гениальном актере Вениамине Зускине «Путешествия Вениамина».

В разделе «Неразрезанные страницы» писатель и искусствовед Григорий Казовский рассказывает о персонажах своей новой книги «Художники Культур-лиги». Читатели с удивлением узнают о существовавшем в 1918 — 1924 годы уникальном объединении еврейских художников, писателей, поэтов, актеров, ставивших своей целью развитие еврейской культуры на идише в рамках всемирной культуры. Задача книги Г. Казовского — среди прочего напомнить о том, что немало выдающихся художников-авангардистов выражали свою «еврейскость» во многих значительных произведениях, чего в советскую эпоху просто не хотели замечать.

Рядом — рецензия на монументальный труд французской исследовательницы Колетт Сират, посвященный истории еврейской философии от Филона Александрийского и до конца XV века. Исследование это впервые выходит в свет на русском языке.

В разделе «Под журнальной обложкой» читатель найдет рассказы о двух литературных журналах, выходящих в Израиле на русском языке. Это — «Солнечное сплетение» и «Двоеочие». Достаточно краткие, но насыщенные информацией статьи раскрывают нам богатство русскоязычной литературы в Израиле.

Ответственный секретарь журнала «Еврейский книгоноша», известный филолог Леонид Кацис рецензирует «еврейские» выпуски журналов «Родина», «Нева» и «Континент». Общий вывод рецензента неутешителен. Так, по его мнению, в «Родине» серьезные статьи оказались окруженными текстами,

делающими «даже вполне позитивную информацию сомнительной и двусмысленной». И в «Континенте» собранные с бора по сосенке материалы вполне могут стать учебным пособием в центре по катехизации. А в «Неве» большинство материалов «вполне соответствуют среднерусской израильской прозе и поэзии, создаваемой бывшими гражданами СССР»: они мало отличаются от того, что пишут сверстники этих авторов в России.

Александр Люсый подвергает подобной же критике альманах «Диалог», чьи диалогические пары, по мнению автора рецензии, не всегда правильно подобраны. Но заканчивается рецензия Люсого на оптимистической ноте: «диалог жив своей открытостью, а это качество альманаха бесспорно».

Раздел «Русское слово на земле Израиля» будет без сомнения интересен всем, кто интересуется историей культуры и литературы, причем не только еврейской. Статья В.Ха-зана позволяет с неожиданной стороны взглянуть на жизнь и деятельность семьи Прегель, внесшей громадный вклад в культурную жизнь русской эмиграции. А материал Ю. Ле-винга «Набоков, который рядом» рассказывает о «еврейских связях» знаменитого писателя и о планировавшемся визите его в Иерусалим, сорвавшемся из-за смерти друга, С. Розова, о произраильских симпатиях Набокова и т.д.

Значительное место в журнале занимают библиографические обзоры. Из них читатель может узнать как о произведениях крупных израильских прозаиков — А.Б. Иегошуа, И. Нетаниягу и других, изданных в русском переводе ассоциацией «Мосты культуры/Гешарим», так и о новинках литературы на иврите. А раздел «Ретроспективно-аналитическая библиография» охватывает практически всю литературу на русском языке, посвященную «еврейскому вопросу», изданную за последние два года. Почти каждый пункт ее сопровождается кратким библиографическим обзором.

На пользователей Интернета рассчитан последний раздел «Еврейского книгоноши». Это Интернет-обзоры, в данном случае посвященные новинкам в виртуальном книжном магазине www.seferisrael.co.il

переоценить, — можно обнаружить самого себя, собственные чувства и мысли, надежды, которые питает человек, и препятствия, с которыми он сталкивается».

Еще одной страстью Райха-Раницкого был театр. Он в 30-е годы не пропускал ни одного спектакля в Берлинском государственном театре, где блистали Кэте Гольд и Густав Грюндгенс. Последний, как известно, стал прототипом героя романа Клауса Манна «Мефистофель» — провидца Ген-дрика Хёфгена. Постановки «Гамлета» и «Фауста» в период зарождения национал-социализма воспринимались как лю-бимовские спектакли «Театра на Таганке» в 60 — 70-е годы. Реплики актеров — «век расшатался» и «Дания — тюрьма» приобретали для зрителей особый смысл.

В 1958 году, после исключения из партии как «идеологически чуждого элемента», Райх-Раницкий перебрался в Западную Германию. В главах об этих перипетиях судьбы — и нескрываемое злорадство, и гордость за собственные успехи, и обида на несправедливое отношение. Он проработал много лет в газете «Цайт», но ни разу не был приглашен на редакционное собрание. И только получив постоянное место в еженедельной газете, а затем и на телевидении, смог удовлетворить свои амбиции в полной мере.

На первой странице книги Райх-Раницкий заявляет: «Я наполовину поляк, наполовину немец и на все сто процентов еврей». Видимо, это внутреннее противоречие и мешало ему в жизни, и заставляло добиваться успеха. В главах, посвященных жизни и работе в Германии, — штрихи к портретам многих немецких писателей — и таких крупных, как Макс Фриш, Томас Манн, и таких, кто входил в диссидентствующую «Группу-47», объединившую тех, кто прошел войну. При всех стилистических различиях их объединяла тяга к исповеди, документализму, недоверие к литературе вымысла. Среди наиболее известных были В.Х. Рихтер, Г. Бёлль, позднее Г. Грасс, о которых упоминается в мемуарах Марселя Райха-Раницкого. Сам он в это объединение входил недолго.

С именем Райха-Раницкого связан недавний скандал, балансирующий на грани литературы и политики. Мартин Вальзер, классик немецкой литературы, написал сатирический роман «Смерть критика», где под именем Кратко-Кра-ля вывел Райха-Раницкого. Рукопись Вальзер направил в редакцию крупной общегерманской газеты «Франкфуртер Альгемайне». В романе говорится об убийстве критика-еврея, а сам текст, названный соиздателем газеты Франком Ширрмахером «документом ненависти» полон, по его мнению, антисемитских высказываний. Эта книга — пожалуй, лишь одно звено в цепи антисемитских тенденций, охвативших Европу в последние пять-шесть лет.

Но одно биографическое обстоятельство все-таки нужно принять во внимание каждому, кто пристально читает Сэлинджера: наполовину он еврей. Это, если верить книге его дочери, никак не сказалось на той атмосфере, в которой рос Сэлинджер. Но зато читатель сразу распознает в его книгах человека, для которого окружающий американский мир с его типичными ценностями и жизненными установками так и не сумел сделаться вполне своим. Все его персонажи в том или ином отношении маргиналы, чужаки, искатели идеалов, которые не только неосуществимы, но просто непонятны людям, приученным считаться лишь с реальным порядком вещей и даже не задумываться над тем, возможна ли иная ориентация. Иная — это та, когда духовные обретения оказываются бесконечно важнее житейского благополучия. И герой знаменитой повести Холден Колфилд, и персонажи рассказов, и Глассы — все они имеют нечто общее с таким характерным для еврейской культуры типом бескорыстного мечтателя, который в глазах здравомыслящих людей выглядит существом странным, болезненным, может быть, даже невменяемым, но упрямо следует своей особенной логике поведения, не подчиняясь общепринятым стандартам, хотя это чаще всего делает его беспомощным перед лицом реальных повседневных забот.

Героев Сэлинджера часто называли бунтарями, отвергающими бездуховность и конформизм, но такая формулировка все-таки очень расплывчата. Может, точнее было бы сказать, что это люди, органически неспособные укорениться в окружающей их среде. Вечно ею травмируемые, они обостренно реагируют на каждую мелочь, которая напоминает, как прозаично и примитивно устроена жизнь, и оттого кажутся остальным не совсем нормальными. Спасти очутившихся у края пропасти им, конечно, не дано, да и сами они все время оказываются в безвыходных ситуациях и порою, как Симор Глазе, единственное для себя решение находят в самоубийстве без видимых поводов. Но переделать собственную натуру они не в состоянии и блуждают по жизни с единственной надеждой отыскать такую же неприкаянную, такую же ранимую и несчастную душу.

Тут можно было бы вспомнить многие схожие судьбы, которые воссозданы другими писателями и, в частности, еврейскими — например, Исааком Башевисом-Зингером. Этим несколько не умаляется оригинальность Сэлинджера. У него своя, неповторимая интонация, она и сообщила такой мощи резонанс его прозе, увековечившей свое время и некое необычное сознание. Одну из своих лучших новелл он назвал «Грустный мотив», и, пожалуй, под этим заглавием можно было бы объединить все, им написанное. Тональность его книг бывает разной: подчас мягкой, ироничной, подчас вызывающей боль, — но печаль чувствуется в них неизменно.

Может быть, те смутные цели, которых пробуют достичь люди, населяющие художественный мир Сэлинджера, кому-то покажутся просто странностями неуравновешенной подростковой психики. Но в своих порывах его трогательные и смешные герои всегда предельно искренни, а конфликт, который завязывается с обществом, на поверку очень серьезен, потому что речь идет о нежелании жить как все. О бегстве от обезличенности, о попытке спасти свою уникальную человеческую сущность, жертвуя для этого прочностью налаженного бытия, позволяющей ощутить себя хоть отчасти защищенным среди бедствий и тревог. Конечно, этот конфликт заранее проигран героями Сэлинджера — оттого и печальны даже его самые светлые, самые поэтичные рассказы. Но воссозданная в них ситуация, внешне меняясь, по существу остается все такой же неизбежной и такой же мучительной для новых и новых поколений. И книги Сэлинджера все так же провоцируют самый заинтересованный отклик, хотя мир, кажется, стал совсем другим за полвека после появления первой и лучшей из них — «Над пропастью во ржи».

Сэлинджер ничего не публикует, никак не напоминает о своем присутствии в литературе, но это присутствие продолжает чувствоваться и сегодня. Дело не только в том, что у писателя повсюду, не исключая России, появилось множество имитаторов, и не в знаках официального признания, когда его рассказы включают в школьные хрестоматии, а любая новость о нем немедленно попадает на первые полосы газет. Самое главное все-таки в проверенной временем способности Сэлинджера быть для нынешних читателей таким же необходимым, как и для тех, кто прочел его полвека назад. Можно дублировать его стиль, можно воспроизвести отличающие его приемы повествования, даже создать видимость абсолютного соответствия его интонации. Но встреча с художественным открытием, которое принадлежит Сэлинджеру, все-таки никогда не позволит принять это открытие за чье-то еще.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Ой Ой-Етмо Ааи

Отец привез мне с ярмарки новый молитвенник. Страницы белые, красивые буквы радуют глаз, переплет восхитительный. Братья и друзья мои, семья святое^[1], любимые мои, это - мой молитвенник! Целый день я не расставался с ним, все листал его и листал. Сколько же молитв в небольшой книжке! Субботные и будничные молитвы, молитвы новолуния, Трех восхождений, Начала года и Дня искупления, ханукальные молитвы и молитвы Пурима. Владыка Вселенной, да будет благословен Он во веки веков, уместил в моем молитвеннике чуть не все дни года. Взволнованный, сидел я со своим молитвенником в руках. Любая страница осеняла меня благодатью. Субботы и дни праздников дарили мне свой благоуханный аромат, и каждое мгновение озарялось новым светом. Я чувствовал себя, как человек, вступивший в сад, где полным-полно сладостных плодов. Он срывает плод и ест его, берет в руки и ест, - так и я, взяв свой молитвенник, читаю его.

Что же я читаю? Про ритуал возжигания ханукального светильника. Почему? Да потому что описание этого ритуала попало мне раньше остального. И сразу все буквы молитвенника засияли, словно ханукальные огни, и каждая страница запела: «Твердыня, оплот спасения нашего!...»^[2] И вот уже отец достает из кармана кожаный кошелек и одаряет нас ханукаль-ными монетами, печь в доме пылает, веет запахом латкес^[3], мы идем и садимся за стол. Мы сидим и приходят люди с зажженными фонарями в руках, бороды их в снегу, они стряхивают с себя снег и произносят: «Благословенны пребывающие!» А мы в ответ: «Благословенны входящие!» Они рады подаркам, которые преподносит им отец, и, уходя, говорят: «Да узрим мы в предстоящем году, вместе со всем народом Израиля, братьями нашими, обновление Священного Храма! Омейн!»

Едва они покидают дом, является несколько моих товарищей. Они пришли, чтобы поиграть в юлу, в карты, именуемые «квитлех»^[4], - надписи на них сделаны на святом языке, - и во всякие другие игры, в которые играют на Хануку.

Поверьте, и по сей день я ощущаю во рту вкус ханукальных латкес моего детства... Но вот я уже слышу, как «побивают» Омана. Однако позвольте, возможно ли это? На той же странице в молитвеннике расположились молитвы праздника Пурим. Властелин мира! Сколько дней, сколько недель, сколько еженедельных чтений Торы отделяют Хануку от Пурима! А составитель этого молитвенника свел воедино Пурим и Хануку! Другой на моем месте возмутился бы еще и тем, что он упустил день 15-го швата (Ту би-шват), когда празднуют новогодье деревьев и едят плоды, какими славится Земля Израиля. А я не возмущаюсь - я знаю, что только из любви к детям он не упомянул пятнадцатое швата: ведь в этот день нас не освобождают от занятий в хедере.

Вернемся к Пуриму. Что я могу рассказать вам о Пуриме такого, чего вы не знаете? Радость порождает радость. Одно доброе деяние, заповеданное нам, влечет за собой другое. «Побивают» Омана и насмеются над злодеями, едят, пьют, веселятся, посылают подарки друг другу, одаряют и нищих, ублажают душу всяческими сладостями, с великим искусством изготовленными из сахара. Ряженые приходят, уходят, потом возникают снова: один - чернокожий, другой - турок; этот изображает медведя, тот - обезьяну. Даже люди, что круглый год надуты и угрюмы, в этот день веселятся.

Огромна радость Пурима, но длится она лишь один день. Почему? Судите сами. Десять сыновей было у злодея Омана, и всех повесили с ним заодно. Оман удостоился чести: благодаря ему одним праздником у нас стало больше; сыновья же не удостоились ничего. Ведь рядом с ним они были совсем ничтожны. Вот я и говорю: Оман, по мнению которого Израиль стоил того, чтобы отдать в казну десять тысяч талантов лишь бы его уничтожить (упаси Б-г), заслужил свое: из-за него евреям был дарован лишний праздник. Сыновья же Омана, в чьих глазах Израиль ничего не стоил, сами не стоят ничего, и потому лишь вкупе со своим отцом «включены», так сказать, в нашу однодневную радость. Да, велик Пурим, но непродолжительно само празднование. Зато в противовес ему дал нам Святой Творец, благословен пусть Он будет, праздник Пейсах, длящийся восемь дней. И каждый его день длиннее и жарче предыдущего.

Небосвод освещен ярким, греющим душу солнцем, черная земля проглядывает сквозь снег. Мир обновляется, хорошеет город, дом наш сверкает чистотой, до блеска начищена кухонная утварь, аромат карпаса и горьких трав наполняет комнаты.

На отце белый шелковый халат, и черное одеяние виднеется из-под него, как земля из-под снега. Всякий раз, когда я вижу его облаченным в белое, он кажется мне похожим на ангела, стоящего перед Всевышним и возносящего ему хвалы. За столом против отца сидит мать, на голове ее шелковый платок. Между ними - мои братья и сестры, одетые во все новое, обутые в новые башмаки. На мальчиках и шапки новые, а волосы девочек, только что вымытые в честь праздника, пахнут свежей родниковой водой.

Освящая вино, отец, возглашает: «...Всевышний, Который избрал нас из всех народов, возвысил над всеми языками»... И мир в ту же секунду возносится куда-то ввысь, а мы возносимся над миром. Я изумлен, я поражен. От единого речения из уст отца совершилось такое чудо! Мы взываем над всей землей. Отец продолжает: «...Всевышний, Который дал нам дожить...» И мной овладевает уверенность, что не только нас довел благословенный Г-сподь до этого часа, но и само время...

Что делает отец между первым бокалом и чтением Агоды? Совершает омовение рук, обмакивает карпас в соленой воде, ест сам и дает есть домочадцам. Потом берет мацу и, разломив пополам, одну половину кладет под скатерть для афи-комана... Поднимает блюдо с мацой и громко произносит: «Вот скудный хлеб...» Что заставило отца, речь которого дышит покоем и отрадой, вдруг возвысить голос? В мире столько нищих, которым нечего есть. Потому и повысил он голос, говоря: «...Каждый, кто в нужде, пусть придет и ест», - чтобы услышали они, пришли и вкусили от нашей трапезы.

Много трудных вопросов на свете, один труднее другого. Сколько усилий потратили мудрецы, ища и не находя ответов. Да и у меня у самого припасено было немало трудных вопросов. Например, почему буква «юд» меньше всех остальных букв? Или по какой причине в утренней молитве грозных дней, в благословении «Созидающий свет...» слово «царь» написано большими буквами?

Однако в тот час я не задавал никому никаких вопросов, кроме тех четырех, положенных по ритуалу. И отец отвечал мне словами Пасхальной Агоды. Он пропел их, это пение начинается печально, зато кончается радостно: «Рабами были мы у фараона в Египте, и вывел нас Г-сподь Б-г наш оттуда»...

Братья и друзья мои, семья святое, любимые мои! Как много слилось в тех словах - такого, о чем подобает рассказывать с радостью, и такого, о чем, по правде говоря, рассказывать стыдно. Вспомним, к примеру, вопрос нечестивца, одного из четырех братьев^[5], или что «вначале идолопоклонниками были предки наши». Или то, что замышлял Лаван-арамеец против Яакова, праотца нашего. От вас требуется всего лишь раскрыть мой молитвенник, и вся Агода откроется вам, весь ритуал пасхальной ночи - от «Освяти» и «Омой» и до песенки «Хад гадыя», что по-арамейски значит «Один козленок». До чего мелодичен ее напев! Жаль, ангелам не знаком арамейский язык^[6]

Прекрасны долгие пасхальные ночи. Весь мир напоен тонкими запахами. Приятно пахнут даже соломенные шляпы. А у меламедов - учителей - руки ласковы, язык нежен^[7] Завидят своего питомца - и сразу же гладить по щекам, чтобы покорить его сердце и чтобы тот продолжал учиться на прежнем месте, у прежнего наставника.

Праздник Пейсах миновал, но солнце радости сияет и греет все сильнее. Небосвод облачен в талис цвета небывалой лазури, и цицис - кисти - тянутся вниз от его краев. Окна распахнуты, птицы щебечут и поют. Дни все длиннее, а ночи темные и сладостно-покойные. Стоит проголодаться - и мать уже протягивает мне ломоть хлеба с маслом, дух от него точно дух летнего поля, не то, что зимой, когда привыкаешь к гусиному жиру, - а ведь от него тяжелеет сердце и тучнеет тело. И я свободен от зимних одежд, и легко мне на этом свете.

Замечательно время между праздниками Пейсах и Швуэс, но особым очарованием исполнены в этом промежутке субботы. Солнце отражается в каплях росы на горах, утренний город безмолвствует. В Большой синагоге звучат приуроченные к этим субботам песнопения - в них Пресвятой, благословенно будь Его имя, называет Свой народ именами любви: «Пленница угнетенная, народ Мой, драгоценность Моя»^[8] ...

Дни - все - пронизаны истинной любовью и милосердием. Мы сидим в хедере, изучаем ритуал храмовых жертвоприношений, законы седьмого и пятидесятого годов. И так же, как мы, только в небесном собрании, сидят двадцать четыре тысячи учеников рабби Акивы, которые умерли во дни, отделяющие Пейсах от Швуэс.

И когда Всевышний, помяная сыновей Своих, отдавших жизнь за Тору, плачет, орошая землю слезами, хорошеют сады, покрываясь цветами, по-новому зеленеет лес. На тридцать третий день от начала

праздника Пейсах^[9] вместе со своими учителями приходят в лес дети. В руках у каждого лук и стрелы. Они стреляют в сатану - тот все еще стоит между небом и землей. Дождем сыплются стрелы, пока тело врага человеческого не превращается в решето. А решето ничего не удержит. Теперь дьявол уже не может остановить поток благодати, изливаемой на мир за великое деяние Израиля, принявшего Тору.

Братья и друзья мои, святое семя, любимые мои! Знаю я, что душа каждого из вас пребывала у Синая^[10] в час откровения. И когда что-то дурное в душе побуждает вас согрешить (упаси Б-г), вы вспоминаете те давние громы и молнии и немедля раскаиваетесь в нехороших намерениях. Доведись вам побывать в нашей синагоге, вы увидели бы живое подобие стояния народа пред Синаем вместе с Моше и уже всю свою последующую жизнь придерживались бы заповедей

Г-сподних и творили только добрые дела.

Невелика наша синагога и невзрачна, и открыта всем ветрам - окна разбиты, облупились стены. Но в праздник Швуэс она оживает, словно весенний лес, - на потолке натянуты нити, образующие звезду Давида, и свисают сверху пахучие зеленые ветви. На окнах наклеены вырезанные из разноцветной бумаги цветы, птицы и звери. Клянусь, даже ангел лесов не видел ничего подобного!

Великолепнее всего ковчег Торы в обрамлении свежесрубленных деревьев. Потянет ветерком - и листья на деревьях приходят в движение, и вам кажется, будто деревья дрожат от стужи. Но это не так. Это они шепчут: «Хоть мы и не удостоились, чтобы из нас сделали священный ковчег для свитков Торы, все же нам дано будет согреть своим огнем избранников, познающих Тору». Красотой убранства выделяется молитвенное возвышение; оттуда раздается напев редкой красоты -это кантор перед началом б-гослужения возглашает «Пиют а-кдомойс»^[11]: народы мира спрашивают сынов Израиля, что побудило их принять на себя бремя Торы и заповедей, и сыны Израиля отвечают им.

Вы полагаете, я забыл о девятом дне месяца ав? Нет, не забыл. Более того -траур по разрушенному Храму я ставлю выше той радости, которая обитает в моем молитвеннике. Вы думаете, будто я мог забыть о Начале года, Дне искупления, празднике Кушей или о празднике Симхас Тойра? Я не забыл конечно, но день короткий, а дел много^[12]. И до многого в моем прекрасном молитвеннике я в тот раз не успел добраться: вечером начиналась суббота, и надо было к ней подготовиться.

Все, что предусмотрел составитель молитвенника, он сделал словно специально для меня. Но все же есть там и нечто, в чем я не нуждаюсь. Например, порядок утреннего омовения рук, благословение кистей видения^[13], молитва «Шма» и освящение субботы - все это я знаю наизусть. Либо составитель молитвенника перепутал меня с моим младшим братом, либо закончил работу за год-два до того, как я подрос. Но он достоин похвалы за то, что рядом с утренними благословениями поместил описание ритуала возложения тфилин. Пока что я не достиг совершеннолетия и не обязан исполнять эту заповедь, но уже сейчас на голове и на левой руке -там, куда возлагаются тфилин, - я ощущаю щекотку, вызываемую их прикосновением.

В какое еще место заглянуть? Так много всего на свете, вот я и не ведаю, что отыскать сначала, а что - погоды. Помешкал я и решил довериться молитвеннику: раскрыл его там, где он сам раскрылся, и глазам моим предстали законы эйрува - перемещения предметов в субботу и в праздники. В то же мгновение побежала предо мной дорога, а вдоль нее - столбы, между которыми натянуты веревки^[14], и на веревке - птица. Не успел я разглядеть ее, как она расправила крылья, вспорхнула и унеслась туда, где нет веревоч...

Владыка мира! Такое маленькое существо - куда хочет, туда и летит. А я? Стоит мне выскочить из дому, меня сразу же останавливают и спрашивают, куда это я собрался. До чего же хочется побродить по свету, подобно пророку Элияу^[15], да будет он помянут добром, или рабби Лейбу, сыну Сары^[16], благословенна его память! Мне бы только позволили - взял бы я посох да суму и ходил с места на место, пока не пришел бы к реке Самбатьон^[17] или в Страну Израиля.

Перелистывая молитвенник, я наткнулся на молитву путников и тотчас загнул страницу, чтоб, когда понадобится, найти ее без промедления. По сию пору не знаю, куда отправлюсь - в места, только что упомянутые, или в город, славящийся своей ешивой, чтобы изучать Тору. А может, пойду искать тридцать шесть праведников, чтобы побудить их умножить молитвы и ускорить приход царя-Мошиаха, и тогда все мы совершим восхождение в Иерусалим.

Как только я вспомнил о Иерусалиме, сердце мое радостно забилось - так бьются сердца всех сыновей Израиля при размышлениях о святом городе. И вот я уже вижу там себя, переходящего от святыни к святыне. А пока я расхаживаю, сердце говорит мне: разве ты не слышал, что в грядущем страна Израиля раскинется на весь мир? И у меня сразу же возникает опасение, что когда это произойдет, когда страна Израиля включит в себя и мой город, я так и останусь дома и уже никогда не тронусь с места. Мысль эта, ясное дело, не иначе, как искусовая. Что влечет меня: святость Израиля или дух бродяжничества? Я встал и расправил страницу с молитвой путников, показывая тем самым, что моя цель - Земля Израиля и ничто иное.

Много еще мест в молитвеннике, куда хочется заглянуть, но на рынке уже стоит шамаш и призывает:

«Израиль! Святые! Суббота святая приближается!» Я поглядел в окно и увидел, что лавки закрыты, люди спешат домой после омовения^[18], красное солнце склонилось к закату, а в домах загораются свечи.

Спустился я вниз, умыл лицо и руки, переделся в субботнее и отправился с отцом в синагогу, зажав под мышкой новый молитвенник. То есть держал я его под мышкой только сначала, а потом спохватился и взял в руку, потому что он не был достаточно заметен.

В синагоге я поцеловал мезузу и, поклонившись святому ковчегу, раскрыл свой молитвенник и начал читать «Песнь песней». Тот, кто ест свежий плод и вдыхает его неповторимый запах, способен ощутить лишь одну шестидесятую долю^[19] наслаждения, какое испытываешь от чтения «Песни песней» по моему новому молитвеннику, где каждая страница источает радость и любовь.

Не успел я дочитать «Песнь песней», как почувствовал боль в руке выше локтя. Это вопреки приличиям и пренебрегая святостью места, ущипнул меня один из стоящих рядом приятелей. Остальные с любопытством смотрели и улыбались.

- Что привез тебе отец с ярмарки? -начали они спрашивать и сами же отвечали, изошряясь в остроумии: - Дырку от бублика? Скрип дверных петель? Звук рога? Освящение трапезы в пост?

Ответил я своим приятелям:

- Хотите посмотреть на подарок, подождите до конца молитвы. - А они смеются: - Он стесняется подарка и отговаривается.

Я отвечаю:

- Увидите мой подарок и сразу откажетесь от своих слов.

А они опять за свое:

- Было бы что стоящее, ты бы сразу показал.

Приятели все еще препирались со мной, когда шамаш постучал по столу и хазан начал молитву. Тогда им пришлось оставить меня в покое, и я начал молиться по своему чудесному молитвеннику. Я стоял, склонившись, и глаза мои не отрывались от текста, а сердце возносилось вверх, как сама молитва...

Б-гослужение кончилось, я поцеловал свой молитвенник и, зажав его в руке, наблюдал за отцом. Все обменивались с ним приветствиями, расспрашивали, что нового в мире, и он отвечал, вздыхая.

Как я был рад, что у меня такой отец, с которым все рвутся поговорить. И пока отца осаждали взрослые, меня обступили мальчишки. Я, не мешкая, показываю им свой молитвенник: «Это отец привез мне с ярмарки». Вытянули они шеи, взяли молитвенник, поочередно приложились к нему губами.

Один из них стал расхваливать отцовский подарок. Он сказал:

- Буквы, как сливы, а точки, как ягоды полевые.

Другой сказал, тоже воздавая должное моему молитвеннику:

- Какой красивый переплет! - И, проведя книгой по щеке, добавил: - Кожа нежная, словно у недоношенного ягненка!

Третий присоединился к похвалам и сказал:

- До чего красивая кайма на переплете - как золотая цепь. Прикрепить бы ее к одежде, и все подумают, что это цепочка от часов.

В те мгновения я был горд своим молитвенником чрезвычайно. И сказал:

- «Листайте его и листайте его»^[20]. Хотите произнести благословение «Биркас а-нэ-энин»^[21]? Поверьте, вы найдете его здесь. Хотите прочитать псалом «Благослови, душа моя...»^[22]? Ради Б-га! Вы найдете его здесь!

Так перескакивал я с одного на другое, а душа была охвачена волнением, и приятели мои радовались, разглядывая молитвенник. Не знал я отроду, сколько у меня добрых друзей! Не раз и не два они досаждали мне, и я не оставался в долгу. Но в тот миг я осознал, что люблю их всех и что все они расположены ко мне.

Как жених стоял я среди своих друзей, а они радовали мое сердце всевозможными историями о молитвенниках. Например, о молитвеннике, найденном на кладбище; по нему молятся мертвецы^[23] во время гонений на евреев. Или о молитвеннике, написанном копотью дыма, поднявшегося над сожженными: те погибли, освящая Имя Б-жье. Никто из рожденных женщиной не молится по нему, ибо получать удовольствие благодаря умершим запрещено. Но Сам Г-сподь Хранитель не натешится им в саду Эдема.

А вот рассказ о молитвеннике из Большой синагоги в Бучаче^[24]. Когда в этот молитвенник заглядывает человек злобный и жестокий, из него исчезает одна буква. Потому-то и спрятал его староста синагоги. Ведь из-за грехов наших неизбывных возросло число злодеев, и страшно делается при мысли, что настанет день, и в молитвеннике не останется ни одной буквы. Кое-кто из моих товарищей негодует:

«Чтоб у этих негодяев глаза полопались! Они согрешили, а молитвенник-то чем виноват?» Другие же, напротив радуются, что им тогда не придется молиться.

И еще рассказали мне приятели историю большого молитвенника рабби Меира, сына рабби Ицхака, из общины, находящейся по ту сторону реки Самба-тъон. Этот самый рабби Меир, благословенна да будет память праведника, - автор песнопения, предваряющего чтение Торы в праздник Швуэс. Когда его молитвенник попытались внести в царскую сокровищницу, он там не уместился; для него вообще любое помещение мало - так он огромен.

Не остался забытым и молитвенник рабби Гадиэла по прозвищу «Младенец»^[25], - того самого что был росточком с муравья. По нему во второй и в пятый день недели десять убиенных праведников^[26] читают: «Приравняли нас к скоту, ведомому на убой...», и Михаэл, ангел-заступник Израиля, вторит им: «Смири ярость Твою и смилуйся над драгоценным достоянием Твоим, которое Ты избрал...».

Упаси Б-г, чтобы я почувствовал зависть, когда шла речь об этих молитвенниках: человеку ведь свойственно любить то, что у него есть. И я снова протянул свой молитвенник друзьям, дабы они рассмотрели его как следует.

Один взял его в руки и говорит:

- Твой молитвенник хорош, но я видел такой, что еще лучше этого. Его привезли из Иерусалима. Переплет - из коры оливкового дерева, на коре вырезаны очертания Святого Храма, а на первой странице написано: «Отпечатано в Иерусалиме, святом городе, да отстроится и утвердится он вскорости. Омейн!»

Я говорю ему:

- А с чего ты взял, что мой молитвенник не отпечатан в Иерусалиме? - И пока я произношу эти слова, сердце мое замирает и руки слабеют,

Он берет молитвенник и читает: «Отпечатано в святой общине Петрокова»^[27].

Тогда другой мой товарищ говорит с сомнением:

- Не слышал я что-то, будто есть такой город на свете.

Третий спрашивает:

- Да разве кто-нибудь знает это чудное название?

Четвертый заявляет:

- Определенно Петроков ваш находится в Греческом царстве злодейском.

Пятый качает головой:

- А я вам говорю, что назван этот город по имени необрезанного! Петр ведь не еврейское имя, правда?

В конце концов кто-то из друзей завершает спор:

- Ну и молитвенник привез ему отец! И смеется:

- Подарочек, которым воистину можно гордиться.

В общем, потом они долго вышучивали, задирали меня, подтрунивая над моим молитвенником, пока им это не надоело. А уходя сказали, дружно сморщив носы и скривив губы: «Петр из Петрокова».

Я остался один и, прижавшись лицом к молитвеннику, сказал: «Властелин мира! Сотри в милосердии Твоем великом то слово, что причинило мне горе и навлекло на меня позор. Пусть в моем молитвеннике будет начертано слово "Иерусалим"! И все дни своей жизни я стану молиться Тебе, как молятся в Иерусалиме, святом в городе!». Я снова заглянул в молитвенник. Увы! Слово «Петроков» по-прежнему стояло на своем месте. И черные буквы его, огромные, отвратительные, пугающие, делались все чернее, буквально вонзаясь мне в глаза...

Но я не отпрянул назад. Видано ли, книга молитв у меня в руках, а я дрогну? Открыл я молитвенник в другом месте - и нет никакого Петра, нет Петрокова, но только разноголосое пение молитв, святых и грозных, долетают до меня со страниц.

Я стал читать с того места, которое открылось взору: «...И приведи нас в Сион, город Твой, с ликованием, и в Иерусалим, священную обитель Твою, на радость вечную». И сердце мое задрожало, как будто трудно ему стало оставаться в груди и оно рвется куда-то. И вместе с ним затрепетала сама молитва. Не только одна; все молитвы будней и субботы, молитвы новолуния и других праздников затрепетали, словно птицы. Или мне так почудилось. И вдруг меня осенило, что молитва всех молитв - это мольба о восхождении в Иерусалим. Так я стоял, листая молитвенник, пока снова не дошел до Пасхальной Агоды.

Братья и друзья мои, семя святое, любимые мои! Что рассказать вам такого, чего вы не знаете сами? Когда я вникал в Агоду, предо мной возникло три великих слова: «В будущем году в Иерусалиме!». В тот же миг на глаза мои навернулись слезы. Не слезы стыда или горечи, но слезы радости. Они капали прямо на бук-Г вы, пока те окончательно не расплылись, будто сам молитвенник заплакал вместе со мной.

Что еще мне добавить? О чем еще поведать? С другой стороны, пристало ли быть многословным в этом нашем таком долгом изгнании? Я поцеловал свой молитвенник, поцеловал буквы и сказал: «Да, пока мы в изгнании. В будущем году - в Иерусалиме!»

¹¹ Nái ý ñyò íá («çyòà éíáyø») — òaé á òaí áóá èì áí óáò ñy ñyò íé íaðíá, ñíí ú Èçðàeéý (ñ. Èøàýú 6:13).

¹² Ñéíáà òaí óaéúú íá í áú íí áí éý.

¹³ Èàò éáñ — eáðò í óaéúú úá íéááúé, éí ò í òúá í òéí ýò í á ò í áe ò ú í á òaí óeá

¹⁴ Èàò èáó (èàeø) — «çáí èñé» — ðaçí í áe áí ñò ú eáðò, éí ò í òúí è ó: áí èé è óáááðà (ááðàeñé í é í á: áeúú í é øéíéú) eáðàeé í á òaí óeá

¹⁵ Ñí. Í áñàeúú øø Áááá

¹⁶ Áí áeúú ááíðyò í á ñyò òí ýçúéá í á eáde oá Ñí. Áááeéí í ñéé Óaéí óá, ò ðàeò àò Øaáíñ (126).

¹⁷ «Ðné èáñéíáí, ýçúé í áeáí...» — Áí áðáí ý í áñàeúú úò eáí èééé ðíáe ò áeé ðááí éá í í áeé ñ áí èò ú ó: èò áeý.

¹⁸ «Í éáí í eóá óñ áóáí íáy» — íaðíá Èçðàeéý á eçá áí eé, óí í áøðúeé í á eçá áeáí éá; òaéí áí í áçááí éá í áú íí áí éý, í áí eñáí í á í ýò òí Øéí í ááí Ááeðí éáí.

¹⁹ Í ðaçáí èé Èáááá-íí áð

¹⁹ «Áóóá eáeáíá ð eç ááñ í ðáú ááeá ó Ñéíáy...» — Í áø è í óáðáò, áóáí eáeáí ñéíáí í á í áí ýò ú í í eò, óeáçíáøð, ÷òí áóeé áñò ñíí í á Èçðàeéý (é óáí, éí ò í ðáú ò ýéí í ýáe ò ú ñy í á ñáò èeé óú á áýáóúáí) í ðéñò ò ò áí áeé í á á òá Ñéíáe áí áðáí ý í ò eðí ááí éý è áí eí áeé ñéíáí Í í eá í áðáúáí í úí è í aðí áó: «Í á ñááí è í áí eí è çáeéð: ð ñ çç.. í á ñ óáí è ò í eúéí, ÷òí ñò ýò çááú ñ í áí è í áðáá Á-ñ í áí Á-áí í áøeí, í í è ñ óáí è, éí ò í òúó í ú í á í áð çááú ñ í áí è...» (Ùí ðá, Ááí ðeí, 29:14).

¹¹¹ Í eðò á-eáí í eñ — «í ðáááðyðúáá í áú íí áí éá» (eáde ò).

¹¹² «Ááíú éí ðí ò í é...» — ñeðú óáý òeò áòá eç ò ðàeò áòá «Í eðeáé í áí eñ» (2:20): «Ðááíe Óaðò íí ááí ðeò: "Ááíú éí ðí ò í é, ðááí óú í í í á, è ðááí ò í eéé eáí eáí; í eáòá áeééá, à òí çýéí í í ááí ýáò"».

¹¹³ Èéñò è áeááí éý — øeò èñ

¹¹⁴ Í áò ýí óó ú ááðáeé... — Ááðáeé, í áò ýí óó ú á í áeáó ñò í eááí è, í í ðáááýðò áðáí eóó í í ñeáí éý, á í ðáááeáð éí ò í ðí é áeé ñò áøð çáéí í ú ýeðúáá

¹¹⁵ «Í í áí áí í í ðí ðí eó Ýeéý...» — Èáe ñeáçáí í á Áááá, í ðí ðí é Ýeéý ñò ðáí ñò ááò í í ñáò ó è í í ñáú ááò eáeáúé ááðàeñéé áíí, éí ááá óáí í ðí eñ í áeò í áðyá í áðáçáí éý, è áí áðáí ý í áñàeúú í á ðe ò óeá

¹¹⁶ Ðááeé Èéáá, ñíí Ñaðí, — í áeí eç ñ í áeé e í eé í á Ááç ò á (ðááeé Èñðýeá Áááe-Øáí-Ùí áá). Á ñí ò ááò ñò áeé ñ ò áñeáñééí í ðáááí éáí, í í áeóe áááò í í ñáò ó, ñeðú óáý ñí á eí ý, è áççá ñ í ááðeááò áí áðúá ááeá

¹¹⁷ Nái ááò úí í — ñ áeáí í Áááá ðáeá, í áðáeááø ðú áý ñò ðáí ó, ááá eéáò ááí ý ò ú éí eáí Èçðàeéý, eçá áí í ú á eç Ñáááðí í á òáðí ò áá (ñ ñò í eéóáe Øíí ðí í) áññeðeéñééí óáðáí Øaéí áí áí á-ðí á 3205 á (555 á áí í.ý).

¹¹⁸ Èí ááò ñy á áeáó í í áðáeáí éá á í eéáó (ááññeéí áyý ðe ò óaéúú í á í í í áí éý), ñ ááðeááí í á í áðáá í á ñò óí eáí eáí ñí ááí ò ú.

¹²⁹ «*Íái ó εαíðεάαίγ'òφ...*» — *Νίάεαίí Õαεί óάó — είέε-αίòáí, είòíòíí áííðάάεαίíúó ñεòάαéýòí íáεíí íðáíáάά-í; çááíí — íá-òí íáçíá-εòάέíí íá; ÷òí áñ-άò íá εάò.*

¹²⁹ «*Έεíðάεòάάά é εεíðάεòάάά*» — *Νί. Íέðέεé íάίέí 5:28*

¹²¹ «*Άέðεαίá-íγγίεί*» — *άέάάñέíάáí εά á áέάάάάάòííñòú Áíñάúεíáí ó çá íάñέάεάáí εά; áά íðέçííñò, íáíðεί áά, εíάά ááúòáðò áðíí áò áέάάúάáí εέ, íέíάíá é òðáá*

¹²² *Íñέíí 104*

¹²³ «*Í íεéòάáí íέé.. íí εíòíðí ó í íéýòíγ í áðóάáú...*» — *Áí áάáí γ áíáíέέ íá áάάάά áúέí íðéíýòí í íεéòúγ íá í íάέάó íðάάάíέέíá é íðñεòúέó í çáñòóí íé-αίòάáí áí εάí εñóέííí. Õá, íí íðάáíòάέάíέýí áάóάé, á ñáíð í-άάáú áíέάéú áúέé í íεéòúγ é, ñεάάíáάóάέúí, íέεάάέεñí á í íεéòάáí íέεάó. Çááíí é áάέάí ú ñòάέέάááí ñý ñ íáðάçáí é ðáέέάéçí íά óíέúέéíðá, íáñúáά íá ñáá íòíá-άòíé áάòñéé óáíòάçé.*

¹²⁴ *Áó-á- — áðíá á Áíñóí-í íέ Άάέéóέé, ááá ðíáέéñý Ç.-É. Άάíí.*

¹²⁵ *Ðάάάé Άάάéýé íí íðíçáεúó «Í έάάáí áó» — ááðé íάííέí áíííά óáíòάñðε-áñέíά ðáññéáçá ñáí íά Άάííá*

¹²⁶ *Άάγ'òú íðάάáí εέíá εáçíáí ú ðéí éýí áí é çá í áðóáí εά óéçá, εçááí ííά ííñεά áíñòáí éý Ááð-Éíóáú é çáí ðáíáðúáά íáó-áí εά Õíðá Á ÷εñéá εó ííάά íðεáíáðáí íúé é í ó-εòάέúí íé ñ áðóé ðάάάé Άέéáá; íí ñéíí-áéñý, εíάά íá óíòáó áά áúέé ñéíáá í íεéòáí «*Ïí á Έíñá-ýéú*»: «*Á-ñ íáú íáéí*».*

¹²⁷ *Íáóðéíá — áðíá á Í íέúóá, ááá íá-άòάέéñí áάάéñéá ñýúáí íúá εíέá, á óíí ÷εñéá í íεéòάáí íέé.*

*יְעִבְדֶינָא עֵינָבֻאִי יָא**Àôä-Àäi*

Священное отличается от мирского. Отличается также и тем, что в сфере мирского цель возвышает в наших глазах средства, поскольку они ведут к достижению цели. Мы свободно выбираем и меняем средства, сообразуясь с целью, а когда цель достигнута, то средства более не нужны. Но в области священного цель возвышает средства сами по себе; ими уже нельзя свободно манипулировать, и, добившись цели, мы сохраняем средства для дальнейшего использования. Иными словами: в области мирского мы храним скорлупу из-за ядра, которое в ней, и выбрасываем ее после того, как съели ядро. В области же священного ядро и скорлупа равноценны; скорлупа не уничтожается даже если ядро сгнило: в нее закладывают другое ядро.

Древние египтяне в дни некоторых праздников пользовались только каменными сосудами. Обычай этот достался им в наследство от праотцев, живших в каменном веке, когда люди еще не знали других материалов и все предметы вырубали из камня. И хотя впоследствии они научились делать утварь и оружие из лучших материалов, в священные дни они все же не дерзали пренебречь старым ради нового, ибо тут само «средство» стало чем-то священным. Египетские жрецы, наверняка, имели для этого важные, тайные причины; они искали новую цель для устаревшего «средства», новое «ядро» для опустевшей «скорлупы».

А мы сами? Почему пишем мы книги Торы только на пергаменте, от руки и придаем им вид свитка? К чему весь этот труд спустя четыреста лет после Гутенберга? Да к тому, что подобным образом создавали свои книги наши предки еще во времена существования Храма, когда мир не знал других, более совершенных средств. К нашим светским книгам ныне это, правда, не относится, но когда дело касается книг, предназначенных для богослужения, то в них все священно, не исключая и способ письма.

Светские книги (кроме поэтических произведений, прекрасная форма которых составляет их сущность) являются всего только средством усвоения известного содержания, мыслей, в них заключенных. Поэтому по мере того, как содержание становится доступным все большему кругу людей, сама книга подвергается забвению, и наиболее важные в истории умственного развития человечества труды, смысл которых стал достоянием бесчисленных поколений, покоятся в забытых уголках библиотек; к ним прибегают лишь в редких случаях. Учения Коперника, Кеплера и Ньютона преподаются в обычных школах, но даже среди ученых мало тех, кто черпает их мудрость из первоисточника. Из самих книг. А работы Платона — этот огромный океан, воды которого по сей день утоляют нашу жажду? Многие ли обращаются к ним непосредственно, многие ли знают их хотя бы по названиям? Безмолвная, глубокая грусть овладевает нами, когда мы видим, что и великие творения духа живут не вечно, что река времен уносит все, что исполнило свое назначение. Весьма вероятно, что если бы прославленным авторам был предоставлен выбор, они предпочли бы долгую жизнь своих книг скорому распространению собственных открытий. Но им не был дан выбор, ибо когда сердце удручено, рассудок находит, что так оно и должно быть, ибо после того, как плод съеден, нет больше надобности хранить скорлупу.

Так обстоит дело со светскими книгами; положение священных книг совершенно иное. Тут содержание освящает книгу, отводя ей главенствующую роль, а само уходит на второй план. Книга живет в веках, а содержание ее претерпевает различные изменения по мере развития культуры и науки. Чего только ни находили люди в наших священных книгах — со времен Филона и до нынешнего дня! В Александрии в них открывали Платона, в Испании — Аристотеля, кабалисты отыскивали там свое учение, представители других религий — подтверждение тому, что сами проповедовали. А некоторые верующие ученые обнаруживали в них даже Коперника и Дарвина! Все эти люди искали в Священном Писании истину, каждый — свою, и все нашли то, что искали, не могли не найти, ибо если бы не нашли, истина перестала бы быть истиной. Или священные книги перестали быть священными.

Несмотря на все это, среди нас есть «реформаторы», полагающие, будто можно отделить религию от «скорлупы»: устранить из нее многочисленные обряды и сберечь лишь «ядро», отвлеченные формулы. Или же лишить священные книги их языка («скорлупы») и довольствоваться лишь содержанием этих книг в переводе на европейские языки. «Реформаторы» не берут в расчет, что сам древний сосуд в древней его форме, уже есть святыня и все, что в этом сосуде, им же освящается, хотя сам он время от времени наполняется новым содержанием. Они не желают понять и другое: если сосуд разобьется или примет новую форму, вино потеряет свою крепость, каким бы старым оно ни было.

Однако народ наш всегда поступал так, будто все сказанное выше чувствовал инстинктивно. Он не слишком упорно боролся с теми своими мудрецами, которые, как, например, Маймонид и его последователи, наполняли сосуд новым вином из чужих гроздьев, и даже не отказывал этим мудрецам в признании и поклонении. Караимы же и им подобные, дерзавшие посягать на сосуд и менять его форму по своему усмотрению, были резко и бесповоротно отвергнуты народом, хотя они всячески восхваляли перед ним свое вино, уверяя, что оно и есть издревле хранимое, неприкосновенное.

Пусть те, кто смеются над оберегающими сосуд, смеются сколько угодно: последствия, к которым привело хранение вина, доказали правоту хранителей.

5651 (1891)

Абаи-Ааи, "Егаддифуам-еіаіеу", I ітсаі, "Њаоддо", 1919

Nài ai Ôðã

ÑÒÈÕÎ ÒÃÎ ÐÃÎ ÈÁ

«Ãçíéæè íá áúñéóp ãðð, áéãããñòí èõà Ñèííá!

Ãíçãúñí ì íãb: èé ãèíññãé, áéãããñòí èõà Èãðõãèè à!

Ãíçãúñí ãèíññãé, íá áíéñý!»

(Èíãéý, 40:9).

Í íá ýæéãúñí ì íá.. È àéãæ ý: áíðíãé

Ì àèþòéà áéãíãý è ðíáéãý áðãéà

È çà ðéé, ñèþáíãþ è òðãíãé,

Ñéáííã í èúãã áéè

Í óæéãúé, ñèíðãíúé çíð è ìðíõãéè òñòðãí èýý,

Ì íèúãíþ ðãçíóéòúñò ðãðãéãúñí èð ñãðãòà

È íéãéèèà áãúíýæéà, òí íéýý

Í óéãã è ìðèþòà äéý ñéáí òà

Í í óéà ìðãá íáé òíéíà è ì èí í ìðíõãéèà,

È, áãéúãà òíþ æá áíðíãþ áðããý,

Í áíðãúñí í éãéãéí, ñòííãéí è ì íéèéí

Áãçúñí í íá, áãñééúñí íá àèòý...

È ãã çà ããí ì óæè.. Í ãñòãéí áðãí ý — ñí íãà

Í óéãæè àá Í í — Á-æá ì íé! — ííéíà

Ñíçíáíúý, ãðãíñòè, ì íãb: à è ñòðíãà,

Èãéíþ æéáíþ ýæéãúñí ì íá ííá!

Ì àèþòéà æáíúéííé ì íãúíãñòãúñí íé ñòãéà

Ñíñãíéíé òããðãíþ áãñý è áíéõà

Í ããáíãáíúñí — çíð, ì òããé è áðãúñí ì ñéãéà,

Í íá íá áíé çãèèà áãñééúñí íã ñéáí òà

È çãéè àá ðã: áé æéãíñòè òãéúñí í-ñòðíãúé,

Έὰε çú-í úé çàé òðáú, ñééèèàþùéé í à áðáí ú

Í ñééñ á áùøéíá: «Í íðà! Áíéíé íéíáí!

Áíáíéúí íéùéí áúòú! Í ðíñéñí í ðíçðé, áíñòáíú!..

Áíáíéúí íéùéí áúòú! Áíáíéúí í ðáñ úéàòúñ!..

Áíñòáí ú áíðéñ! Ðáñé çáþí úé í ðáé í íáé!..

È áñé í íéíðéòú áðáá í á ðáàòéò ñéé,

Í áíòú ðáàòéò á ðáíñéè áðáá í á í íéíðýòúñ!..»

І аєтні Агдтєє

Это было лет пятнадцать тому назад в одном из поволжских городов. Был жаркий день июня месяца, я с утра работал на берегу реки, осмаливая дощаник, и уже время подвигалось близко к обеду, когда где-то в слободе, сзади меня раздался глухой, сердитый шум, как будто заревели в раздражении голодные быки. Я тоже был голоден, хотел скорее кончить работу и сначала не обращал внимания на этот отдаленный гул, а он с каждой секундой все разрастался, как растет дым в начале пожара.

В горячем воздухе над слободой стояла мутная туча пыли — я смотрел в сторону слободы, и мне казалось — вижу я, как разноголосые звуки насыщают воздух, поднимаясь от земли вместе с пылью. Пыль становилась все гуще, звуки громче и разнообразнее, воздух вздрагивал, и вместе с ним дрожало сердце в предчувствии чего-то недоброго...

Бросив работу, я поднялся на песчаный берег и увидел: из ворот домов выскакивали люди, они бежали вдоль по улице, куда-то вглубь слободы, за ними бежали собаки и дети, испуганные голуби носились над их головами, а под ногами металась куры. Охваченный общим смятением, я тоже бросился бежать.

— На Елизаветинской дерутся! — крикнул кто-то.

Навстречу бегущим, яростно нахлестывая лошадь вожжами, по немощной улице мчался ломовик и орал во всю силу груди:

— Наших бьют!.. Крючники!..

Я повернул в узкий проулок и остановился. Толпа людей забила проулок своими телами так плотно, что он был похож на мешок, полный зерна. Впереди, где-то далеко еще, раздавался рев и визг людей, звенели стекла, бухали тяжкие удары, что-то трещало и падало, звуки покрывали друг друга, как облака осенью, и уже плыли по воздуху тяжелой тучей.

— Жидов бьют! — с удовольствием в голосе сказал какой-то старичок, благо-

образный и чистенький. Он крепко потер маленькие, сухие ручки и добавил:

— Так их и надо!

Я пробивался вперед на шум, повинуюсь его возбуждающей, притягательной силе. Не одного меня, — он, этот страшный шум, всех привлекал к себе, он всасывал в себя, как тряпина. Лица людей, мелькавшие предо мною, все были возбуждены стремительной и тупой злобой, все глаза сверкали жадно, вся толпа сплошной, тяжелой массой двигалась вперед, готовая опрокинуть стены и заборы, давившие ее, каждый готов был бросить под ноги себе переднего, идти по его телу, давить его.

Я бросился во двор одного из домов переулка, перескочил через забор на другой двор, еще раз, еще и — вот я снова в тесной толпе людей. Они наполняли собою густо застроенный двор большого каменного дома, облепленного пристройками, и точно кипели на тесном дворе, точно земля под ними содрогалась. Как бесноватые, они орали что-то, подняв головы кверху, лица их были красны, в открытых ртах сверкали зубы, они взмахивали руками и толкали друг друга, лезли на крыши служб, обрывались, падали и снова лезли. И, несмотря на разнообразие движений каждого человека, во всех них было что-то общее, человек стал членом одного огромного тела, одушевленного одной и той же могучей силой.

Высоко над этой плотной массой людей, спаянной озлоблением, на крыше дома, у трубы стоял худой и длинный еврей. Он отрывал пальцами кирпичи трубы и, швыряя их вниз, что-то кричал голосом резким, подобным крику чайки. Большая и седая борода трепетала на его груди, а белые штаны на нем были покрыты красными пятнами...

К нему наверх летели яростные крики:

— Из ружья его!

— Тащи ружье! Камнями лупи!

— Лезь к нему!

В окнах дома мелькали темные фигуры людей, выбивая рамы и выбрасывая на двор вещи. Взвигивали и дребезжали стекла. Вот ширококоржий, кудрявый парень поднес к окну зеркало, высунул его и закричал:

— Эй, берегись!

И, отражая солнечные лучи, зеркало полетало на землю. Парень высунулся из окна вслед за ним. Его широкое лицо было только озабочено и серьезно, но не озлоблено. В другом окне явился чернобородый мужик с подушкой в руках. Он рванул ее, — и в воздухе рассеялось густое, белое облако перьев.

— Снег пошел, носов не отморозь, ребята! — крикнул мужик, глядя, как белые пушинки опускаются на головы людей. А на дворе орали:

— Сюда! В кадке жиденят нашел!

— Бей их!

— Башками о стенки!

— Эй, старый жид! Слезай, внуков нашли...

— Лезь с крыши, а то уьем племя...

Пронзительный крик ребенка огласил воздух, — это был звук ужасный, в мутном реве толпы он сверкнул ослепительно, как молния в облаках. И шум после него стал как бы тише.

— Не тронь! — заревел кто-то.

— Не тронь ребят!

— Больших бей!

Тут вновь раздался крик ребенка, — тонкий и острый, он резал сердце и оглушал более всех звуков.

— Ах, дьявол! — бешено заорал кто-то, покрывая все звуки.

— По башке?

— Ноги отшиб...

— Ловко, старый черт!

— Антип! Лезем жиди сшибать!

Двое огромных крючников, расталкивая толпу, подошли к пристройке и полезли на крышу.

А в одном из окон дома снова явился серьезный, краснорожий парень. Напрягаясь, он просовывал в окно какой-то шкаф или ящик и кричал вниз:

— Робя, держи посуду...

Ящик не проходил в окно, тогда парень дернул его назад, к себе, на минуту скрылся, вновь встал в окне и завыл протяжно, как волк:

— Бе-реги-и-ись!

Груда тарелок посыпалась из окна, за ними солнцем мелькнул в воздухе самовар. Люди внизу разбежались, прикрывая головы руками, и хохотали во все горло. Рыжий и толстый парень хватил самовар с земли, поднял его высоко над головой, снова бросил на землю и стал топтать его ногами.

На крыше раздался нечеловеческий вопль... Все подняли головы кверху. Железо громыhalo... Вдруг на краю крыши появилось что-то большое, оно несколько секунд провисало, содрогаясь в воздухе, потом завизжало, завыло, оторвалось и полетало вниз. Раздался мягкий, противный шлепок... Я бросился вон со двора, а вслед за мной летел торжествующи, дикий рев:

— А-а-а...

— Ага-а...

— Сшибли-а-а!

На улице люди ломали стулья, столы, разбивали сундуки, со смехом рвали какие-то одежды. В воздухе носились перья, из окон двух домов вниз, к ногам людей, летели подушки, корзины, мебель, тряпье, а толпа, обезумевшая в стремлении разрушать, хватала эти вещи и рвала, ломала, била. Две женщины, растрепанные, потные, с красными рожами, цепко ухватились руками за какой-то ящик и тянули его в разные стороны. Они кричали что-то друг другу, перья и пушинки крутились вокруг их голов, они обе широко открывали рты, но голоса их заглушал треск дерева, вой и рев толпы и визгливые, полные ужаса крики, доносившиеся из окон дома.

Мимо меня прошел огромный мужик, в разорванной рубахе, без шапки. Волосы у него были растрепаны, по грязному лицу текла густая, почти черная кровь. Он размахивал рукой и улыбался, тупо, довольной улыбкой сытого зверя. Вот он подошел к фонарному столбу, обнял его и стал раскачивать, упираясь в дерево широкой грудью. Фонарь затрясся и слетел на землю.

— Ло-оми-и! — крикнул другой мужик, подбегая к столбу фонаря. Он тоже схватил его и, ухая, стал раскачивать.

Откуда-то в толпу, как голубь в тучу дыма, бросилась девушка в изорванном платье, с распущенными волосами. Она бежала, закинув голову вверх, и глаза на бледном лице ее были невероятно велики.

— Бей жидовку! — заревел кто-то. И девушка исчезла в густой массе людей, как крошка сахара под кучей мух. Над нею закипела какая-то темная каша из человеческих тел, в воздухе мелькали кулаки, раздавалось сладострастное кряхтенье, мягкие шлепки. Циничные шутки, ругательства, змеиное шипение — все смешивалось в один злобный и злорадный звук.

— Раздайся, народ! — Зельман едет! Это кричала толпа людей, волочившая что-то по мостовой. Тащила

она человека или труп человека, — полуголое, сухое тело, измятое, изорванное, все покрытое кровью и грязью. Захлестнув ногу Зельмана веревкой, люди везли его по мостовой, а за ним оставалась на дороге широкая полоса крови. Сухие, длинные руки купались в ней, а между рук, в том месте, где они вращались в плечи, бился о камни безобразный, окровавленный, ободранный ком...

Какой-то подросток подбежал к телу, прыгнул на него, ноги погрузились в живот, как в тесто, а подросток замахал руками и упал, возбуждая хохот. Зельман был богатый подрядчик. Я часто видал его живым, но то, что видел теперь, не было похоже не только на подрядчика, но и на человека вообще.

Отупевший от всего, что творилось вокруг, задыхаясь от пыли, я вертелся в толпе, как щепка в ручье, и смотрел на все, как на страшный сон. Вот на водосточной трубе повисла белая юбка, она высоко над землей, и какая-то старуха, вставая на пальцы ног, хочет достать ее, протягивая вверх костлявую, темную руку. Рядом с ней бородатый крючник напяливает на свою взлохмаченную голову бархатный картуз. Мальчишки снуют между ног взрослых, подбирая осколки зеркала, а один из них подпрыгивает, желая поймать летающее в воздухе перо.

Размахивая палкой в ножнах, бежит полицейский, над ним смеются, ему вдогонку кричат:

— Держи его!

— Лови фараона!

Кто-то бросает под ноги бегущего разломанный ящик, и полицейский кувырком летит на землю. Громкий хохот гремит в воздухе.

Взглянув себе под ноги, я увидел кусок окровавленной кожи с клочком волос на ней...

— Нар-род! Сюда иди!

Крик доносится со двора, и толпа льется в ворота густой волной. Люди как-то хрюкают, рычат, ревут.

— Бей! Б-бей! — раздается в воздухе.

Внутри дома, во втором этаже, кто-то работает ломом, разрушая простенок между двумя окнами. На улицу сыплются кирпичи, известь, летит белая пыль. Поднос вылетает из окна, он нерешительно кружится в воздухе и падает на голову какой-то толстой бабы. Взвизгнув, баба присела.

— Казаки!

— Беги наши!

— Казаки едут!

В устье проулка являются морды лошадей, синие фуражки казаков, мелькают нагайки, и чей-то громкий, певучий голос командует:

— По трое в ряд, рысью — ма-арш! Груда кирпичей падает на тротуар.

Простенок выломан, — и тотчас же из безобразной дыры в стене дома тяжело и медленно высовывается огромный шкаф, вздрагивает, как-то нехотя скользит по стене дома, задевает за карниз и, перевернувшись, с грохотом разбивается о камни панели. В воздухе стоит непрерывный гул, как будто в нем невидимо течет бурная река, разрывая почву на своем пути, вся в пене гнева, вся — в диком бешенстве...

Толпа бежит под ударами нагаек и толчками лошадей, бежит, как стадо баранов, глупо, слепо. Можно спрятаться во дворах, можно прыгать через заборы, но все бегут куда-то вдоль проулка, подставляя головы, спины и плечи под хлесткие удары. Здоровенный, кудрявый крючник вдруг оборачивается, с размаха бьет кулаком по морде лошади и исчезает в тесной толпе казаков. И над тем местом, где он исчез, долго мелькают нагайки, рассекая воздух. Казаки едут дальше, стремя к стремени, плотной стеной, а люди перед ними бегут врассыпную, толкая друг друга...

— Валяй кирпичами казаков! — кричит кто-то сверху. Под ноги лошадей бросается женщина, полуголая, в крови. Она явилась откуда-то вдруг, точно из земли выпрыгнула, она хватается за ногу переднего казака и жмет к ней с воем...

— Беги-и! - Стой!

— Бей казаков!

Толпа ревет и — бежит неудержимо, как ручей с горы. Глухой топот ног стоит в воздухе, звон подков о камни вторит ему. Лошадям трудно двигаться среди обломков мебели и тряпья, покрывающих мостовую. Лошади встают на дыбы... Толпа тоже останавливается, обернувшись лицом к казакам...

— Полсотня, спешиться!

Толпа рычит и ждет. Но и в тылу у нее, в конце улицы, является полиция и пешие казаки... Тогда люди начинают прыгать через заборы, вбегают во дворы, а казаки ловят их... За несколько минут перед этим люди были зверями, без жалости и смысла избивавшими таких же несчастных, как сами они, а теперь эти звери — только трусы, их тоже бьют без жалости и смысла, а они бегут трусливо и позорно от ударов...

Вечером этого дня, проходя по площади слободы, мимо пикета казаков, я слышал, как один из них сказал другому:

— Четырнадцать жидов, чу, разорвали...

А другой курил трубку, и он ничего не ответил на слова товарища.

Èè ò àààòòò ì ì-òòò à ààò àà ì ì è

àà ò è è « Ì ì ì ù ù ààà ÿ ÿ ,

ì ì ò ò à à à à è ì ì ò ì à à ò à è à ÿ » ,

Ì à ò à à à ò ò ò 1901

* * *

Από υ ό ι αί γ αί τ υ ί ί α α λ α δ α α ί ί ε.

Ί α σ τ α ρ, η α ε α η ί ί α η α α ο η γ ε ε ε

ι ε α α ο.

Ο α α α ί, α ο ι ι ί γ αί τ υ η α α α ί ο ο α

ί α ι δ α α α ο.

Ί ί α α α ί α σ α α α α ο,

α ε ί α ί α α ι α ο α α α ε α α ο υ

Ί ί α α α α ο α η α δ α η η δ α σ ε α α ο υ

Ε ε ι α α α α α ε α ο - η η ο α α ο ε ο η γ:

α α, γ ο ι ί ί, α α α ι α α ο ι ε ί ο α ο Ε η η δ α α ε ι.

Ί ί γ αί δ ι α γ, γ α λ α α α ε υ α ί ο ο α α γ,

α ι ο υ ί ο ι α ί γ.

Ο υ α α α ο υ δ α η η δ α σ ε α α ο υ α α α ο υ

ι ε α ε α ο υ

α α α ο υ ί α ο α ο η γ ε α ε α γ ο η γ, ί ί γ ί ε α α ί α η α α ο ε ί ε ί α ι

ί α η η δ ι ο α ε δ ε α ι ε, η α α ι ε, η ο α α ο ι ε — α α α ι ί ε

δ α σ ε α ο ι α η η η α α ..

Α ε ι α α ί α α ο ο ι ε ο ι ί ε ι η η α α ι ε ε α η —

Ί ί α α α ι α η α ο α ι ρ η ο ι δ ι ο ε ο ι δ α

15 марта 1938 года,

Хабаровская тюрьма

* * *

Ί ί ε ι α ε υ υ ο υ α η α ε ε,

Ί ί ε ι η η ε α ι ε υ ι ο,

Ί ί α ε α ε α ο η γ, γ α η ε ι δ α η η α ι ί α

α α α ο α ρ, α ο ι α α η α ρ,

α ο ι ί ε ι α ο ρ η η α γ ο ι η α ε ε ι η ε α η

È i íà èi ý áááó ï ðíééí àóü

á ñò ðáí á

È ùó ÷ áñó í íá è ñ áéí á ÷ áéí áéé,

È í ò í ðúé áú ï ñ ï í óé ï í á èi ý áí á ð ï ï .

Ó ï á í ý á ñ ó ü á ï ÷ ü ï í í á á ù á ð á á í í é

Ñ é í é ü é í ï í á é ò á ï ÷ é á æ á á ò ú í ò ó á ?

Ó ï á í ý á ñ ó ü æ á í á .. × á ï í í á ï í á é ò ï í á

Í ï ï í ÷ ü ?

Í ò ó á ó ï á í ý í á ò ,

Í à ò á ð è ò í á é á í á ò ,

È í á æ á á á á ò í á ÷ á é è ò ú ï í ý á é ó í á ý

é í í ÷ é í á ?

Á í ò á ð ï í ð ï í é á á ï ï í á ó á á é è ò ï ï

æ è ç ü

ß ñ à ï á á ó á ð á á á ò ú í ñ á ñ ó á á í í é

á á á é è ,

ß ñ à ï .

Á í é ð ú á é é á ý í á ï ò á Á ú í é ó á é è ò á

æ á ï á í ý !

Á í è ï á í é á ý í á ÷ é í á ð :

« È í ñ á á é á í é í é á á á é ó ï á é ð á á á .. »

« Í í í é é á á ð .. » Ç á á ñ ï ï í ò í ð í á í , ò ó ó

ï í é í é ò ï ï

á á á ç ú í í é í á ÷ á é è , í á á é è ï ï á ñ ó ð ú

ç á á ñ ï ï í á ð á á í é è é á é è ò á á ð á é , á á ð á é ..

È ý ò í á ñ á , è á í é ü ó á í é ÷ á ñ .

Á á ð á é , é í ò í ð ú é á ñ ð ñ á ñ ð æ è ç ü í á á á ý é ï ï è

á á ð é é ,

íí ñéíí: àéíí ðáçí: áðíáíí úé è áí óéáð.

Íí òí áðáííéííí íáéíí: áíðáá

íáéí-íáéíáσáíáé,

è íííðííéé íá: áðò àò úíá í íáéúííé

íéèòá

«Éèòú — ðòí íááííòúíí è ñòðáí èòúíí,

òíòí íáí à æéçí ú — áéóí à è íá: àéúí á».

Óááðáéú 1939 áíá, Éðáíéáá

Í áðáííá Ááðáíí à Ááéíáá

В это время появилась в печати статья Хоровицера. Он писал, что роман Рабина «Двоюродные братья» — это клевета на Красную армию, а «Бу-зи Дубин» — очень вредная книга: меньшевик ведет гнусную контрреволюционную агитацию против диктатуры пролетариата. Писака-доносчик обвинил отца в том, что он перешел нелегально границу СССР, что восхвалял болтунов Троцкого.

Íí 19 ðíááðí 1940 áíá í ðíðáííð, áíéòíð óééííáé: áíéèò íáçé Í óéííá ííðíááðá íááéíáíéíí Óíðíáéóáðá

Í ÉÁÁ í íéó: èé ñí ðááéú: «Á áððéáí úó í àòáðéáçáð áúáσéé èèòíáíééé í íáí íéúííéé á íáíçíçò ñòáéííé í íéèòéáé í á íðíðíáéò. Í íáíéíí — í áéíð Áéð-éíá».

Áúéí í ðíðíáéíá í éííòáéé — Í áðéèσá, Áíáðóσéíá, Áíáéíáðá

Í óáð íéσáð Ááðéé í éííí í ñ íðíðíáéé í íáðáíí í óðá áíí ááéá: ÷òíáí áúé ñáá è òíááá ñòáíáò ðííí, ÷òí íí íá áéííáí. Í í íéσáð í íááá è áíçí óúááòííí!

Éíáá íáí óú í ðéσéé á Í íéúííó, òí ááðáíí ñ: èòáçé íáí áóééí è óíéííáí è, à á ÑÑÑÐ èò ñí: èé óéá óíéííáí è í íéúííééí è. Í óáð í áííííí ðáð, çáé íéáçáéííí á ÑÑÑÐ. Í í — ÷áíí úé: çáí í áððéé, è Ñíááòíéáí áéáííòúíá í íáéáð í á ðáçíáðáòúíí. Í éσáð, ÷òí í: áí úáíéáí è áíéá í á áíááðéèò.

...Í éííéé Éááííáé: ó Í íéíòíáí, Ááéíáí Í áí á íáéááéá í íðíáé ðáçíúó éííðáíóéé. Áé òðáíí áúéí áííðíéòúíí í á ðááíòó çáé æáí á áðáíí í áðííá. Í áí áæáí í í á áíéá í á áíçáðáíáçáíí áíí íé, è ááðáíá ñòíéáí ÷áéááéá çáí éíéá «Áíéé ð í á ááðí óíí, í íçááí óúóáíí í í áé áí: áðé».

Á 1943 áíáð í óá íííáíáééé, è íí ííσáé í á óðííò. Ñòáé ñéááòíí 126-á ñòðáéíáíá í íééá. Èç-çá óúáíáí è í ááííéíáá ðííòá í á íáé è áí ó í íáíáðáòúíí áíáí í çð óíðí ó, è íí áíááé á áééíííé σéíáé è áíéúííéò íáí íááð × áðáç í áéíòíðíá áðáí ð áá éíí éííááéé í í ñíòííí çð çáíðíáíí.

Í íðíí áúéé òðáíííðé ñ áíííðáííáéáíéáí á Ñíçç í éííáðáéé, í íéíéíí íáí úé, ííáíáíáéáíéáí æéúíí. Á ááéúííáéσáí í óáð ðááíòáé á Ááðáéííéíí áíðéòáσéííòíéíí éíí èòáðá á áçáðá «Íéíééáéò». Í ííá í éííáé è í íéó: áé í éííí á íò ÷ èòáðáéé. Áíò íáíí èç í éú

«Óááæááí úé í éííòáéú É. Ðááéí! Á áçáðá "Íéíééáéò" íò 10 í áðòá 1946 á áúé í áíá: àòáí ááσ ðáííéáç "Éðáíí í áðí ááò Áíáá Çáðáíééé».

*Ότι ο πατήρ ιερέυ ή ανδαρε ου πατα ανηευαι εα γοει δαμνεασι. Ελαα γ αα ι οτ-εα ι αδατε
δαç ια ι ιαα οαδαουη γ ιο παç Αοι οτε δαç ελαα γ ι οτ-εα δαμνεαç πατει σταει υι, γ ιι γου
ι εαεαα αι ανδα η ανδρειαε δαμνεαç Νει ιε Εααη. Αια ααα δαç γ ε-*

*οαεα δαμνεαç ουνεει εραγυ, ιαδαταγ αα ια ουνεεε γατε. Αηα ατεε ανηευαιυ ε ι ια
η δαεεαεε ι οτ αοι οα.*

*Δαμνεαç ιαιεηαι η αεεεει ι ανδαηοαη. Ι ηεορεια-αηεε αηα ι-αη υι δααεεηυ ι ιαηη ιααη.
Αημεροαη-αηοαη ιαδααηυ ειοει ιαεοεα αεια-αηεεα ιαδαεεαηεγ. χεοαγ δαμνεαç
ιαδαεεααου αι ανδα η αα ανδρειαε Νει ιε Εααη. Α ιαι γοε ατρεεαηο ηαυοεγ ε ιαδαεεαηεγ ηαηε
αεεεε.*

Ο ααη ιαααη ια ατρεεααο αηι οηη ια ααοι οα γοι α ιεηυ α

*В ηαι α εç çαιαηιε Ααει ουνεε. Ι δεααεα ηπαα α 1941 ηαο α ια-αεα αηειυ. В δαηι οαη ε
ο-ουη α αη-αηι αε οεηεα δαηι-αε ι ηελιαεε. Ναηα ιεηυ ι γ ιεοο η αηεεεει ηηι çαηεαη, ο.ε αηεα ι-αη υι
çαι γοα ε ιεεαε ια ι ιαα ιαεοε αηη γ, αοιαυ ιαιεηου αα. Ι ι γ αηηοαη ηαιε αηεα ιαιεηου αη
ιαηεηεηη ηεηα Ι ηγοηι ο γ ιοει αεεα α ηοηοηο ηαιε ο-αηι εεε (αοηαεηηι ε ηεçαι αηαι ια αοοαηοαο
çαεηηοε) ε ιεοο αηι.*

*Ιαι αεεεα εçαηεε οαεεε αηηο ι ηεο αεεεεο ε αηοηαο ι ια εραεε, ε οαηαηυ γ ιαηα
ιαεηαοαηεα αι αηηι ι εοα, ιαι ιαη ιαη-αηοιαι Νει υ Εααη.*

*Ιηηεα ιεηι-αηεγ ηαηιαε οεηευ ια οηοαεηηη αη çαιεηαοουη εεοαηαοοηιε
ααγοαεηη ηηο ηη, εç-αοοη ααηεηεοη εεοαηαοοηιε*

*Ι ηαοο αηοου αη ιηαηεαεαοα ι ια εαε ηηηαηοαεοου ηαη ια-οα В αηεα αη αηι ι-αη υι
ι-αη υι αεαηηαοηια*

Αοαο η ιαοαηι αηεαη αηαοου αηοαη ιοαηοα

...Убили Михоэлса, закрыли комитет, арестовали его членов.

Для отца наступили черные дни. Почти каждый день приходила к нам жена писателя Оршанского и рассказывала, кого арестовали...

Ночью родители не спали. Мама ходила по комнате, курила... Шли годы лишений и страха, но отец не мог жить без творчества, да и жить надо было на что-то. Он пишет детские рассказы на русском языке под фамилией Рябин. Их читали по радио в детских передачах, печатали в журнале «Семья и школа». Затем новый шквал поголовных обвинений евреев в «космополитизме», «дело врачей», смерть Сталина...

На исходе 1957 года отец пишет о том, что приближается юбилейная дата ликвидации еврейской литературы, которой и по сей день не существует. Было отказано даже в проведении вечера еврейской литературы к 40-летию Октября в СП и т.д.

В дальнейшем отец много занимался литературным творчеством, был членом редколлегии журнала «Советиш Гейм-ланд». Помню те годы: все время отец работает, сидит за письменным столом и печатает на машинке. Его рассказы и романы построены на отличном знании материала и во многом по личным впечатлениям и переживаниям.

В последние годы его жизни вышли романы «У Немана», «Я вижу тебя, Вильнюс», «Хавеле Герем». Роман «Тот год» он писал в стол. Напечатали его после смерти отца в очень сокращенном виде.

Много рассказов и новелл напечатано в разных изданиях. Они переведены на польский, английский, французский, немецкий и другие языки. До самой смерти у отца была светлая голова и молодая душа. Он острил, шутил, улыбался своими лучистыми светлыми глазами. Никогда не ныл, а занимался творчеством, и сейчас он живет в своих произведениях.

ÀÀØÒÈ

ÈÏÏÓ Ðààèí

I

Голду спасло воспоминание. Когда в город вошли немцы, она убежала оттуда вместе с ребенком. Правда, в окрестных деревнях уже тоже были немцы. Все-таки она убежала. Растерянная, охваченная страхом, она старалась взять себя в руки: надо было найти выход, спасти себя и сына. Воспоминание вспыхнуло вовремя, и Голда с ее энергией и упорством ухватилась за него — оно указывало путь к спасению.

В семье Голду звали «артисткой». В жизни своей она лишь однажды, еще в детские годы, стояла на подмостках, и кончился этот «дебют» взбучкой и слезами. Прозвище «артистка» дано было ей тогда под горячую руку, но приклеилось надолго, почти до самой свадьбы.

Голда помнит, как много лет назад дети их шумного двора больше двух недель готовили свое Пурим-дей-ство. Голда играла роль Вашти. Она знала, что Вашти — не еврейка, больше того — даже враг евреев. Она и оделась не на еврейский манер. А раз Вашти — враг, то, вероятно, и не в своем уме. Так Голда восприняла свою героиню и так изобразила ее — полупомешанной крестьянкой, нескладно говорящей, тянущей слова, плохо соображающей, не способной сосчитать до трех и всех боящейся. Голда подражала нищенке, которую видела на паперти. Народ смеялся над ее гримасами и ужимками, удивляясь, что сама Голда при этом остается серьезной.

Словом, она представляла слабоумную, почти сумасшедшую. Подадут ей милостыню — благодарит, не подадут — тоже благодарит. Обижают — крестится, просто пройдут мимо — тоже осеняет себя крестом. Когда ее гонят прочь, она кидается целовать руки, когда проявляют к ней жалость, падает на колени и кланяется в ноги. В разгар спектакля во двор неожиданно ворвался отец Голды и так отшлепал ее по рукам, что они сразу покраснели и вспухли. Мать сорвала с нее одеяние нищен-ки.

— Сохрани и защити нас... Креститься? Тьфу, тьфу!

Игре пришел конец.

Долгие годы, когда она вспоминала про Пурим-действие, ей казалось, что руки все еще болят. Отец-то ведь был в ярости. И теперь, когда у нее снова мелькнуло это воспоминание, она тотчас взглянула на свои руки. Если б она не была так встревожена, так испугана, ей бы, верно, и сейчас показалось, что они ноют от боли.

II

«Откуда явилась эта дурочка, зачем принесла ее нелегкая? — возмущался какой-то мужчина. Столько бед навалилось на людей... И вот новая напасть — сумасшедшая. Пусть убирается!» Кто-то, однако, возразил: «Трудно ли в такое время сойти с ума?.. Разве не видно, что это жертва немцев?» Голду пожалели. Люди думали: «Трудно поручиться, что завтра похожая беда не случится и с нами...»

Так в деревне появилась еще одна нищенка.

Голда играла свою старую роль из Пурим-сцен, — представляла Вашти. Она носила полотняную юбку, старую, заплатанную ситцевую кофточку. На ногах — стоптанные ботинки. Голову кутала в большой деревенский платок, из-под которого виднелись лишь часть лица и спутанные волосы. Она водила с собой сына, который был как-то странно одет — не то мальчик, не то девочка. Лица у матери и ребенка были испачканы. Они садились где-нибудь на углу улицы, мать брала малыша на руки и затягивала какой-то невнятный, похожий на церковный, напев. Нищенка не просила. Только придурковато улыбалась, вытирала нос рукавом и смотрела в землю. Люди приносили ей еду, давали мелкие деньги. Она бормотала слова признательности, отвечивала глубокие поклоны и крестила сердобольных быстро и часто.

Бывали часы, когда Голда сама забывала, кто она на самом деле, и начинала чувствовать себя тронувшейся умом попрошайкой.

Иногда какой-нибудь прохожий останавливался и, жалеючи, спрашивал:

— Давно так живешь?

— С тех пор, как Б-г наказал, ангел мой, золотой мой...

— Как тебя звать-то?

— Меня... как зовут?.. Да кто его знает...

— А раньше как тебя звали?

— А раньше разве я жила? — она бессмысленно качала головой и крестилась.

— А как отец тебя звал?

— Нет у меня отца! Вашти, Вашти звал он меня, ангел мой, золотой мой.

— Ага, Васса, Василиса... Мальчику тебя или девочка?

— Не знаю, не разумею! — отвечала она уже совсем тупо и затягивала свою обычную невнятицу.

Прохожий подавал ей милостыню и уходил.

Стояло лето. В лесах появилась черная и красная ягода. На огородах уже могли бы поспеть огурцы. В заглохших садах на уцелевших деревьях созрели синие бархатные сливы; начали краснеть яблоки. Лето было еще в полной силе, а осень уже давала себя знать — то увядающим краем усталого листочка, то вечерней прохладой.

По вечерам Голда стала чувствовать страшную усталость, тяжесть в голове. Мысли путались, точно она и правда была не в твердом уме. Она пугалась самой себя. Пока ум ее ясен, она может прикидываться безумной нищенкой. Но если рассудок помутится, она не сможет играть свою роль и опять станет еврейкой, и погибнет вместе с ребенком. Как на зло, ребенок стал капризничать. Все лето он был смирен, точно чувствовал опасность, а, может, ему нравилось, что мама так весело играет — то качается и поет, то машет на людей руками и смеется. Теперь же не то игра ему надоела, не то он заболел. Он вдруг захныкал:

— Мама, хочу домой.

В порыве материнской жалости Голда на миг совершенно забыла, кто она и где, и ответила по-еврейски:

— Домой? Дитя мое, ты хочешь домой, ты, верно, болен! — Она обняла мальчика, прижала к себе, целовала, стала укачивать. И напев колыбельной уже не напоминал церковное песнопение, в нем зацокала копытцами еврейская козочка, от него запахло миндалем и изюмом. Когда она опомнилась, ее прошиб холодный пот: «Не заметил, не видел ли кто, не схватят ли ее сейчас?..» Послышались шаги. Она крестит ребенка. Крестит себя. Затягивает что-то церковное. Потом узнает прохожего. Этот подаст ей милостыню, остановится, начнет спрашивать.

— Эх-хе-хе! — произносит прохожий и действительно останавливается.

Мальчик открывает глаза. Голда пугается. Вдруг ребенок еще что-нибудь скажет. Она крепко прижимает его к груди и начинает петь. Поет громко, в полный голос.

— Убогая... Атакой голос красивый... В церковь ступай, дочка, в церковь... Будешь там петь. Я — староста.

Она кланяется старику, провожает его своим неподвижным взглядом:

— Верно, ангел мой, верно, благодетель, приду...

— Приходи, приходи, дочка...

— Мама, спой лучше про козочку, — просит ребенок. «Я не выдержу. Я сойду с ума...» — думает мать. С каждым днем ей становится все труднее, с каждым вечером — все хуже. Все чаще она забывает, кто она такая. Наплывают не часы уже, а дни, когда она чувствует себя свихнувшейся побирушкой и сидит оцепеневшая, в мозгу — ни единой мысли. Голова тяжелая и пустая. Вялая дремота наваливается на Голду.

Осень стала страшить дождями.

III

Церковь в селе — деревянная, под железной крышей. Внутри темно и неуютно. Впервые в жизни войдя в церковь, Голда остановилась, широко раскрыв глаза, и даже забыла перекреститься. Отец побил ее за то, что она крестила грудь, но знай он, что она будет ходить в церковь и молиться чужому богу, он бы ее, наверное, в колыбели задушил. А сама она? В детстве церковь была для нее символом вражды к евреям, капищем суровых попов и равнодушных черных монахов. Когда она повзрослела, ей безразличны стали и церковь, и синагога, она и думать забыла про Б-га — как про еврейского, так и про христианского. И теперь вовсе не к Б-гу пришла.

Старосте она тоже, в конце концов, сказала, будто ее зовут Вашти. Ему, видно, нравилось ее пение. И Вашти стала петь в церковном хоре. К счастью, теперь ей надо было казаться не очень уж сумасшедшей, а так, слегка придурковатой. Ну, это было в ее власти. Староста подарил ей ботинки, кто-то дал пальтецо: дело шло к зиме.

Но вот беда: староста, кажется, к ней неравнодушен. Сам он — рослый, с окладистой бородой, уже не молодой, но еще крепкий. Сострадание ли это к юривой или ему просто нравится ее пение, или так у него проявляется жалость к несчастной, которая мается с ребенком? А вдруг у него опытный глаз, который распознал под заплатанной одеждой красивое женское тело? Не догадался ли он, что ее спутанные лохмы можно расчесать и заплести в толстые косы? Каковы его намерения? Ей становится страшно.

Староста принес ребенку конфет. Он говорит: «Красивый ребенок, верно, в мать пошел». Если б ей не надо было разыгрывать полупомешанную, если б на сердце не было так горько, если б страх не пронизывал все ее существо, она бы наверно посмеялась: мужчина хвалит ребенка, желая отпустить комплимент матери, дает мальчику конфету, чтоб сладость ее почувствовала довольная мать. Но она убегает от смерти; она прячется с ребенком от беды; она — сумасшедшая, нищенка. Что ей делать — смеяться или плакать? Может быть, завтра он надумает принести угощение и матери тоже? Назавтра староста действительно приносит конфеты и пряники уже и для нее. Голду охватывает неистовый страх: она ждала этого. Уходя, он берет ее руку и спрашивает:

— Как зовут-то тебя?

— Меня... Не знаю.

— А как звал тебя отец?

— Отец? Вашти!

— Вашти... Красивая у тебя рука...

IV

Миновала зима. В начале весны староста исчез. Немцы пришли за ним, но найти не сумели. С утра до ночи они шныряли по деревне, искали в избах, в церкви, ко всем приглядывались, за всеми следили. В эти ужасные дни к Голде вернулось самообладание: она не выказала ни слабости, ни страха. Это спасло ее. Лишь когда немцы убрались, она снова почувствовала усталость; тупость и безразличие опять овладели ею. Нет, долго она не выдержит, у нее нет уже сил сохранять ясность мысли. Ее мучают дикие головные боли. Она, кажется, начинает заговариваться. Пугается всякого постороннего взгляда. Ей чудится, что немцы ищут ее, а не старосту. Однажды на вопрос, как ее зовут, она ответила: «Голда».

Она решила уйти из деревни. Здесь она больше не выдержит, не уберезет ни себя, ни ребенка. Жизнь отстывает от нее, а она тащится следом, но чем дальше, тем больше устает и тупеет, тем меньше у нее надежд удержать жизнь. Останется она, Голда, где-то здесь лежать мертвая. Ребенок будет стоять над ее телом, будет твердить, что хочет домой, просить спеть песенку про козочку, про миндаль. И погибнет от рук немцев.

Она уйдет. Куда? Куда глаза глядят. Внезапно в ней заговорило желание преодолеть смерть, материнское стремление спасти ребенка. Она должна уйти. Она сбежит от немцев.

Весна была в разгаре. И как раз в эти дни в деревню привели старосту. Пока что его никто не видел, но все знали, что он здесь. Узнали также, что он, оказывается, учитель истории и географии, что немцы собираются его расстрелять. Его поведут по улицам. Пусть видят, что от немцев не скроешься. Может, добьются от него хоть слова о сообщниках.

Голда тоже знает все это. Не убежать ли ей немедленно? Сумеет ли она протянуть еще хоть день? Не сорвется ли? По улице поведут старосту, который, стало быть, тоже играл свою Пу-рим-комедию, чтобы спасти людей. Хватит ли у нее духу смотреть на то, чем такая игра кончается?

Нет, она и минуты не станет ждать. Она не в силах видеть гибель этого человека, который привел ее в церковь, желая помочь (теперь она это понимает).

Она быстро собирает свои тряпки, заворачивает кусок хлеба, хватая ребенка на руки. Она готова.

Но неужели она не выдержит еще день? Убежать сегодня? Как раз тогда, когда по деревне погонят человека одной с ней судьбы?

— Идем, дитя мое, идем скорее, мы должны бежать...

...Она осталась, не убежала. По улице ведут старосту. Он идет впереди, за ним — немец с винтовкой. Немного поодаль — еще несколько вооруженных немцев. Голда спустила ребенка с рук.

Они подходят все ближе. Но Голде кажется, что улица удлиняется. В голове у нее страшная пустота, она не чувствует своего тела, ощущает только пальцы, их горячий жар. Староста идет впереди — это ее жизнь, которая рвется к спасению; немцы за ним — это смерть. Смерть, что грозит ей, ее ребенку, всем людям...

Пальцы растут, становятся огромными, руки наливаются неведомой силой.

Староста уже рядом. Избитый, истощенный, руки связаны. За ним — немец, смерть. Смерть не отпустит жизнь. Голда бросается на немца.

Люди в окнах, люди на улице видят, как сумасшедшая вдруг прыгнула и вцепилась немцу в горло. Голда же ничего не видит и ничего не ощущает, кроме своих рук: руки вобрали в себя весь ее страх, всю ее муку, безумие, жажду жизни и ненависть к врагу. Живой она не выпустит смерть.

Людям словно бы передались и отчаяние, и храбрость Голды. Смерти нельзя покориться, их натруженные руки тоже набухают ненавистью к врагу... Они кидаются к немцам!

снега. Когда Голда очнулась, руки ее были широко раскинуты, волосы — растрепаны, лицо — блее

Чувствует ли она, что староста сжал ее руки, слышит ли, как он зовет ее:

— Вашти! Товарищ Вашти!

Она слышит, она отвечает так, что слова разносятся по всей улице:

— Голда меня зовут, Голда!

נִי יְאִיאֵל

עֲמָאֵל אִיאֵלֵינִי צֵי יֵאֵל

Менаше быш сиротой. Жил он со своим дядей Менд-лом, стекольщиком, до того бедным, что не было у него сил прокормить и одеть даже собственных детей. Менаше уже закончил обучение в хедере и после осенних праздников собрался поступать в ученики к переплетчику.

С раннего детства он быш любознательным ребенком. Только научился говорить, как принялся задавать вопросы. Далеко ли до неба? Где пуп земли? А за краем света что? Почему люди рождаются? Почему умирают?

День выдался жаркий, душный. Городок накрыло золотистое марево. Солнце казалось маленьким, как луна, и желтым, как медь. Собаки слонялись, поджав хвосты. Голуби расселись посреди базарной площади. Козы, попрятавшиеся в тени соломенных крыш, жевали жвачку и трясли бородами.

Менаше поругался со своей теткой Двошей и ушел из дому, даже не пообедав. Ему уже почти стукнуло двенадцать. Быш он черноглазый, лицо вытянутое, щеки запали. Ходил босой, в рваной куртайке. Единственное его имущество составляла затрепанная книжка, прочитанная наверно раз сто. Называлась она «Один в дремучем лесу». Городок, где он жил, тоже опоясывали густые леса, которые, по слухам, тянулись до самого

Люблина. Как раз поспела черника, а кое-где, если повезет, можно было отыскать и земляничную полянку. Менаше прошел через пастбища и пшеничные поля. Сорвал колосок и с голодухи пожевал зерно. На лугах разлеглись коровы; их так разморило от жары, что лень даже было мух хвостом отгонять. Две лошади стояли, положив головы на гривы друг другу, и думали свои лошадиные думы. Среди поля, засеянного гречихой, мальчик с удивлением заметил ворону, примостившуюся на рваной шляпе пугала.

Менаше добрался до леса, где было попрохладнее. Там высились прямые, словно мачты, сосны, в коричневатых их ветвях посверкивал золотом солнечный свет, пробивавшийся сквозь хвою. Слышно было, как кукует кукушка, выбивает дробь дятел, хрипло и зловеще кричит какая-то невидимая птица.

Менаше осторожно ступал по мягкому ковру из мха. Потом перешел мелкий ручеек, весело журчавший по камням. Тишину нарушали только птичьи голоса и далекое эхо.

Он все дальше углублялся в чащу. Обычно он метил свой путь камешками, но на сей раз делать этого не стал. Ему было тоскливо, болела голова, подгибались колени. «Уж не заболел ли я, — думал он, — может, и вовсе умру. И тогда наконец повстречаюсь с папой и мамой». Дойдя до зарослей черники, он присел и, срывая ягоду за ягодой, принялся закидывать их в рот. Но ягоды голод не утоляли. Среди кустиков черники росли цветы с дурманящим запахом. Сам того не заметив, Менаше улегся наземь. И заснул. Но во сне брел дальше и дальше.

Деревья становились все выше, запахи все сильнее, огромные птицы перелетали с ветки на ветку. Солнце уже садилось. Лес поредел, и вскоре он оказался посреди равнины, над которой раскинулось широкое вечеряющее небо. И тут в свете сумерек перед ним предстал замок. Мальчик в жизни не видывал ничего более прекрасного. Над серебряной крышей вздымалась хрустальная башня. Бесчисленные окна замка были высоки, почти как он сам. Менаше подошел к ближайшему окошку и заглянул внутрь. Напротив, на стене, висел его собственный портрет. Причем художник изобразил его в роскошных одеждах; у него таких отродясь не водилось. Огромная зала была пуста.

«Почему в замке никого нет? — с недоумением подумал он. — И почему на стене мой портрет?» Мальчик на картине смотрел как живой, похоже, он с нетерпением ждал чьего-то прихода. И тут двери распахнулись, в зал вошла целая толпа мужчин и женщин. Все в белом атласе, на женщинах — сверкающие драгоценности. В руках все держали молитвенники в тисненых золотом переплетах. Менаше смотрел на них, широко раскрыв глаза. Он узнал отца и мать, обоих своих дедушек, обеих бабушек и других родственников. Узнал — и рванулся было к ним, хотел обнять, поцеловать, но стекло не пускало. Он

расплакался. Его дед по отцовской линии, писец То-биас, заметил его и направился к окну. Борода у старика была такая же белая, как и его одеяние. Выглядел он одновременно и старым, и молодым.

— Отчего ты плачешь? — спросил он.

Несмотря на стекло Менаше отчетливо его слышал.

— Ты — дедушка Тобиас?

— Да, дитя мое. Я — твой дедушка.

— А кому принадлежит этот замок?

— Всем нам.

— И мне тоже?

— Разумеется. Всей семье.

— Впусти меня внутрь, дедуля, — попросил Менаше. — Я хочу поговорить с папой и мамой.

Дедушка поглядел на него с нежностью:

— Настанет день, когда ты поселишься здесь вместе с нами, но время это пока не пришло.

— А долго мне ждать?

— Это — тайна. Должно пройти еще много-много лет.

— Дедуля, я не хочу столько ждать. Я проголодался, хочу пить, устал. Пожалуйста,пусти меня. Я так скучаю по папе с мамой и по тебе с бабушкой. Не хочу я быть сиротой.

— Дорогой мой мальчик! Нам все известно. Мы думаем о тебе, мы любим тебя. И тоже ждем, когда наконец окажемся вместе, но тебе надо набраться терпения. Прежде чем ты поселишься здесь, тебе предстоит пройти долгий путь.

— Прошу тебя,пусти меня в замок хоть на несколько минуточек!

Дедушка Тобиас отошел от окна и посоветовался с другими родственниками. А вернувшись, сказал:

— Входи, но только ненадолго. Мы покажем тебе замок и кое-что из наших сокровищ, но потом ты должен будешь уйти.

Дверь отворилась, и Менаше шагнул внутрь. Стоило ему переступить порог, как голод и усталость куда-то исчезли. Он обнял родителей, они прижали его к груди и расцеловали. Однако ни слова ему не сказали. В теле его появилась удивительная легкость. Он словно плыл по воздуху, и близкие плыли рядом. Дедушка распахивал одну дверь за другой, и удивление Менаше все росло.

В одной из комнат была собрана мальчиговая одежда — штаны, куртки, рубашки, пальто. Менаше догадался, что это — одежда, которую он носил с самого детства. Он узнал даже свои ботинки, носки, свои шапки и ночные рубашки.

Открылась вторая дверь, и он увидел все свои игрушки: оловянных солдатиков, которых купил ему отец; клоуна-марионетку, привезенного мамой из Люблина; свистки и губные гармошки; плюшевого медведя, которого дедушка подарил внуку на Пурим. И деревянную лошадку — ее подарила бабушка Шпринца в день, когда ему исполнилось шесть лет. На столе лежали тетрадки той поры, когда он учился писать, лежали карандаши и Библия. Библия была открыта на первой странице со знакомой гравюрой:

Моше держит скрижали с заповедями, рядом стоит Аарон в священнических одеждах, а по бокам — шестикрылые серафимы. На месте, где должно значиться имя владельца, он прочел свое имя.

Тут открылась третья дверь — и Менаше вообще задохнулся от изумления. Комната была полна мыльных пузырей. Они не лопались, как обычно бывает, а парили в воздухе, переливаясь всеми цветами радуги. В некоторых отражались замки, сады, реки, ветряные мельницы и разные другие вещи. Менаше понял: это те пузыри, что выдул он из своей любимой трубочки. Теперь они словно жили собственной жизнью.

Открылась четвертая дверь. Менаше вошел в комнату, где не было ни единого человека; однако же она наполнилась веселой болтовней, пением и смехом. Менаше услышал свой собственный голос и те песни, что пел, когда жил в родительском доме. Услышал он и голоса своих товарищей по играм, некоторых из них он уже успел позабыть.

Пятая дверь вела в большой зал. Там собрались герои историй, которые родители рассказывали ему на ночь, а еще — персонажи книжки «Один в дремучем лесу». Все они были там: Давид-воин с эфиопской принцессой, которую спас из плена; разбойник Бандурек, грабивший богачей и помогавший беднякам; Великан неслыханного роста с единственным глазом посреди лба, в правой руке он держал ель в качестве посоха, а в левой — змею; карлик Питцелес с бородой до земли — он был шутком при грозном царе Меродахе; двухголовый чародей Мельхиседек, который своим колдовством завлекал невинных девушек в греховные города Содом и Гоморру.

Менаше едва успел всех их рассмотреть, как отворилась шестая дверь. Здесь происходило что-то совсем невообразимое. Стены комнаты кружились, словно карусель. Одно за другим мелькали видения. Золотой конь на глазах превратился в голубую бабочку, роза, сияющая, как солнце, стала сосудом, из которого являлись на свет огненно-красные кузнечики, лиловые фавны и серебристые летучие мыши. На сверкающем троне, к которому вело семь ступеней, сидел царь Соломон; он чем-то напоминал Менаше. На голове его блистала золотом корона, а у ног стояла коленопреклоненная царица Савская. Павлин, распутив хвост, что-то говорил царю Соломону на иврите. Священники-левиты играли на лирах. Великаны размахивали в воздухе мечами, а рабы-эфиопы, сидя верхом на львах, обносили всех кубками с вином и подносами с гранатами. Несколько мгновений Менаше не мог уразуметь, что все это значит. Потом догадался, что видит собственные сны.

За седьмой дверью он обнаружил людей, зверей и много такого, что было ему незнакомо и непонятно. Тут все выглядело менее четко, чем в предыдущих комнатах. Фигуры казались прозрачными, их обволакивала легкая дымка. Возле порога стояла девочка — ровесница Менаше. У нее были длинные золотистые косы. Хоть Менаше и не разглядел ее как следует, она ему сразу понравилась. И он впервые обернулся к дедушке:

— Что это? — спросил он. И дедушка ответил:

— Это — твое будущее. То, что тебе предстоит.

— Где я? — спросил Менаше.

— Ты в замке, у которого много названий. Мы любим называть его местом, где ничто не исчезает. Тут еще много разных других чудес, но тебе пора уйти.

Менаше хотелось остаться в этом странном месте навечно — вместе с родителями, с другими родственниками. Он с мольбой взглянул на дедушку Тобиаса, но тот непреклонно покачал головой. Родители Менаше, казалось, хотели одновременно и чтоб он остался, и чтоб немедленно ушел. Они по-прежнему молчали, но делали какие-то знаки, и Менаше вдруг понял, что ему грозит смертельная опасность. Должно быть, это было запретное место. Родители молча помахали ему на прощанье, и лицо его запылало и покрылось влагой от их поцелуев. В тот же миг все исчезло — и замок, и родители, и дедушки с бабушками, и остальное.

Менаше вздрогнул от холода и проснулся. В лесу стояла ночь. Выпала роса. Высоко над кронами сосен сияла полная луна и мерцали звезды. Менаше увидел над собой лицо незнакомой девочки. Босая, в залатанной юбке; длинные косы отливают в свете луны золотом. Она трясла его и приговаривала:

וִי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֶת הַחֵלֶם וְאֶת הַחֵלֶם

עֵינַי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֶת הַחֵלֶם

Жил в одном украинском городке бедняк по имени Тоди. Была у него жена Шейндл и семеро детей, но он никак не мог их прокормить. Он чем только не торговал, но все без толку. Про Тоди так говорили: уж если решит торговать свечами, солнце вообще заходить перестанет. Его прозвали Тодилковач, потому что если ему когда и удавалось заработать, то исключительно хитростью.

Зима выдалась на редкость студеная. Снег все валил и валил, а у Тоди не было денег даже на дрова. Его семеро детей целыми днями лежали в кровати — чтобы не замерзнуть. В мороз голод всегда пуще, а у Шейндл в кладовке было шаром покати. Она осыпала Тоди упреками и причитала:

— Раз уж ты не можешь прокормить жену и детей, пойду к раввину, получу развод.

— И что, кушать его будешь? — огрызнулся Тоди.

Жил в той же самой деревеньке богач по имени Лейзер. Его за прижимистость называли Лейзером-скрягой. Он даже хлеб жене разрешал печь только раз в месяц, потому что считал, что свежий хлеб естся быстрее черствого.

Тоди множество раз ходил к Лейзеру, хотел занять немного денег, но тот всегда отвечал ему так:

— Я лучше сплю, когда деньги у меня в кубышке, а не у тебя в кармане.

У Лейзера была коза, но он ее не кормил. Коза приноровилась ходить по соседям, те ее жалели и давали картофельных очисток. А когда очисток не хватало, она объедала солому с крыш. А еще любила полакомиться корой с деревьев. Однако каждый год коза приносила по козленочку. Лейзер ее доил, но, будучи скрягой, сам молока не пил. А продавал его.

Тоди решил проучить Лейзера, а заодно и заработать денег, которые ему были ой как нужны.

Как-то раз сидел Лейзер на ящике и ел борщ с черствым хлебом (стульями он пользовался только по праздникам — обивку берег), и тут дверь отворилась, и вошел Тоди.

— Реб Лейзер, — сказал он, — окажи мне любезность. Моей старшей дочери Ваше уже пятнадцать, пора ее замуж выдавать. К нам на смотрины приезжает один парень из Янева. У нас все ложки оловянные, и жена стыдится — как это будущий зять будет есть суп оловянной ложкой? Не одолжишь ли ты мне одну серебряную ложку? Клянусь всем святым, завтра я ее тебе верну.

Лейзер знал, что клятву Тоди нарушить не посмеет, вот и дал ему ложку. В тот вечер никакой парень знакомиться с Вашей не пришел. Девушка как всегда ходила босая и в лохмотьях, а серебряную ложку Тоди припрятал у себя за пазухой. У Тоди, когда он только женился, у самого имелось столовое серебро. Он его все давно распродал, остались три чайные ложечки, которыми пользовались исключительно на Пейсах.

На следующий день, когда Лейзер сидел босой (башмаки берег) на ящике и кушал борщ с черствым хлебом, Тоди пришел снова.

— Вот та ложка, что я вчера одолжил, — сказал он и положил ее на стол вместе с одной из своих чайных.

— А чайную-то зачем принес? — спросил Лейзер. А Тоди ему:

— Твоя столовая ложка родила чайную. Это ее дитя. Я человек честный, вот и возвращаю тебе и мать, и дочь.

Лейзер устался на Тоди. Он слыхом не слыхал, чтобы у серебряных ложек было потомство. Однако жадность пересилила сомнения, и он с радостью принял обе ложки. Вот ведь повезло! Это ж надо, как удачно получилось, что он одолжил Тоди ложку.

Через несколько дней, когда Лейзер снова сидел (без лапсердака — берег его) на ящике и ел борщ с черствым хлебом, дверь отворилась, и вошел Тоди.

— Парень из Янева Ваше не понравился — у него уши ослиные, но сегодня вечером придет на смотрины другой. Шейндл варит для него суп, но ей стыдно подавать ему оловянную ложку. Не одолжишь ли ты...

Лейзер и договорить ему не дал.

— Хочешь одолжить серебряную ложку? Бери на здоровье.

На следующий день Тоди снова вернул серебряную ложку, а в придачу к ней одну из своих чайных. И опять объяснил, что ночью большая ложка родила маленькую, и он с чистой совестью возвращает и мать, и новорожденную.

А что до парня, который приходил на смотрины, то Ваше и он не понравился: больно у него нос длинный, аж до подбородка. Ясное дело, Лейзер-скряга был рад-радехонек. Ровно то же самое повторилось и в третий раз. Теперь Тоди рассказал, что Ваша отвергла жениха, потому что тот заикается. А еще сообщил Лейзеру, что серебряная ложка снова родила дитяtko.

— А у ложек двойни случаются? — осведомился Лейзер. Тоди подумал и сказал:

— Отчего же нет? Я слыхал, что однажды у ложки и тройня родилась.

Но вот уж и неделя минула, а Тоди к Лейзеру все не заглядывал. Но в пятницу утром, когда Лейзер (в подштаниках — штаны берег) сидел на ящике и ел борщ с черствым хлебом, Тоди пришел и сказал:

— Доброго тебе денечка, реб Лейзер.

— И тебе доброго дня, — ответил Лейзер как нельзя более дружелюбно. — Какой счастливый случай привел тебя сюда?

Уж не хочешь ли ты снова у меня одолжить серебряную ложку? Если да, то милости прошу.

— Сегодня я пришел просить об очень большом одолжении. Нынче Л вечером на смотрины придет молодой человек аж из Люблина. Он сын богача, и мне говорили, что вдобавок он и красивый, и умный. Мне понадобится не только серебряная ложка, мне нужна еще и пара серебряных подсвечников — он ведь останется у нас на Шабос, а жене стыдно ставить на стол наши латунные. Не одолжишь ли ты мне свои подсвечники? Сразу после Шабоса я тебе их верну.

Серебряные подсвечники — слишком уж большая ценность, но Лейзер-скряга колебался недолго. Памятуя о том, как повезло ему с ложками, он сказал:

— У меня в доме восемь серебряных подсвечников. Забирай все. Я знаю, ты мне их вернешь, как и обещал. И если случится, что кто из них принесет приплод, я не сомневаюсь, что ты поступишь так же честно, как и прежде.

— А то как же, — сказал Тоди. — Будем надеяться на лучшее.

Серебряную ложку Тоди как всегда спрятал за пазуху. А вот подсвечники тут же отнес одному купцу, выручил за них немалые деньги и отдал их Шейндл. Шейндл как увидела такую кучу денег, тут же пожелала узнать, откуда у него такое богатство.

— Вышел я из дому, а над нашей крышей корова пролетала и снесла дюжину серебряных яиц, — ответил Тоди. — Я их продал, вот откуда деньги.

— В жизни не слыхивала, чтобы коровы летали, да еще и яйца несли, — усомнилась Шейндл.

— Все когда-то бывает впервые, — ответил Тоди. — Не хочешь денег — отдай мне.

— Об этом и речи быть не может, — сказала Шейндл. Она знала, что муж ее хитрец и плут, но когда дети голодают, а в кладовке пусто, тут уж не до вопросов. Шейндл пошла на базар, купила мяса, рыбы, пшеничной муки и даже орехов с изюмом для сладкого пирога. Денег оставалось еще много, ну она и купила детям одежду и обувь.

Шабос в доме Тоди удался на славу. Мальчики пели, девочки танцевали. Когда дети спросили отца, откуда у него деньги, он ответил:

— В Шабос о деньгах говорить не положено.

В воскресенье, когда Лейзер (босой и почти раздетый — вещи берег) сидел на ящике и доедал борщ с сухой коркой, пришел Тоди, отдал ему серебряную ложку и сказал:

— Плохи дела. На сей раз, увы, твоя ложка ничего не родила.

— А с подсвечниками что? — забеспокоился Лейзер. Тоди тяжело вздохнул.

— Подсвечники померли.

Лейзер как подскочит — аж тарелку опрокинул.

— Ты что несешь? Как могут подсвечники — помереть?

— Раз ложки рожают, значит, и подсвечники помирают. Лейзер завопил-зарыдал и потащил Тоди к раввину. Раввин выслушал обе стороны и расхохотался.

— Поделом тебе, — сказал он Лейзеру. — Раз уж ты поверил, что ложки рожают, придется тебе поверить, что твои подсвечники умерли.

— Да это же полная чушь! — возмутился Лейзер.

— А ты что, ждал, что подсвечники нарожают еще подсвечников? — укорил его раввин. — Ты поверил в чушь, раз она принесла тебе прибыль, теперь ничего не поделаешь —

придется тебе поверить и в эту чушь, пусть она и принесла убытки.

На этом разбирательство и закончилось.

На следующий день, когда жена принесла Лейзеру-скряге борща и сухих корок, Лейзер ей сказал:

— Хватит с меня и корок. Борщ, пусть и без сметаны, слишком дорогое удовольствие.

История о том, как серебряные ложки рожали деток, а подсвечники померли, мигом разнеслась по городку. Все радовались, что Тоди обвел вокруг пальца Лейзера-скрягу. Подмастерья сапожника и портного, складывавшие песенки по всякому случаю, придумали вот что:

ὄλαι ἐὸν, ἑαέσιδ, ἢ δαίαι οἰ

Ἴ γαῖαι-ί ἐέε ἴί ἐάέεῖαι οἰ

Ὀὐ αἰτῆ: ἐς αἰτῆ: αἰ —

Ἐταεὲ ἰδεῖ αἰεὲ αἰὸ αἰ.

Ἐ εἰ δῖ αἰ ἰ δῖ αἰ ὀ αἰ,

Βεὸ πᾶ αἰ ἰ ὀ ἰ αἰ εἰ ἰ αἰ

Ἴ ἰ αἰ πᾶ αἰ ὀ ὀ αἰ ὀ —

Αἰ αἰ οὐ ὀ αἰ αἰ εἰ πᾶ ὀ.

Однако время шло, а серебряные ложки Лейзера так больше детей и не приносили.

Ἴ αἰ αἰ πᾶ αἰ εἰ εἰ αἰ Ἀ. Ἴ ὀ ὀ εἰ αἰ εἰ

Élîmô Êêîéoi îâe-:

«Ôai ào ý îîêpaeë íà àîp æeçíü»

Â ýoîî îîî àðà «Éââaeî à» î ù îðeðîâââî îîâîp ðââðeëé á êîîîðîé íàî àðàí ù îâeëéîâòü îðeçâââîéý íà-éíâpüeë àâðîðîâ Íðâââââî àíeî àíêp ÷eðàòâeëé îðeçâââîéý àâpòàíòà, eç Éâçòîðàíâ

«Î àý çîâò Éîmô Êêîéoi îâe-, òî-íâî Éîmô - î íà àâðeîîéî à èî ý, à íàðàíà - Æàíý, - î'eðàð îî. - B ðîâeëîý è æeâò àÀeî à-Àòà, êîîîðîé îîâðâeëé à îîîeë ðîðîýò ðòü çæeëeîîéîâ Àeàòâé È èâæàíâ òðð àeä eç íeíâ íàíîéíâò î òîî, ÷òî íàðîâeëüý á ÷üë-òî àâðeîîéî îîîéíòüë eââîíýü..»

Î íà 16 êàð, è ý ó-òüî à àâýòîî eëâîîâ Íîîeâîéâ àâà àââ - á æeî àâðeîîéîé àâðeîîéé òeíeâ òîîââ «Îð Àâîâð». Àîâ, ÷òî ý çîâp î àâðeîîéîâ, ý îîeë-èë îò îîîeë ò-eòâeëé: Î ýé, Ñâââââ è Î àeðà. Î î òî, ÷òî ý ÷âðòâîp îîîâ àâðeîîéîâ, àâeë î íà ðîâeëâeë.

Àâüîé 2001 (5761) àââ îðeçîeëîé î-àíü àæeíîâ æeý î àíý îîâüðeâ - ý îîâüâeë íà àîâî eðîîî eíîeðîâ îî Ñàíââó à Èçðâeëâ Ñàíââó ý îîêpaeë íà àîp æeçíü è íeëîââ íà ðàîðòàíòü î ýòé eíeâé. Ñ àâ eðàîîéé è òâeíîé ý îîçîââp îîîâ àââòüââ, à íà íââ òî àíý î îîâ îeâîíâ eç-òüü î àòàî àðeëé òàðòâeë-àîêp ðeçeëé, eüââeçî è ðüîîêp eëòââòüüü..»

B î-àíü æeââââââî ýoîî ó òâeâeðâeüîî ó àâðeîîéîé î eðð, àíçeëeòàî ó íà îðîîðòââ àüâeòâ Ñîâòîeíâ Ñîpçà, çà îîîâeë çàí-àòâeüüü òâðçâé îî àîâî ó ÑÎÁ. Çà òî, ÷òî îîâeíî ðàððeðü è àüòü òeüeòàíîü, çà îüòüâeâ îðe-àîðîîîðe è àâeíîââ, çà àâðàíîîðü ÷òî òü íà îâeíîé, çà àíçî îeíîðüâî àîâà îââæeëâòü çà Èçðâeëü è àâîéîâ-íî àíeâ òüââ îîâeðòüüü..»

Àîò è àîâ, ÷òî î îâð ðàîeçàòüî îîââ Íà îîâeüî îî ý îòââpîü î eíâòü.

***

Îòüé òâðàíî

È àüâ Àîâeëüü üe îeâçâé Î îoâ

«...È îðeâòüü òü îî îòâeëeëîâ è

Èçðâeëý è òâðp Àæeíòà...»

Ïî íeñ 3:18

È îîoâé Î îoâñÀâðîíîî, è îîâðâeëé îîé

îòâeëeëé îîîîâ Èçðâeëý... À çàòàî îðeðeëé

Î îoâñÀâðîíîî è îeâçâeëé òâðàíî..»

Ïî íeñ 4:29, 5:1

B-г повелел, чтобы к фараону пришла делегация представителей еврейского народа – люди авторитетные и отвечающие за свой народ перед миром. И Моше созвал этих людей, чтобы идти к фараону. Но до покоев фараона дошли только два брата.

Èòî òîòàíîâeë çââîî àââî eëó

Íò áðññéá í ïñõ, ñéàæàò «Í àò!»,
Ñíò óðéá æàç, ñì í éí óá ðáñ è óó,
Í á í ðñ ï ñò éá ñéáí ÿù è é ñáò,
Í ò èàæàòññ í áñéí ù áè ò ùññ
Á í ï ò í éá áæááí ááí ù ò ááá,
È ò í í í ááááòññ óé ð ò ùññ,
Í í è: áí ùáí ñáæà ò ù ñáé í ò ááò,
Áñá è áí í è, áñéíñá è è è óá
Çááú ò ùí çááú ò ùí ááññ ÿ ò í ò áðáá,
Ñ: áñ ò è è áñí, æóí ùí í ð è ò áñ ð è ò ùññ,
Çááñ è ò ùí áí ÿ è í ðñ ñáò,
Èáé í éíá, çà ò áí í è ò ùí æáçí è óó,
Óñá... Óñá í í ò áðññí ñéáá,
Í á ææ ò í é ñé ð: áí í í é ñò ð áí è óá
Í á í ò ù ñéá ò ù ñéáí çñ ñ ò í é è áò.
× ò í á í ò áñ ðñ æ í ò áá è è ò ùññ,
Ò ðñ í á ñ ò ù áááòññ á è ð ááò...
Èç á óéá ðáñ: á ð: áí í ù ò è ñò ðñ æ ó,
Èç ÷ á ðñ ù ò è áí í ù ò í í ðñá
Ááæ è ò áñ ðñá. Í í äëÿ í í í ðñ ò
Í ðéÿ ò í áé áñ éáé í ó ò ù á í á òñá,
Í áçáá, í í áá è ù ó á í ò áñ ðñ!
Í á áñ ááæàò ò áéí é í í òñá
È í í áñ á ò ùññ í á è è í í æ!
È è ò ù ááñ á í á ñéñí è è è ññí í í á
Ááæáí ùáí è äÿñ í í é ò ðááñæ,
È è ò ù ááñ á ááæ æ ó ò ùññ áí á ðáá
Áñ ðñ ò á - áñ ò ù á ó áñ ðñæ.

*Êàè êíàèà ñààè àóéí úó àíà,
Àñò ðá:àþò íàðàíà ííðíàè,
Í àðàíàèàþò ÿòíò àñíà
Ííè, èäóò íà òíèí ííèíàèé,
Çàòàí ñíàèàþòñý, èàè á àñíò,
È àèäýò, íàéííàò, ÷àðòíàè
Àèàñò èòàèý, è èðàí èèé ñàíà
Èò àààèò òàí ííòíþ, áíàè
Áàáòò íí ñòàíàí ñàíé íàðíà,
È ñàí úé ñòðàòíúé -
òàñò èðíàèé...*

Òíàà íí íà:àè: «Í íé íàðíà...»

Êíýèàò

*Áàèèèè Èçàèèñèèè òàðíí
Íàðàòèè ñàíà ñàðòòà ííñòè:ù
Çà:àí æèàíò àñýèàý òàðíí
È ðàè ÷àí íóèíí æèòù
È ííýè òíàà Êíýèàò,
×òí àñí - ñàòò à ñàòò.
Áàèèèè àààè è ì óàðòò
Íàðàòèè ñàíé ðàçòí ííýòù
Êíàà àè í ðèààò èííàò,
È èàè àí ó òí èðàòù
Íí òàí ñà èçàíí òòù íàò,
È àíà ñàòò à ñàòò.
Áàèèèè ì ùñè òàèù àéíà
Èñèè òí àðàí ý, èíàà,
Èçààèèèèèííò íéíà*

Í ðeõíæè ì èð í àáíááá
Í í áí ò áeá ò úíí; è éá ò
Áíá ííá ò à ííá ò.
Áæèèèé áíáá: áíá ò èðááá
Í ú ò áéíí í áe ò è ðáçè: úá
Í áe ííáíáí è í è ù è ò ðááíá
È íeéíé, áíá ò ò áí, áæè: úáí.

Í í í í á á áí áá áá,
Éáí áíá ííá ò à ííá ò.
Í ðí áæáá í áí í í ú é ò ðáá,
Í á áííí è è íí ú íé à í áe,
Í í á áá: í í ò è áóáá ò ííá
Áéí áíá: áéí áá: áíé è ò áó
Á ý ò í è áí ò ú í ò áá ò
Í á ííá ò ó ííá ò.

Í óðèì

Í á ò ðá: è, í á ò íéíá
Í á íéú ó áí áíéíí è á
Í í í í áíé çáí éá í ðí ò í áe ò ÷ á ò à è á
áí í é ð á é í áíé á í í é - íéí á á è á

Ò á è è è ì, 19:4-5

Áeè ò áá ò ó á ð í é á í á áe áá,
Íeè áá í í í á é á í é í ó á ð í é è ò ç á é í á
È ó á ð í é è á é í á é ú ð ò í í í áe á ó
Í á í ò è ð í á áe í: á í á é í ò á é é í á
Ó á ð í í ð á ç á í ú ò áe á í í é í í á
Á í á á á í ò á, á í á á á á í ð í á í
Í è ð á é ý í á ç í á ò í í á í á ð í á á -

- Я что-то не вижу ни одного верблюда. Хотя, если ты заменяешь их... Кстати, что ты здесь делаешь так поздно?

- Это страшная тайна... На самом деле я не еврей, а амалекитянский шпион, царь амалекитян дал мне тайное поручение украсть самую красивую еврейскую девушку Ахсу! Все это время я выслеживал тебя, чтобы сегодня ночью...

Она отвернулась.

- Это не смешно... В такую прекрасную ночь даже имя этого народа не должно упоминаться.

Она посмотрела на звезды.

- Прости, я не хотел. Как твой отец?

- Вроде нормально... Но ему тяжело. Их только двое во всем стане, переживших ВСЕ ЭТО. С того дня, как он побывал в Хевроне, он не может думать ни о чем другом... Какой ужас: они были у самой цели, оставался только шаг...

Ветер усилился; он шевелил ее волосы, нежно украшая и причесывая их.

- Ахса, я люблю тебя. Она опустила глаза.

- О чем ты подумала?

- Помнишь, «...и служил Яаков за Ра-хель семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее».

Вдруг ветер прекратился. Она вскочила, взяла кувшин из его рук. И сказала:

- Мне надо идти. Папа ждет. Потом немного постояла, как будто еще сомневаясь: уходить или остаться.

- Спасибо за то, что ты сказал мне. Первой я бы никогда не решилась...

Как тень она проскользнула по мягкой траве и исчезла.

Он сидел возле камня, где только что была она, и думал. «...Показались ему за несколько дней...» А что он, Отниэль, готов сделать ради нее?

Уже светало. Он встал и пошел между оживающими шатрами. Звезды медленно исчезали с небосвода - скоро и мы должны отправляться. Иеошуа вышел из своего шатра. Он выглядел бодрым, но Отниэль знал, что всю эту ночь он тоже не смыкал глаз - молился, пытался понять: победу или поражение принесет этот новый день?

Иеошуа давал быстрые короткие указания, все больше людей подходило к его шатру. Только сейчас Отниэль заметил два приближающиеся к стану силуэта. Наверно, они проделали очень большой путь: одежда на них была сильно изношенной и рваной, ослы шли понуро, еле перебирая ногами.

А он рассеянно смотрел на новый день и все думал: «Что я готов сделать ради нее? А ради своего народа? А ради Него? Что бы ты сказал мне сейчас, дедушка?» И как будто слышал ответ: «...всем сердцем своим, и всей душой своей, и всем существом своим».

ÁÁÍ Û ÎÁÍ Β È ÑÎ ÈÈ

*Ñòááè èáññá óí ù èùò è çááðí óáí í ùó,
Ì ù ïñò ááèÿáì òèáá á í òèÿò í áñéí óáí í ùì,*

Ì ù æááì áññóáé í áçááí ùó è í áí òí óáí ùó

Ñáí è òááò áé.

Î. Î áí ááèùò òáì

На двух ногах держится мир, и первая нога - S-dom city, а вторая нога - На Mora city. Крепко, надежно уперлись эти ноги в землю, можно сказать, вросли в нее, так что уже не собьешь, не вырубешь. А в чем их сила? В непохожести. В том, что полной своей противоположностью друг друга дополняют.

Нет человека, который, единожды побывав в S-dom city, не был бы поражен и одурманен его красотой, его разнообразием. Он воплотил в себе все, что собирало и хранило человечество веками, подытожил, поставил точку во всех культурных поисках общества. S-dom city - главное место паломничества, столица всех мировых религий. Тут протекает вся культурная жизнь, это и курорт и научный центр одновременно. Вся элита общества сконцентрирована здесь: художники, врачи, писатели, поэты, лучшие в мире актеры и режиссеры, скульпторы, короче, такого тут можно повидать и встретить на каждом углу, что даже у самого закоренелого прагматика через пару минут пребывания на проспектах этого города голова начинает идти кругом... Да. S-dom city - город экстраординарный, весь кричащий и яркий.

На Mora city зато - город совсем другого стиля и направления. Он, как гигантский улей, муравейник, где каждый знает свое дело, действует уверенно, быстро и точно, и все эти действия срастаются в один безупречно работающий механизм. В серьезных стоэтажных громадинах На Mora city, высеченных как будто из цельного стеклометаллического куска, крутится половина всех денег нашей планеты. Любого, кто попадает сюда, моментально захватывает течение бизнеса, вместе с воздухом втягивает он страсть к "деланью денег", потому что На Mora city - единственный город, в котором каждый реально может стать миллиардером.

И ведь связь между этими двумя опорами, столпами нашего общества, заключается не только в том, что в На Mora city находятся продюсеры для актеров и режиссеров и меценаты для художников и поэтов из S-dom...»

Дальше на шершавой поверхности газетного обрывка было небольшое черное пятно с дыркой посередине, за ним еще можно было разобрать «Нет, не это...», но остальной текст уходил за обуглившимся краем.

Плавий выпустил лист из рук и тот, подхваченный легким ветром, вместе с пеплом унесся прочь по пустынной улице. Плавий никак не мог понять, зачем эта до ужаса бездарная и безграмотная рекламная статейка, не предназначенная ни для каких других целей, кроме завлечения туристов, была брошена в огонь. Может, все дело в авторе - каком-нибудь нищем журналисте, не научившемся писать в духе времени, а потому постоянно чем-то восхищающемся и кому-то подхалимствующем, так что он даже сам не может понять, кому и зачем? По какому принципу они выбирают? Может, они просто кидают все, что попадает под руку? Хотя нет, наверное, эта рекламка попала туда случайно, и ее тут же выхватили, не дав сгореть до конца. «Да, - подумал Плавий, - я уже совсем ничего не понимаю... Так она и приходит... Сначала ты просто почти ничего не понимаешь и почти ничего не можешь сделать, а потом мертвеешь, мертвеешь... Чем отличается еще живой старик от уже мертвого? Почти ничем». И тут же ему пришла мысль, что все это он подумал принудительно и совсем неестественно. Не в сознании приближающейся смерти кроется главная причина беспокойства, которое все чаще и чаще терзает его последнее время. То есть в нем, конечно, но это не то, что соответствует целому блоку образов и штампов под названием «старческая меланхолия из-за понимания собственной бесполезности». Есть что-то еще. Плавий вспомнил, что подобные приступы сжатия в груди он испытывал перед Великой Народной. Может, это как-то связано с Дядей? Неужели он опять встретит Дядю? Плавий вдруг улыбнулся и повеселел от этой безумной идеи. Хотя, что в ней безумного? Могли он, неразумный, глупый Плеавр, предположить тогда, во время разделения, что они встретятся снова, да еще и при таких обстоятельствах. Почему бы чуду (а если в жизни происходит нечто, к чему Дядя имеет хоть какое-то отношение, то оно непременно должно быть чудом) не повториться?

Остатки мимолетной радости улетучились, и беспокойство вновь сдавило Плавию. Ярко пронесли у него в голове два эпизода: он уже дважды навсегда расставался с Дядей. Это было необходимо, он был вынужден сделать это! Первый раз сам Дядя просил его об этом, второй раз Цивия так упорно не хотела покидать S-dom city, а Дядя, конечно же, не мог остаться - такое даже представить невозможно... Откуда же у Плавию этот вечный мерзкий осадок, как будто можно было избежать всего этого, как будто можно и сейчас все исправить, все вернуть? Конечно, бред.

Улица была пустынна, изредка проезжали машины и автобусы. Такая сонливость воскресным утром стала теперь обычным делом для города, тем более -здесь, на самой окраине. Город отсыпается после активной ночи...

Профессор Плавий (Плеавр по паспорту) Лотт жил в своем частном доме, что было большой редкостью для S-dom city. Многие мечтали перебраться в свой дом из тесных квартир в панельных многоэтажках, но мало кому это было по карману. Дом, однако, находился далеко от центра: в том месте, где главный проспект города - Vera str. - резко сужался и превращался в обычную загородную трассу. Из-за такой удаленности профессору Лотту каждый день приходилось тратить на дорогу более получаса, сейчас же из-за постоянных заторов и пробок на это могло уйти и более двух часов.

Сандалии беззвучно касались асфальта, погода была светлой и тихой, свежий ветер дул легко. Подобная прогулка всегда доставляла Плавию удовольствие. Но беспокойство со вчера мучило его, мучило непрерывно, и он никак не мог отвлечься. Плавий вспомнил, как три дня назад возвращался с работы. Издалека увидев огромный огненный столп, взвившийся до самого неба, он решил все-таки посмотреть на это. Плавий подъехал к центральной площади и вышел из машины.

Самого костра видно не было из-за толпы людей, окруживших его. Огонь жарко играл за и над их головами. Толпа состояла в основном из подростков 14-17 лет, но были там и люди постарше - за 20, а то и за 30. Они равномерно рассеялись среди подростков и держались особенно уверенно и жестко, были одеты в черное, и слегка прищуренными немигающими глазами неотрывно смотрели в огонь. Вся толпа была сильно возбуждена, дергалась, подпрыгивала и что-то орала - наперебой и неслаженно, так что невозможно было разобрать слов. Огонь бешенство-вал, трещал, был громок и ярок.

Плавий подумал, что такой огромный костер не получился бы из кучки книг, они, наверное, добавляют туда какое-то специальное топливо... Он отошел в сторону и сел на скамейку так, чтобы удобно было наблюдать за толпой и при этом находиться на достаточном от нее расстоянии. Прошло около получаса. Толпа все разрасталась, к костру двигались новые группки людей со стопками книг и охапками газет. Среди них встречались уже вполне солидные мужчины средних лет и прилично одетые домохозяйки. Напряжение в толпе возрастало. Плавий пытался понять, чем конкретно заняты все эти люди, кроме того, что смотрят на огонь и орут что-то невнятное. Но это было всё. Больше ничем конкретным они не занимались. Или так: всё, чем они были заняты, - это они сами. Они занимались собой и друг другом. Они делали с собой нечто, очень сильно их изменявшее, они как будто переворачивали все внутри себя. И чем больше они делали это, тем больше энергии высвобождалось наружу, но само действие их было направлено внутрь, а не вовне. Плавий попытался найти какое-нибудь слово, которым можно было бы назвать весь этот процесс, и ему пришло на ум только: они разогревают друг друга. То есть не просто «разогревают», а в прямом смысле поднимают свою температуру. Похоже ли это на наркотики? - попытался определить Плавий. Нет, если это и было похоже на наркотик, то только на очень сильный и действующий замедленно - постепенно наращивающий обороты.

В эту минуту, когда Плавий, сидя на скамейке, изучал поведение толпы у костра, на него накатила первая сильная волна беспокойства. От неожиданности и беспричинности у него перехватило дыхание, как будто он вдруг с размаху погрузился в воду. Плавий отвел глаза в темноту и схватился левой рукой за крашеное дерево. Он выдохнул, и стало гораздо легче - как будто вынырнул. Плавий еще некоторое время приходил в себя и бездумно скользил взглядом по темным пустым скамейкам на самом краю площади, пока беспокойство совсем не ослабло.

Вдруг Лотт увидел еще одного человека, не участвующего в сборище у костра, а так же, как и он, наблюдавшего со стороны... Плавий сразу почувствовал неестественность в этом человеке, но никак не мог определить, в чем конкретно она выражалась. Пока не понял: отблески огня, освещавшие листву за его спиной и скамейку, на которой он сидит, его самого совсем не касались. И все же лицо его было видно четко, но не в свете костра, а в каком-то другом, более равномерном и густом, источником которого, как подумалось вдруг профессору, были его собственные глаза. Крик толпы нарастал, усиливался жар костра. Никто, кроме Плавию, не замечал этого человека. В новое острое чувство погрузился Лотт: ему стало

страшно. Свет, который, как показалось ему только что, лился из глаз человека, теперь был еще ярче, так что не оставалось никаких сомнений, что это не отражение яркой луны и костра, а наоборот -чем сильнее становился свет из его глаз, тем ярче разгорался костер, и ритм рева толпы совпадал с мерцанием его жуткого взгляда.

Логт зажмурился, встал со скамейки и быстро, не оглядываясь, вернулся к машине и уехал с площади. Но с тех пор никак не мог забыть этого взгляда. Память о нем соединилась теперь с засевшей в груди Плавия занозой беспокойства, и они вместе преследовали Логта. Плавия передернуло, он разозлился на себя и пошел быстрее. Здоровье... Он подошел к дому и поднялся по ступенькам. Может, он действительно заработался? Или это все прогулки по выходным? Всё. Теперь горячего чаю с лимоном. И в кровать. И всё.

- Плав! Почему тебя не было так долго?

- Я гулял, Цива!

Цивия занималась чем-то на кухне: шумела вода и гремела посуда. Плавий медленно прошел в зал и лег на диван, подложив под голову небольшую вязаную подушечку. Спать не хотелось. Он протянул руку к пульту и включил телевизор. Реклама... Он раздраженно переключил на другой канал. Транслировали вчерашнее Событие. Громко трещал костер, посреди него стоял хорошо сложенный голый мужчина лет тридцати. Костер был не очень большим, но быстро разгорался. Где-то на заднем плане виднелись люди, которые вели хоровод вокруг костра и мужчины.

- ...В огне возрождение. Мы возникли из пепла предыдущих, а следующие возникнут из нашего пепла. Сгорая и уничтожая, мы выделяем основное - то, что нельзя сжечь и уничтожить. Зачем что-то, в чем нет сути, - оно мешает. Все вокруг как будто в тумане и нет счастья, потому что счастье - это суть, которую надо освободить. Когда мы желаем - мы гонимся за желаемым. Мы гонимся, а когда достигаем, то оно - совсем не то, чего мы хотели. Потому что мы все в грязи и не видим, не знаем, чего хотим, не знаем зачем...

Его ступни, видимо, сгорели, поэтому он как-то весь накренился и упал на колени, не надолго остановившись, а затем продолжил, не закончив предыдущую фразу:

- Очищение от грязи - освобождение. Сожжение - очищение. Если имеешь суть, то зачем грязь? Грязь - это старое, которое накапливается. Суть - новое, которое выделилось из грязи и уничтожило грязь. Что - чистая основа? Пепел. Его нельзя сжечь, потому что он уже сожжен, его нельзя уничтожить, он вездесущ и разве не легче он всего? На нем все построено, значит, через него все должно обновиться, когда он станет свободным. Он станет свободным.

Пламя полностью скрывало его лицо, поэтому было еще не ясно, сгорел ли он окончательно, но он замолчал. Плавий выключил телевизор.

Ему захотелось было спать, но он не смог уснуть. Беспокойство превращалось в какое-то навязчивое ощущение, состояние мыслей, хотелось уже довести его до крайней, последней черты и, наконец, избавиться. Плавий отогнал наваждение. Нужно было заняться чем-нибудь. Плавий встал, подошел к телефону и набрал номер.

- Алло, Риона. Как у тебя дела? У меня все в порядке. Да. Сейчас, подожди...

Он прижал трубку плечом и подошел к двери.

- Кто там? Да, это Ния с Халомом. Так ты собираешься? Ааа... Ну хорошо. Нет, не приходил. Я думаю, будет ждать тебя возле театра. Когда ты закончишь? Хорошо, хорошо... Пока!

- Привет, папа!

- Добрый день!

- Привет. Добрый день, Халом, добрый день.

- Мама! - Ния прошла на кухню. Плавий вернулся в зал и сел на диван.

Халом сел напротив в кресло. Плавий поморщился и облокотился на спинку.

- Я что-то весь день сегодня неважно чувствую себя...

- От этой погоды у меня тоже постоянно раскалывается голова. И вы понимаете, это уже тянется несколько недель, может, действительно что-то взрывают...

- Как у тебя на работе?

- Все хорошо. Вчера закончил еще две статьи по мифологии, хотя, в общем... не самые удачные, наверное. Я не включу их в «Соляной Столп».

- «Соляной Столп»?

- Ах да, я же вам еще ничего не говорил. У меня совсем недавно эта идея возникла... Проследить как бы нить последовательных культурных перевоплощений, провести параллели между древнейшей мифологией и самыми современными течениями в эсдомовском искусстве... То есть не просто найти какие-то точки пересечения, общую проблематику, а показать, что одно вытекает из другого, что если хотя бы мелкую деталь мы уберем или позабудем, то все остальное тут же разрушится, потеряет свою истинную красоту и ценность. Так вот, один из главных мотивов в нашей культуре, который я собираюсь рассматривать, - мотив столпа. Нечто фундаментальное, основное, как бы стержень мира. Очень часто встречается и в живописи, и в литературе, даже в музыке, помните, как там у Юваля... Так вот, получается, что я провожу параллель... Этот «столп» представляется мне символом всего нашего культурного богатства. Пополняя его, мы постепенно наращиваем тот самый столп, о котором говорят все древние учения. Нарастивая столп, мы упрочняем основу народа, человечества. Получается связь поколений, можно сказать преемственность, нить... Не знаю, как еще все получится, но у меня уже набралось прилично заготовок для серьезного труда, и я уже давно думал о чем-нибудь таком, но не знаю...

- Интересно. А почему «соляной»?

- Это я взял уже из современной философии. Для многих приверженцев так называемой «философии огня» слова «соль» и «пепел» звучат как синонимы. Понимаете, соль придает пище вкус. Необходимый универсальный атрибут пищи, который добавляется повсюду, а пепел...

- Да-да, я знаю.

Плавий впал в задумчивость.

- Халом, может, ты хочешь кушать?

- Нет, мы из дома. Только пообедали.

- Соль... Ты видел последнее Событие?

Халом не успел ответить.

- Здравствуйте!

- Хатан! Риона только что мне звонила и спрашивала, заходил ли ты.

- А где она?

- У них опять репетиция! Я ее вообще не вижу дома в последнее время.

- Ее можно понять. В среду премьеры. Привет, Халом!

Они пожали руки.

- Я тогда пойду. Встречу ее у театра. Кстати, вы опять забыли закрыть дверь...

- Вы разминетесь! Лучше подожди здесь, она должна скоро прийти.

Хатан прошел и сел на диван. Рассеянность Плавия вдруг исчезла, он оживился.

- Я тут спрашивал у Холома, - обратился он к Хатану, - по поводу последнего События. На меня очень подействовало... Вообще вся эта ситуация! Такие движения - очень опасная вещь.

- А что такого было в последнем Событии? - Хатан наморщил лоб, как будто припоминая.
- Я, кажется, смотрел вчера вечером, только поздно было, я ничего не запомнил...

- Да не только последнее! Если они готовы сжечь себя, значит, готовы и других! Это не нормально, такой фанатизм - явление, которое может возникнуть только в нездоровом обществе. Я говорю про единичный случай, но тут же массовое... Это же опасно, это хуже чем симптом! Но не хотят, не хотят даже думать!.. Ты не согласен, Хатан?

Хатан быстро сменил выражение лица, а потом немного помолчал.

- Если честно, не согласен. Мне кажется все сложнее и проще, чем вам кажется. Надо просто внимательней, что ли, ко всему этому приглядеться... Конечно, это массовое молодежное движение, весьма влиятельное, но в этом же нет ни-

чего страшного! Влиятельность и распространенность - не повод для беспокойства, потому что это как стиль жизни, как язык, как хобби... События выглядят дико. Но они только дико и могут и должны выглядеть!

- Может, я чего-то не понимаю? Ты так говоришь, будто если завтра они выйдут на улицы и начнут резать всех подряд, ты сразу же объявишь это новым модным хобби.

- Ну, хорошо. Давайте я постараюсь объяснить. После Великой Народной все было разрушено, вся экономика страны подорвана. Нужно было восстановить. Эта была идея. Мы должны были восстановить свою страну, и мы сделали это, потому что все не хотели жить бедно, а хотели жить богато, и все хотели, чтобы их дети жили еще богаче. Теперь S-dom city и На Мора city - мощнейшие в мире мегаполисы, а мы - мощнейшая держава. И теперь приходят новые молодые, для которых все это делалось, которые и должны теперь жить богато и счастливо. Но в том-то вся и штука: их так научили, что они тоже не могут жить без единой стержневой идеи, какого-то столпа. Они переполняются энергией, и если ее сейчас не выпустить - будет взрыв. А наша идея им уже не подходит - она в прошлом, она осуществилась.

Хатан замолчал.

- И что?

- Исторически я из такой ситуации вижу два выхода. Либо они находят «идею» в своих самых грубых и массовых инстинктах. Такой путь ведет к наркотикам, сексуальным извращениям, а в конце концов - к полной деградации. Либо выбирают себе новую, настоящую идею. Она должна быть шокирующей, пугающей, она должна казаться противоестественной, то есть перечеркивать все предыдущие моральные законы, всё, что связано со старой, изжившей себя идеей. Так должно быть - иначе за ней не пойдут. Но это будет идея, которая хоть как-то, но поведет нас вперед, а не назад. Поможет развиваться, а не распадаться, как все предыдущие мировые цивилизации, достигшие военной мощи и материального благополучия.

- Но саму-то эту «идею» ты понимаешь? Они говорят об огне как об «очищении», как о выделении лучшего. Ведь ты должен понимать, к чему это ведет. Почему бы им не взять эту функцию выделения (точнее, разделения) на себя? Почему ты думаешь, что они не возьмутся решать, кто пепел, а кто - только грязь...

- По-моему, Плеавр, вы просто неверно понимаете суть... - В разговор вмешался Халом. - Ведь эти люди, которые так шокируют вас на Событиях... Они же идут на это сознательно, более того, они готовятся годами, это же великая честь и далеко не каждого допускают к такому... К тому же все это - только с согласия род-

ственников. И вообще у них главный принцип - добровольность. Во всем, даже в пустяках. Никакого насилия - это же у них основа, первейшее положение. И к тому же вы забываете о вечерних кострищах, этой уникальной групповой психотерапии. Ведь это - лечение души, даже невозможно представить, какую огромную пользу это приносит. Заметьте, как сократилось за последнее время число самоубийств в городе! И если уж подходить так сухо, арифметически, то, я думаю, людей, удержанных философией огня от самоубийства значительно больше, чем тех, что сгорают в кострах.

Цивия с кухонным полотенцем уже стояла в дверях.

- Пошли чай пить, - сказала она. - Чай с завитками, Ния принесла.

Они сидели на кухне.

- Замечательные завитки! Почему Риона их никогда не покупает? Спасибо!

Хатан встал.

- Ты уже идешь?

- Видимо, Риона все-таки задержится. Я ее встречу.

Он ушел.

- Что ты говорил, Халом?

- Я говорил, что мы постоянно слышим: «Настоящий роман навсегда ушел в прошлое», но ведь это всегда было так...

Новый приступ беспокойства стал давить Плавия.

- ...И вдруг лет через двадцать обнаруживается, что в то самое время, как они кричали о гибели литературы, творились такие гениальные произведения...

- Плав, выпей! - Цивия протянула Плавии таблетку и стакан воды. Халом замолчал.

-Что?

- Ты уже весь день сам на себя не похож! Выпей.

Плавий взял стакан воды, таблетку и встал.

- Я пойду в комнату, прилягу.

Он вышел из кухни. Ему было душно, очень хотелось воздуха и простора, глазам было больно наткаться на близкие предметы. Он вышел на крыльцо дома, по-прежнему сжимая в руке стакан и теребя таблетку. Плавий прошел чуть-чуть по дороге и остановился у замысловатой арки в стиле пост модерн, на которой сверху узкими прорезями было написано «Добро пожаловать в S-dom city!» Он оперся на арку руками, потом облокотился всем телом. Легче. Он успокоился. Плавий хотел положить таблетку на язык и уже поднес стакан, когда по нему ударила новая волна. Бессильно и резко он уронил руки, и вода выплеснулась на дорогу.

Снова все прошло. Легкая усталость разлилась по телу, а мозг заработал неестественно ясно. «Так и с ума недолго сойти», - подумал Плавий. Он все держал стакан в правой руке, а таблетку - в кулаке

левой. Он отдышался и еще раз подумал, что надо быть готовым к следующему приступу. Но тот все не наступал. Пла-вий расслабил тело и стал смотреть вдаль. Дорога пуста.

Появились две мелкие фигуры. Они шли в город. Плавий подумал, что это паломники, их в последнее время он встречал все больше и больше: все они идут пешком и верят, что здесь их научат сгорать на кострах.

Плавий не определил бы потом, в какой момент он узнал одного из них. Во всяком случае, это было на расстоянии, когда еще невозможно разглядеть лица. Плавий увидел не лицо, а взгляд. Три дня взгляд мучил его. Три дня он пытался забыть взгляд. Три дня он постоянно помнил взгляд, во всех подробностях помнил. И, наконец, он увидел взгляд. Плавий не мог больше терпеть. В этом взгляде - разгадка, разрешение. Надо все решить, нет сил терпеть. Всё - во взгляде. Плавий оторвался от арки, пошел (ему показалось, побежал) и мгновенно оказался возле путников, как будто не было между ними никакого расстояния.

Их было двое. Тот, которому принадлежал взгляд, сейчас не излучал никакого света, выглядел как самый обычный человек, в его походке было много меланхолии, безразличия, отрешенности. Это был самый распространенный тип современных паломников, самый (даже до странности) стандартный. Одежда пыльная, истертая после долгой дороги пешком. Он и мельком не взглянул на Плавия, хотя Плавий откуда-то твердо знал, что этот человек видел его тогда на скамейке и сейчас узнал.

А вот второй... Совершенная противоположность. Такие никак и никогда не бывают паломниками, потому что если они и принимают какую-нибудь новую прогрессивную философию, то тут же неуловимо меняются и становятся совсем другими людьми. Ко всему они могут относиться с некоторой долей добродушия, юмора и сочувствия. Но только очень сильное потрясение заставит их отказаться от теплого уютного и своего ради любой холодной идеи.

Он был ниже первого, плотный, но не толстый, в запыленной, но хорошей дорогой одежде. Увидев Плавия, сразу оживился, выражение легкого добродушия с некоторой хитростью в глазах появилось на его лице.

Я прошу... - Простите, - заговорил Плавий задыхаясь. Язык раздувало. - Я прошу вас. Я прошу вас.

- Что-нибудь случилось? Вам помочь? Выражение добродушия мгновенно исчезло с лица второго, и на нем появились страх и озабоченность. Первый же не реагировал никак.

- Вы ведь знаете, вы можете объяснить... Что-то происходит, что-то... Это вы, вы...

- Вам помочь? Вам что-то нужно? -бормотал второй, убеждаясь в своем предположении и отшатываясь.

«Что мне нужно? - подумал Плавий. -Неужели я ошибся? Неужели не то? Не может быть, взгляд, взгляд, все дело во взгляде...»

- Я видел вас, - он обращался к первому. - Я видел вас у костра. Вы знаете, знаете! Это точно!.. Почему ваш взгляд преследует меня? Что происходит? ...С Дядей? Это связано с Дядей? Объясните мне, что-то происходит, я не могу понять, объясните...

Первый продолжал идти не останавливаясь.

- Пожалуйста, пойдите ко мне в дом... Только не уходите...

Первый даже не повернулся в сторону Плавия, как будто его и не существовало.

- Мы не можем пойти к вам в дом, вы же видите - мы паломники, мы не можем ступать ни под какую крышу... - говорил второй настойчиво, как бы пытаясь убедить Плавия. Взывать к

благоразумию явного сумасшедшего было глупо, но примерно так глупо и должны поступать люди, подобные второму, в такой ситуации. И все же Плавия казалось, что он уловил, нашел неестественность то ли в манере речи второго, то ли просто в том, что этот человек идет здесь по пыльной дороге, а не пробует дорогие вина в ресторане для гурманов. «Я не ошибся, - подумал Лотт. - Они притворяются». Может, если бы путники просто отстранились от Плавия и не ответили на его полубредовое бормотанье, он отстал бы от них, но теперь Плавий ухватился, теперь он все дальше увлекался своим странным порывом. «Пригласить их в дом - это ключ. Они подсказывают мне», - пронеслось в голове Плавия.

- Я прошу вас, пойдите ко мне в дом! Я прошу вас...

- Нет, вы же видите - мы паломники, как мы можем... Это против всех правил. Мы должны ночевать под открытым небом... - разъярялся второй с интонацией взрослого - маленькому ребенку.

- Вы не будете ночевать... Просто, просто нужна ваша помощь, совет... Ведь ничего такого, если вы просто зайдете?

- Нет, нет, нет!

- Я прошу вас!

- Нет, нет. Хотя, если... - в глазах второго что-то пронеслось, он окинул Плавия строгим взглядом и произнес медленно, уже другим голосом:

- Мы, вообще-то, действительно устали, и если у вас есть, например, немножко хорошего вина... Мы ведь никуда не торопимся? - обратился второй к первому.

И снова они все вместе как-то незаметно для Плавия переместились в пространстве и оказались у самых дверей его дома. Мгновение - и второй уже взбегал по ступенькам (как они поняли, что именно это дом Плавия?), первый остановился и направил свой взгляд вдаль.

Плавий почувствовал, что волнуется, даже хуже - он не хочет входить вместе с ними в дом. Он боится.

Беспокойство, костер, взгляд, эти двое - все связано. Все эти дни, все эти годы таили в себе нечто, и он никак не мог понять что, он не чувствовал и не понимал. Из жизни торчали мелкие ниточки, но он ни разу не сумел проследить, куда они тянутся. А сейчас он узнает. Сейчас он узнает решение. И вдруг он - боится!

Зачем он только что так хотел объяснений от этих двоих, если сейчас готов отказаться от всего, заткнуть обратно, вернуть и не заметить?

«Может, такое же чувство испытывают эти, когда под их ногами разжигают сухие ветки?» - пронеслось на дальнем фоне Плавьевых мыслей.

А дверь уже закрывалась за ними. Они были дома.

- Послушай меня, Плавр Лотт! - заговорил второй резко, совсем не так, как на улице. А лицо его застыло в том странном выражении, которое может лишь мельком, на один миг возникнуть у человека, а потом тут же сменяется другим, и только неудачные фотографии способны удержать его. - Уходи отсюда и бери с собой всех, кто согласится уйти. Уходи сейчас, немедленно.

- Почему? - прошептал Плавий.

- Конеч, - произнес второй, и Плавий понял его.

Дверь распахнулась, и Халом вбежал в дом.

- Плавий! Вы нас так перепугали! Он вдруг глянул на двух спутников

Плавия и по инерции договорил:

- Цивия с Нией убежали вас искать...

- Со мной все в порядке, Халом, - заговорил Плавий. - Это мои прежние знакомые, они теперь паломники.

Халом убрал озадаченность с лица и неуверенно улыбнулся.

- Куда ушла Цивия?

- Я же говорю, вас искать, мы ужасно испугались, я скорую вызвал...

- А куда именно?

- Я не знаю, искать вас...

- Сколько времени у нас есть? - спросил Плавий у второго.

- У тебя есть сейчас. Не бойся, я скажу, когда время кончится.

- Хорошо. Халом, Ния точно ушла вместе с Цивией, или они разделились?

- Я не знаю... Плавий задумался.

- Позвони Хатану на сотовый, пусть немедленно забирает Риону с репетиции и приезжает сюда. Скажи ему, что это очень срочно. А я... - Плавий посмотрел на второго, в его глазах были и вопрос, и надежда. Тот кивнул. - Мы с друзьями пойдем встречать Цивию с Нией.

Плавий уверенно распахнул дверь и шагнул. Но остался на месте. Сила, которую он даже не почувствовал, остановила его.

Неожиданно близко и громко зазвучала сирена.

- Это Скорая помощь! - сказал Халом. - Они, наконец, приехали...

Плавий не заметил, как дверь перед ним закрылась сама собой. Он посмотрел в окно. Одна за другой к дому подлетали полицейские машины и тормозили с визгом. Из машин выпрыгивали полицейские и направляли оружие на вход. Один уже доставал громкоговоритель и начинал скандировать:

- ...Повторяю: из дома выходить по одному с поднятыми руками. При попытке бежать стреляем без предупреждения. Все выходы из дома контролируются, сопротивление бес-по-лез-но!

Халом подбежала к окну и замер, хватая воздух ртом.

- Что делать? - спросил Плавий.

Первый вышел из дальнего угла комнаты и открыл дверь. Он переступил порог, и все стволы повернулись в его сторону. Он быстро сорвал с дерева лист и подкинул его вверх.

Разрастался зеленый лист медленно. Он то замирал над толпой, то накатывался, и его гладкие прожилки, как канаты, давили и резали глаза полицейских. Солнечный свет легко проникал сквозь волокна листа, освещая мелкие неровные клеточки, которые назойливо проносились, напоминая бесконечное шоссе. Лист менял ракурсы, иногда резко переворачивался, иногда замирал, неестественно свернувшись. Полицейские собрались все в кучу и прижимались друг к другу, ежились, приседали, но не могли оторвать глаз от зеленого листа. Лист постепенно осушал их...

Второй коснулся руки Плавия. Тот очнулся и понял, что уже неизвестно сколько времени стоит на асфальте рядом с застывшими людьми.

- Пойдем быстрее! - сказал второй. Он был один - первого уже не было.
- Куда? - спросил Плавий.
- Ты, кажется, хотел увести жену и дочерей.

Плавий побежал к гаражу. «Где Халом?» - подумал Плавий уже у самой машины.

- Он убежал.
- Как убежал?
- Он очень испугался и убежал.
- Что делать?

Только сейчас Плавия охватила паника. Он был абсолютно спокоен до этого момента, видимо потому, что заранее ждал худшего. И только сейчас он понял, что не знает, сколько осталось у него времени, а главное - не знает, что нужно сделать ему за это время. Плавий вдруг понял: он не успеет ничего сделать...

Но это было лишь несколько секунд. Они прошли.

Плавий сел в машину и быстро выехал на пустынную Vega str. Второй был на соседнем сидении; он включил радио.

«...удалось бежать при задержании. По данным спецслужб, Плеавр Лотт уже много лет осуществляет шпионаж в пользу Ur Kasdim city. Есть основания предполагать, что он начал свою деятельность еще во время Великой Народной и в течение всей войны сотрудничал одновременно с несколькими вражескими разведками, был лично знаком с Амрафелем. Официальные источники отмечают, что г-н Лотт всегда отличался гениальным профессионализмом, за все время своей работы он не допустил ни одной ошибки, позволившей бы нашей контрразведке выйти на него. Спецслужбам понадобилось...»

Подъезжая к перекрестку, Плавий попытался сбросить скорость. Однако машина никак не отреагировала на нажатие педали тормоза. Из-за поворота выскочил грузовик, и они неслись на него на всем ходу. После столкновения сплюснутый и изуродованный автомобиль еще несколько раз перевернулся, а грузовик съехал в кювет и уперся в светофор. Грохот, наконец, прекратился.

Плавий наблюдал за всем этим уже с тротуара в двадцати метрах от аварии.

- Кто-то, кажется, испортил тебе тормоза? - сказал второй. - Что ж, придется идти пешком.

- Постой! - попросил Плавий. - Куда ты ведешь меня? Я не позвонил Хатану... Где Ния, где Цивия? Я все равно не знаю, что мне сказать им, потому что сам ничего не понимаю... Они же примут меня за сумасшедшего! Прошу тебя, помоги мне! Помоги или оставь здесь: пусть все будет так, как будет!

Второй на секунду задумался.

- Хорошо. Я помогу тебе, когда от меня будет что-нибудь зависеть.

Он исчез.

Плавий стоял на тротуаре. Он не знал, что делать. Не было сил. С визгом остановился проезжавший мимо красный автомобиль.

- Плавий!

Цивия быстро открыла дверь и подбежала к нему. Плавий только сейчас понял, что это машина Хатана.

- Ну разве так можно? Куда ты пропал!

- Папа! - Риона и Ния уже стояли рядом.

- Мы еле нашли тебя. Как ты себя чувствуешь?

- Нормально, нормально... Все хорошо. Я все сейчас расскажу...

Несколько минут он сидел в машине и на вопросы бормотал что-то невнятное. Наконец, он понял, что нужно делать.

- Хатан, куда мы едем?

- Ко мне.

- Мы должны уехать из города. -Что?

- Мы должны немедленно уехать из города.

- Почему?

- Ты что, не слушаешь радио? Меня обвиняют в шпионаже! Они же не будут разбираться, им все равно, им лишь бы кого-нибудь...

Плавий пытался говорить как можно естественней, но он слишком устал, не получалось.

- Это просто ошибка, - уверенно сказал Хатан. - Вы же знаете всех этих сочинителей из спецслужб, у них каждую неделю новый шпион...

- А чем мне легче от этого? Они же не будут разбираться...

- Плавий, вы зря паникуете. Не бежать же, в конце концов! Можно нанять хорошего адвоката, и всё разъяснится.

- Плав! Успокойся, ты очень устал, - сказала Цивия.

- Хотя бы на сегодня. Нужно непременно уехать из города...

Он обернулся к жене.

- Мы же давно хотели устроить пикник.

- Но куда? В На Мора city? - говорил Хатан.

- Нет, только не туда! В какой-нибудь маленький городок, хотя бы в Белу... А лучше вообще куда-нибудь в горы! Давайте поедem в горы!

Хатан затормозил у заправки, провел по лицу ладонями и покачал головой.

- Зачем это? Ладно, надо заправиться. Только до перевала ехать шесть часов.

Плавий откинулся на спинку сиденья. Сейчас они уедут из города. Это было важнее всего. И он расслабился.

Вдруг Цивия обернулась. И пристально, с беспокойством во взгляде посмотрела в заднее стекло. Она открыла дверцу и вышла из машины.

- Ты куда, мам? - спросила Ния. Цивия замахала рукой в пустоту, как будто давала кому-то знак.

Люди стали появляться из-за поворота, выходили из соседних домов, шли прямо по проспекту, перегораживая путь машинам. Все были нарядно одеты и улыбались, оживленно о чем-то беседовали. Все несли с собой стопки книг.

Хатан вышел и стал смотреть на эту процессию.

Люди прибывали, и шум становился все громче и громче. Воздух начинал пульсировать.

Плавий быстро вылез из машины. Люди были везде. Плавий чувствовал, как приближалась и обступала тоска.

- Хатан! Нам нужно уезжать! Цивия! Но Хатана уже не было, он смешался с потоком людей и исчез.

Цивия по-прежнему стояла рядом и кому-то махала рукой.

- Цивия!

- Плав, подожди...

- Нам надо немедленно уезжать. Кто эти люди, что это? Опять Событие? Нам нужно ехать!

- Нам не нужно ехать.

Плавий посмотрел ей в глаза и не в силах удержаться на ногах, оперся на машину. Цивия пропала в толпе.

- Папа, в чем дело? - спросила Риона, и они с Нией вылезли из машины. - Куда ушла мама?

Людей становилось все больше и больше. Теперь их движение стало упорядочиваться. Они начали выстраиваться, меняться местами, раздвигаться. Внутри их колышущегося моря возникали течения, закручивались воронки.

Вдруг вокруг машины, где стояли Плавий и его дочери, возникло пустое пространство. Толпа стала огибать их.

Прошло еще несколько минут, прежде чем все затихло. Свободная площадка вокруг Плавия расширилась еще сильнее. Рядом уже стояло телевидение.

Плавий посмотрел вокруг. Поток людей не кончался, они двигались сюда со всех концов города, выворачивали из всех улочек.

Мальчишка лет двенадцати протиснулся через плотно сжатые ряды и вскочил на машину, так что Плавий едва успел отшатнуться. За ним следом четыре огромных парня вынесли колонки и установили их по краям площадки. Мальчишка взял микрофон из рук одного из парней. Восторженным гулом толпа встретила его звонкий и тонкий голос.

- Сегодня мы будем праздновать! Весь этот год мы готовились и ждали, когда наступит СЕГОДНЯ - самый важный день в жизни S-dom city! Первый день в НОВОЙ жизни S-dom city!

Гул достиг своей высшей точки.

- Главный праздник ОГНЯ!

Мальчишка ходил по крыше автомобиля и делал резкие, свободные движения. Колонки усиливали голос до оглушительности, но Плавий почти ничего не слышал.

- ...И только сегодня мы все узнаем человека, который открыл нам ОГОНЬ! Мы узнаем первого человека! Он научил нас ОЧИЩЕНИЮ! Создал НАС! Создал наше движение. Этот человек оставался неизвестным. Сегодня он откроется нам! В день нашей новой жизни! Этот человек!

Очень долго, несколько минут толпа гудела, прыгала, грохотала.

-ЦИВИЯ ЛОТТ!!!

И толпа затихла.

В этот же момент Цивия оказалась на площадке. Она быстро подошла к машине, взяла микрофон, один из парней помог ей подняться.

- Все, что происходит сейчас, - сюрприз не только для вас, но и для всей моей семьи. Поэтому я приготовила специальный подарок. Но это будет подарком и для вас всех, потому что сегодня будет нечто особенное!.. Сегодня будет ГЛАВНЫЙ КОСТЕР!

НААТАТ В Ì Ò ÑОАТ Ì ÑТÈÛР!

Толпа ожила. С этого момента ее гул пульсировал уже непрерывно. Толпа зашевелилась. К машине начали кидать пачки книг и журналов. Передние ряды менялись с дальними, течения людей образовывали потоки, и вдруг Плавий понял, что его окружает огромный, многослойный хоровод. Бумажная гора росла, скоро книги заполнили уже всю свободную площадку, слой их быстро утолщался.

Лица мелькали перед Плавием.

Вдруг он увидел Хатана, их взгляды встретились. Хатан вырвался из хоровода и закричал(за гулом толпы почти ничего не было слышно):

- Вот видите! А вы переживали. Теперь, когда всем стало известно, какой великий человек наша Цивия, никто не посмеет вас ни в чем обвинить!.. - Хатан засмеялся. - Подумать только, Цивия... А вы волновались!

- Хатан, нас сейчас сожгут!

- Да это же только обряд, не беспокойтесь! Это только обряд, ничего серьезного!

И Хатан унесся вместе с общим хороводом.

- Цива! - закричал Плавий. - Останови это! Зачем ты все это делаешь? Зачем ты вызвала полицию, зачем сломала тормоза машины? Зачем все это? Почему?

- Плав, неужели ты совсем ничего не понимаешь? Ты все поймешь, ты скоро все поймешь!

Но и машина, и все они уже были завалены книгами. Бумага быстро разгоралась. Плавий не заметил, кто зажег ее. Огонь распространялся легкими бросками. Плавий схватил за руки Нию и Риону. Жар обдавал их.

Второй возник прямо перед ними и крикнул:

- За мной!

Плавий побежал и потянул за собой дочерей.

- Стойте! Стойте! - закричала Цивия, но пламя разделило их.

Они бежали сквозь людей, и те не замечали их, а пламя быстро разгоралось за их спинами. Оно поглощало уже первый круг хоровода, второй...

Они бежали втроем и видели огромной, невообразимой высоты огненный столп над удаляющимся и исчезающим городом. И не было понятно: то ли он поднимался с земли, то ли ниспадал с неба.

А студенты на карачках передвигаются, гаечки подкручивают, и Рабинович на Берию кричит:

— Ключ на двенадцать давай!

— Включаю! — Иванов докладывает.

— Рубильник готов! — Петров голос подал.

— Пуск! — Сидоров откликается. И все четверо пот оттирают...

...дернулся ли он перед смертью или сжал кулаки, или звал маму на грузинском наречии, или взглянул напоследок размытыми слабыми глазами на Иванова, Петрова, Сидорова, Рабиновича. И они бросились на свою машину, которая только урчит да квохчет не в силах продлить жизнь ни на секунду... Опрокинули и пинали, и топтали, хрустя осколками под ногами!

Ну и помер Иосиф Виссарионович!

И какой-то капитан из охраны тут же, по слухам, себя ухлопал. От огорчения. Патрон дослал куда надо, и полголовы нету. Хоть на него машину переключай, проводочки перезатыки-вай. Жизнь искусственную под давлением гони.

Но никто больше машиной не пользовался. Иванову с Петровым, Сидорову с Рабиновичем под расписку ее не выдали.

Исторический экспонат. Реликвия. В музее будет стоять. Здесь, на даче. Уже экскурсоводов набрали. Вы нам, товарищ Петров, разъясните, как ваша машина действует...

А никак не действует! Нету музея. И в календарь заглянуть — глухо: *пятого марта опубликовано обращение... принят закон...*

«Все врут календари!» — как в местной комедии записано... Но мы с Рабиновичем знаем, что нам хотят сказать.

× *אֹדֵסָא אֲאֹסְוֵיִם עֵי נַאִי וְיֵאֲנֵנוּ אֵי*

אֲוִיָּא עֵאֵא

Что? При чем тут семеро одесситов?

Вы узнаете об этом, — говорит классик, — если пойдете туда, куда я вас поведу.

1 января 1962 года «Литературная газета» напечатала полстранички из Бабеля. Классик сочинил их на тридцать лет раньше, еще не сделавшись классиком де-юре, но уже признанный таковым на факте. Семерка земляков (включая Багрицкого, Ильфа и Паустовского) просила дать предисловие к общему сборнику, и Бабель написал:

В Одессе каждый юноша - пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. Пароходы, приходящие к нам в порт, разжигают одесские наши сердца жаждой прекрасных и новых земель.

Четверо нынешних москвичек (в девичьем полудетском возрасте) прочитали эту заметку.

Эмма Коган - моя, Арье-Лейба, младшая сестра. Закончила пединститут, работала в школе и уехала на «историческую Родину». Погибла в Иерусалиме при взрыве автобуса.

Ее школьная (и студенческая) подруга - Зинаида Рихтер - никуда не трогалась. Отчасти благодаря деду. Незадолго перед Большой войной, после пакта о ненападении, в запале короткой советско-германской дружбы взбрело ему записаться немцем. И всю оставшуюся жизнь (в спецпоселении и в целинном совхозе) потратил дедуля на то, чтобы вернуться (по документам) к еврейству...

Мария Галина - москвичка одесского разлива: там училась в школе, в университете, защитила кандидатскую по биологии моря... В середине 90-х занялась литературным трудом. Номинант премии имени Аполлона Григорьева, обозреватель «Литературной газеты».

Света Литвак (в миру - Светлана

Ефимовна) - поэт и художник. Судьба ее - в стихах и полотнах. Мы же опять обратимся к Бабелю. Он начертал на своей фотографии: «С этим человеком я борюсь целую жизнь». А Пастернак:

С кем протекли его боренья?

С самим собой, с самим собой...

Для кого-то оно, положим, метафора. Но поэт так и живет. На разрыв. Одна бабушка - Хава, другая - Нюра... Ну и хавайте нас, как есть - с Хавой и с Нюрой.

Вот семь молодых одесситов, - писал Бабель. — Они читают колониальные романы по вечерам, а днем безотлучно дежурят в самом скучном из губстатбюро... У них есть о чем порассказать, и мы от них не спасемся. Они возьмут свое и расскажут о диковинных вещах.

Тут все дело в том, что в Одессе каждый юноша - пока он не женился - хочет быть юнгой на океанском судне. И одна у нас беда, - в Одессе мы женимся с необыкновенным упорством.

ÀÈÈÈÈÈÒÁÍ

Çèí àèää Deòòáð

Три с лишним века назад неподалеку от Гамбурга, в приличной еврейской семье родилась девочка. Ей дали соловьиное имя Глюкель (Счастливица).

Жизнь шла своим чередом, то есть жизни практически не было. Была разрозненная Германия XVII века, в которой не было ничего постоянного, а хлеб и мясо всегда дорожали и никогда не дешевели.

Шведский король (да поразит его гнев Всевышнего!) враждовал с королем датским (да продлятся дни его на земле!), и нам, евреям, то запрещали жить в Гамбурге, то разрешали.

Такая политика была, несомненно, выгодна гамбургскому магистрату, ибо каждое разрешение стоило каждому еврею не менее одного дуката.

В округе то свирепствовала чума, то полыхали пожары. По дорогам шлялись разбойники. Людей убивали и грабили, насиловали, калечили... Словом, обстановка была нестабильной и не вполне управляемой.

Тем не менее Глюкель росла симпатичной, счастливой девочкой. Ей дали прекрасное образование, и когда она достигла возраста 14 лет, ее очень удачно выдали замуж за хорошего человека, владельца ювелирного дела — торговца драгоценностями.

...И Глюкель полюбила его, и у них один за другим рождались дети, и вскоре Глюкель стала матерью многочисленного семейства, которое все разрасталось, потому что дети выросли и жили своей жизнью. Приходилось заботиться не только о доченьках, но и о зятях, да и сыновья нуждались в родительской помощи.

А на дорогах по-прежнему грабили, убивали. И хвори, известные и не известные, косили людей, как траву. И моды все время менялись: то в цене янтарь, то сапфиры, то алмазы упали, то рубин подскочил... Потом вдруг заказчики, особенно из молодых, вновь разбогатевших евреев, отвергли камни и тонкую работу. Дарили друг другу золото. Да, только золото! И чем больше по весу, тем лучше!

Богатые молодые евреи (ну точь-в-точь новые русские) щеголяли золотыми перстнями-гайками, золотыми шейными цепями толщиной в два пальца. Скажите, кому это надо?

И супруг нашей маленькой Глюкель, — ибо телесно была она мала и хрупка, хотя имела железный характер, — муженек прямо с ног сбился, удерживая на плаву свое ювелирное дело, которое, таки да, цвело и процветало благодаря, представьте себе, репутации — исключительной честности хозяина.

И вдруг он умер.

Внезапно.

И Глюкель стала вдовой.

Горе ее безутешно... Но жизнь — это только жизнь. Рыдания и горькие слезы не прибавляют денег.

Глюкель фон Гамельн (Счастливица т Гамельна) встала во главе рода и во главе дела. Сумела в короткий срок погасить долги (их было не так уж много) и уладила семейные неурядицы. Она добилась того, что фирма не утратила места на европейском рынке; и стабильно и регулярно получала заказы.

Разве этого не довольно, чтобы остаться в истории?.. Глюкель фон Гамельн — одна из самых преуспевающих фигур в еврейской коммерческой среде. А среда-то — на высочайшем профессиональном

уровне! И быть признанной, как сейчас бы сказали, business woman — к такому факту стоит отнестись с уважением.

Но суть не в том. Глюкель фон Гамельн сделала больше — написала нечто для «города и мира» (urbi et orbi), хотя рассчитывала, по скромности, лишь на «домашнее, семейное потребление» — детям, внукам...

В глубоком горе, — говорит Глюкель, — приступаю теперь к этой книге... Я начала ее, дорогие дети, после смерти вашего доброго отца в надежде отвлечься от забот и горьких мыслей, что обрушились на меня из-за потери нашего верного пастыря, бывшего нам опорой. За этим трудом провела я много бессонных часов и вскакивала с постели, чтобы взяться за перо, укорачивая ночь, рассеивая темноту...

Глюкель фон Гамельн облакает в слова свои мысли и чувства — душевные движения и финансовые расчеты. Мы улыбаемся вслед за ней и печалимся, когда горько. Она весьма наблюдательна и знает людей. Подмечает то, что смешно, и то, что ужасно. Два-три точных штриха, и персонаж как бы сходит со страниц, оживает. У нее — дар рассказчика. И подлинно писательский, артистический темперамент — темперамент творца.

Она не просто нанизывает события в их натуральной хронологии. Позволяет себе отступления, вставные истории, притчи, резонерствует по поводу сказанного, конструируя собственное произведение. Загодя объявляет, что книга будет семь. И, несмотря на «плановый» характер работы, следует за озарениями, воспламеняющими фантазию. Ее ведет не «память рабская», но логика литературного замысла. Как сказал Бя-лик (в самиздатском переводе):

Î îéþîî áî î ðî áî è áî ðÿî ðò áî

Àà îá î î éé î ùòá áî î áî ÿ!..

Î áðòáð ùàî î î ðò î ÿ î ðò áî

Áî î îá áî ðÿ ùáá î áî ÿ.

Изумительно многообразие фигур, казалось бы, никак не связанных с повествованием, вроде бы случайных и, однако, детально зафиксированных, потому что поразили воображение, навели на мысль, обогатили и как не поделиться этим богатством... Глюкель рассказывает «не по сюжету» о житейских «делах и случаях», которые не позабудешь...

Таков, буквально режущий по сердцу, эпизод — гибель ребенка в кипящей выварке для белья. Вся память — крошечная мизинная косточка, которую отец младенца носит на груди...

В книге — масса подробностей и ударных, как бы в сторону, реплик. Чего стоит обмолвка, что в университетском городе жить опаснее, чем в торговом. Так и видишь этих «пацанов»-буршей, мучимых избытком адреналина... Ау, господа студенты — скинхеды XVII столетия!

Хотя Глюкель — женщина справедливая, нелицеприятная. Достается и

соплеменникам. Ибо ничто человеческое нам, евреям, не чуждо. Тут и падающего толкни, и что с возу упало... И еще много, много всего. Что верно, то верно: где деньги, там сложности.

Естественно, книга Глюкель шире чисто еврейской (национальной) тематики или, допустим, женских проблем. Это — свидетельские показания и документ. Низовой взгляд на события, то есть бытовая летопись — история, если угодно, с человеческим лицом.

Не тот монументальный свиток царских деяний, парламентских дебатов, государственных или общинно-общественных потрясений. Не каменные скрижали, якобы выбитые на века, — нет, скромный реестр личных забот и частных интересов. Перефразируя Пушкина:

Да ведают потомки православных

(мусульман, католиков, иудеев, буддистов...)

Семьи родной минувшую судьбу.

А какие детективные загадки, какие кошмарные сплетни, какие увлекательные ужастики!

Ее *Мемуары* словно напеты на звонком, набирающем силу идише...

Родилась Глюкель в 1645 (или 1646) году. Отец — один из старейшин еврейской общины Гамбурга (*парнас* — президент — староста). Муж — Хаим из Гамельна, где обосновалась семья.

В сорок четыре года (1689) она уже вдова с дюжиной детей. Через два года приступает к своим трудам, но откладывает работу из-за вторичного замужества в 1700 году. Через двенадцать лет, сызнова овдовев, возвращается к книге, которую завершает в 1719-м.

Тогдашняя еврейская образованность целиком во власти традиции — священных текстов и наставительных комментариев. Вот и у Глюкель — незамутненный, эпический взгляд и живое, бурлящее воображение с неимоверной жадной познания. Она, деловая женщина, торгует в кредит и за наличные, успешно реализуя коммерческие проекты в Германии, Австрии, Нидерландах, Франции, Польше...

Цель ее книги — научить детей «жить-поживать и добра наживать», пребывая в мудрости и довольстве. Попутные замечания остроумны, а вставные новеллы занимательны и внезапны, как басня с моралью. Соединив читабельность и достоверность, Глюкель создала бесценный художественный манускрипт — коллективный портрет еврейства своего времени.

Об этом пишет Чарльз Медисон в книге: «Еврейская литература на идише». Он говорит, что идиш — язык частной жизни и бытового общения. Не государственный (с чего бы?!), не конфессионально-молитвенный, не профессионально-научный, не финансово-юридический...

Древнейшие, дошедшие до нас памятники (1478) — эпистолярные, так что английское слово *privet* (на латинице) сливается с нашим привет (на кириллице). Мать передает привет из Иерусалима в Каир (1567), а отец — из Кракова в Прагу, извещая, что избежал смерти от бубонной чумы (1588)... Разразилась Тридцатилетняя война, и в перехваченной почте (1619) — письма на идише, опубликованные только в XX веке.

Примерно тогда же, в 1896 году, и напечатана книга Глюкель — в оригинале, на старогерманском, с примесью гамбургского диалекта, по списку, снятому для ее сына. Затем на немецком (1910), на английском (1932), по-древнееврейски, на идише... А теперь — в наши дни — и на русском.

Книга Глюкель фон Гамельн достойна издания на уровне «Литературных памятников». С научным комментарием, с переводчиком-художником, чтобы передать вкус языка, его своеобразие. Необходимы примечания — подробные, точные, не разрушающие структуру текста. Плюс историческая справка, вернее — справочный аппарат, обширный, вводящий читателя в эпоху европейского Просвещения и еврейской Гаскалы... И все это нужно, нужно, нужно... И стоит денег, денег, денег... И мы понимаем, понимаем, понимаем...

И тем не менее, тем не менее, тем не менее...

Как бы там ни было, издательство «Лехаим» совершило подвиг. Кланяемся в ножки и воздаем должное. Прежде всего, от лица русского (и русскоязычного) читателя. Ведь Глюкель фон Гамельн светозарна по нравственной одаренности. Вот познакомилась с нею и говорю: «Теперь знаю все лучшее об евреях. Ну пускай не все... многое».

Счастливая Глюкель идет впереди народа, олицетворяя те качества, благодаря которым мы, евреи (и человечество), выжили (не вымерли) в мироздании: *труд, любовь, семья, вера...*

Í î çãí ÿÿ ñî îñèà:

Èñàè Áàò àèñ Çèí àò

ÈÇ Í Î ÁÄËÄÑÊËÉ ÐÁ×È

Высшая честь, дарованная мне Шведской академией, — это признание языка идиш, языка изгнания, языка без страны и границ, не имеющего поддержки ни одного правительства в мире, языка, в котором нет слов для обозначения какого бы то ни было оружия, военной амуниции, военных маневров, нет слов и терминов для тактики ведения войны. Этот язык равно презираем как неевреями, так и эмансипированными евреями. Но никто не может отрицать: те нравственные и моральные принципы, которые многие религии только провозглашали, для евреев, живших в гетто, были нормой жизни. Именно на идише говорили в гетто. И те, кто говорил на этом языке, — они и есть народ Книги в истинном смысле этого слова.

ÀÈÈÁВ Ĩ ÐÀÁÁĀĪ ÈÈĪĀ

Yi i à ÈĪĀĪ

Эта история, читатель, состоит из трех главок и внезапного диалога. Вопрос только, как расположить...

Давайте хронологически.

I

В наши дни, в Музее пограничных войск, выставлен чемодан, который скорее откликается на европейское «кофр», чем на восточное «сундук». Ведь в словах (на минуточку) заключен фонетический смысл, и сбежавший утренний кофе лепечет нам свое фе, а вечерний чай восклицает в отча-яньи ай\ По той же причине, когда музейный экскурсовод приглашает взглянуть на сундук, — в ответ явственно раздается:

«Сам ты дундук!» — И кофр презрительно фыркает.

— Обратите внимание, — говорит экскурсовод, — на особенности обивки...

Но мы, — опять на минуточку, — погодим обращаться. На кой нам глухие экскурсоводы? И равным образом — лишённые слуха питухи-кофепийцы? Плюс чаевники-водохлебы...

Имеющий уши да слышит.

Служили в высоком учреждении две машинистки. Подобно мне, Эмме Коган, собственной мускульной силой — нежными пальчиками — выбивали несметное количество экземпляров. Тем не менее умудрялись делать сверх-или вне-плановую копию, которая, в конечном итоге, и привела их в Музей.

Высокое учреждение осело на Варварке, еще не ставшей улицей Разина.

Кому любопытно — легко установит время действия. То самое: карточки, талоны, распределители. Фильдеперсовы чулки и начальство — цитирую, — вожделирующее на каждую машинистку.

А каково оно бедной девочке дворянского, духовного или купеческого происхождения, бывшей гимназистке, не допускаемой, по тогдашнему классовому закону, к высшему образованию. Три европейских языка, а беседовать не с кем. Поварись-ка, милая, в «рабочем котле»!

«Котел» и есть место нашего действия — так называемый «Деловой двор». Впоследствии ВСНХ (Всероссийский Совет Народного Хозяйства), СТО (Совет Труда и Оборона), НКТП (Народный Комиссариат Тяжелой Промышленности) и прочие забытые сокращения, весьма привлекательные для некоторых японских представителей.

Согласно известной песенке их трое: Як, Як-Цедрак, Як-Цедрак-Цед-рак-Цедрони... Но с нас, пожалуй, хватит двоих. И вот регулярно посещают девушек-машинисток, и те, принимая комплименты на трех европейских наречиях, передают дипломатам всякий перепечатанный документ.

Если подняться от Варварки — мысленно, ибо в момент нашего рассказа ломают Китайгородскую стену, — выйдешь напрямиком на Лубянку, откуда внимательно наблюдают за будущей улицей Разина.

Прямо глаз не спускают. И можно ли, — посудите сами, — оставить удалого Степана Тимофеевича без присмотра? Того и гляди, учудит что-нибудь с очередной княжной.

Женское правление (на минуточку) будет, несомненно, венцом цивилизации. Первым же законодательным актом изымут и запретят ту повсеместную псевдоместную псевдобалладу, которая, на самом-то деле, международный мужской гимн.

И не спорьте, мужчины! Я, Эмма Коган, слышала собственными ушами, с каким воодушевлением орут пьяные немцы:

Wolga, Wolga, Mutter-Wolga.

И как ответное эхо несется из подворотни трезвая, извините, песня московской Сольвейг.

К черту бантики и юбки —

Мы вам больше не голубки!

Я, столичная герла,

Потребляю из горла.

Это музыкально-лирическое отступление понадобилось затем, чтобы показать вам, как спелись японцы и девушки. Настолько, что мгновенно учуали фальшивый лубянский подголосок.

Колоратура. Фиоритура. Аббревиатура.

ВЧК. ГПУ. НКВД. МТБ. ТК. Лишь последнее требует расшифровки, ибо с петровских времен обосновалась на Лубянке, прошу прощения, ТК — Тайная Канцелярия.

Отсюда следует, что преемственность власти на определенном этапе неизбежна. Расстреляв царскую семью, приходится ездить в царском роллс-ройсе — за неимением, в техническом смысле, более надежного транспорта. Прогнавши градоначальника, приходится жить в его загородной усадьбе — Горки — за отсутствием в ближайших окрестностях иного пристанища с телефоном.

Не обойдемся без аппарата и мы.

— Спасите! — кричали девушки. — Save Our Souls! SOS! Тасукете-куда-сай! — Каковой вопль и вынесен нами в титры: *Рятуйте! На помощь! Караул!*

ТАСУКЕТЕ-КУДАСАЙ!

Но телефон, понятно, прослушивался. И все дальнейшие тайные события отражены в рапортах, резолюциях, распоряжениях...

С дневным интервалом обе девушки отпросились в отпуск — очередной и по внезапной болезни. В те же сроки — такое, выходит, совпадение — оба японца отозваны из посольства с переводом в другую страну.

Тут-то и появился музейный кофр с особенностью в обивке.

Без досмотра, как всякий дипломатический багаж, доставлен в купе, и поезд — ту-ту! — тронулся к западной границе.

В местечке Негорелое, где я, Эмма Коган, имела честь вылупиться на свет, меняли тележки на европейскую колею. Вдруг обнаружили неполадки в ходовой части с задержкой на полсутки. Багаж выгрузили, и пристальный молодой человек засек особенности обивки.

В ней загодя просверлили маленькие отверстия, откуда струился воздух с перерывом на вдох. Была зима. И трубочки пара восходили к синему небу при полном безветрии.

На глазах у японцев кофр перевернули дырками вниз, запрокинув девушек кверху ногами. И очень скоро дождались возгласа, подслушанного классиком (Стендалем) в аналогичной ситуации:

— Не могу терпеть! — хрипели бывшие гимназистки на трех языках.

II

Следующая история, любезный читатель, проистекает западнее Негорелого. Однако же — в пределах Отечества, которое (Отечество) слегка поживилось за счет близлежащих государств. И главные Коротышки — Усатенький да Припадочный — вошли в непосредственный контакт.

Возникли всякие-разные проблемы, и в частности — «ей-ейский» вопрос. Куда девать этих самых «ей-еев»?

Припадочный вознамерился решить задачу кардинально и навсегда. Усатенький склонялся к тому же, но был обременен отдельными устаревшими догмами, которые (догмы) не место здесь разбирать.

Припадочный, со своей стороны, маялся дурью, пытаясь ускользнуть от судьбы. Среди прочего намекнул: не заберет ли Усатенький никчемных «ей-еев» к себе?

Усатенький (на минуточку) намек не понял.

Что до «ей-еев» — нам с вами предстояло срочно уразуметь, куда податься: то ли обзавестись тутошним паспортом (серпастым да молоткастым), то ли умотать в бывшую Польшу, занятую немцами...

И на пространствах «западнее Негорелого» образовались длинные очереди. Меня, Эмму Коган, занимают, собственно, «голова» и «хвост». Хотелось бы выстроить фразу по типу: В ТО ВРЕМЯ, КОГДА. Пока «голова» общалась с эмиссаром Припадочного, к «хвосту» подоспел комиссар Усатенького.

Было бы весьма соблазнительно сделать его, вы правы, «ей-еем». Наш опыт, однако (то бишь эксперимент), терял бы тогда в чистоте. Ведь не были же «ей-еями» эмиссары Припадочного. Те, в черных мундирах. Высоких фуражках. С двойным зигзагом SS на петлицах. С нарукавными пауками.

А как улыбались! Как вежливо предлагали присесть! С какой старательностью фиксировали: Рабинович Шлема Айзикович... И заключительное сердечное рукопожатие: мол, милости просим...

В эту как раз минуту, в процессе рукопожатия, и подскочил комиссар к хвостовому «ей-ею»:

— Вы, — кричит, — понимаете, что делаете? Куда отъезжаете?

— А как же! — тот говорит. — Понимаем... Но вас, извините, боимся больше.

Реакция Усатенького была добродушной: улыбался, поглаживая усы.

А Припадочный прямо взбесился. Ну почему, — вопрошает, — опять я? Почему на мою долю? Почему в аккумулятор на меня возложила история?.. И ведь сколько их, сколько!

Эти реплики и выкрики были абсолютно риторическими, потому что Припадочный ни к кому конкретно не обращался, напрочь забывши адрес.

Шутки, читатель, шутками, но речь идет об НК — Небесной Канцелярии.

Куда были устремлены взоры некоторой части «ей-еев». Не тех, что толкались в очереди. И не тех, кто трясся по принципу «будет что будет»... Забавно, что окружающее население хранилось в прошедшем времени: а-а, была не была!

Устремленные «ей-еи» уповали и жаждали. Собирались в моельном зале и шептали так:

Но второй Храм, когда учили Тору и выполняли заповеди, и творили добро, — за что разрушен второй Храм?

За напрасную вражду.

Ибо напрасная вражда весит больше, чем три греха вместе: идолопоклонство, разврат, кровопролитие.

И тут произошло чудо.

Имейте в виду, читатель (а вы, девушка, зарубите на хорошеньком носике), что неуспех поддается расчету. Но (завяжите хоть узелком) всякая долговременная удача содержит уже элемент чудесного. Любовь ли, карьера, большие деньги — лишь отблеск потустороннего делает нас счастливыми.

С внезапностью прояснилось, что в Каунасе, бывшей столице соседней республики, функционирует японское

консульство. Тоже, само собой, бывшее. Из прежних сотрудников — только консул. И выдает всем желающим транзитные визы.

А транзит, — подсказывает Словарь, — есть перевозка товаров и людей из одной страны в другую через лежащую на пути третью. Например: «Послы западных держав настаивали на праве транзита».

И самая длинная земная дорога — Транссибирская магистраль — раскинулась перед «ей-еями». Станции, полустанки, разъезды, посты. И повсюду — портрет Усатенького. В фас, в профиль, с трубкой, в фуражке...

Вот! — говорили «ей-еи». — Как потоки воды — сердце Вождя в руках Всевышнего: куда захочет, туда и направит.

///

Их поселили на берегу Великого океана, в китайском городе, оккупированном Японией. Но длань, то бишь десница, Припадочного, опоясавши половину глобуса, зависла над ними, прицельно перебирая перстами.

Некий японский дипломат пригласил главного уповающего и заявил официально, что императорское правительство в знак особого уважения и в трехдневный срок предлагает общине обосноваться на острове, гарантируя пищевые припасы, доброжелательность населения и защиту от заокеанских бомбежек. Is it understandable?

— Да-да, — закивал главный, — понятно... А транспортом нас обеспечат?

— Предоставим! — с важностью сказал дипломат. — But if you use it... если воспользуетесь — пойдете на дно по пути к острову.

— Так мы не поедим! — возопил уповающий.

— И правильно сделаете, — утвердил дипломат.

Но что это были за японцы?

Там, в Каунасе — бывшей столице Литовской республики. И здесь, на берегу Великого океана, в устье реки Янцзы.

Не те ли, что задействованы в первой истории?

Что стояли на зимней станции Негорелое возле дипломатического багажа. Где корчились девушки головой вниз. И стелилось дыхание, растапливая снег на перроне.

Куда беспечная молодая мама, почти ровесница машинисток, вывезла на прогулку меня. И скрипели, скрипели полозья по обнажившемуся асфальту...

«Тасукете-кудасай!» — хрипло кричали девушки.

И японцы отвечали внутренним голосом:

«Сугу кимас! — Сейчас иду!»

- Да? Правда?

— Правда, любезный читатель.

А если и нет — нам-то с вами какая беда...

Èñò í ð è : à ì è à ÿ ì ì ð à à è à

Á 1940 ã á ò Ñ à ì ì Ñ ò è ò à ð à — ÿ ì ì ì è è è ì ì ì è à È è ò à à — ì ì à ì ò è à à è è ì à ì è ì è ì ò ñ ÿ : à à ð à à Ñ ò ð à ì ç è ò ì ù ì è à è ç à ì è ì à ð è à ò è ì à à è ì ì ì ì à ð à ì à à è ò ù ÿ à Ç à ì ò à è , à à ì ì è è à ì à è à à è è ì ì è ì ì ò à à è ì ì ù .

À ù à à à à ÿ à è ç ù , Ñ ò è ò à ð à à à è ì ò à à è à ì à ð è à ì è à ì ð è à ç à , ì à ì à ì ò à à ì ì ù è ì ò ð à ò è ð è ì è . È è ì à à à à ì ò è ì ì ÿ ì à ð ì à è ì ò , à ù è à à è à ì .

Á 1968 ã á ò è ò ì - ò ì è ç ì à ì ì ì ù ò à ì ò ð à ò è è Ñ ò è ò à ð ò ì à ò è è ò à È ì ð è à à ì è è à È ç à è è ù Ì ò ñ ò à à ì è è ì ì è , ì à ì à è ì , ì à ì ì ì à ì ì ì ò ì ÿ ì è ç ç à ð ì à ÿ ì ð è à ù ò ù ì à : à ì ò à à à ì è à

Ñ à ì ì Ñ ò è ò à ð à ì è ì ì : à è ì ÿ à 1989 ã á ò . Ì è ì è ñ ò à ð ò à ì ì ò ì ì à ì à ì è ÿ Ò ì ì è è à è è ç : è è ì « è à ç ù ì Ñ ò è ò à ð à » à è è ì è ù ì ù à ò : à à ì è è è .

Nāiō à Èè ò à à è

Ì Î È Ñ Ò È Õ È

1

À à à à Î þ ò à ó í é í à

Õ ü ò í à à è á ó í î ç à è à ç ò

Ã à ð æ í ù þ ò à à è ò á à à ç ò

Õ à à à Ý è ù À à ð ò í à í à

Ã î ò é í æ ì æ è, ò î ù í á à ò î ù

Ã í à à à ð ò ò ð à ð ò ù é Á - æ á

Ã ù ÷ à ð æ ù í î ï ò æ è

Ã í æ æ à í è è í î ï ù

Ç à í é í í è à þ ò ð í é á

Ã à ð í í è ð à í à à à í ð ù,

Ã æ í à í à ð à ç ù à í ð ù

Í à à à à è í è ì ÿ ç ù é á

Ó ç à à ð à ÷ ò ù æ è à í é

Í í à à è ÿ à ò à à à à ÿ

È ð í à ò à ò ì, í á è ð à ð ð á ÿ,

Ã þ ò æ ù è ò « ò è è à ð è ç à à í é ».

Ã î ò í í, í à ò è í í à è è ç ì,

Í à ð è è ð ù ò ù é è ì à ò à ð ð í é!

Í à ò, ò í à à ð è ù è, í à ð è í ð ð

Í ù í ð ð ð è ì è ì ì ó í è ç ì.

2

À à ð à ì í à ð ð ð à à à í è à

Ã ç à ð è ð à í í í é í à è à í é á ..

Ó à ò à ð À ð í, ó à ò à ð À ð í,

Òàò èà Óàéääéà ì ìý...
Òù éóà ì áñòù ðááí èà
Ì ì ì ì òíó ì ðè éóí á?
Ì ì á ñí èàæàò ñý - èí ì ì á
Óàò èì áý: ì úé ì àèù: ì í èà
Ñéáí çü ðáááò è ì áéáí éó
Ì ðæ èì ààò ñý áí ñí á
Èàé áí ñí á.. Ááúòáý òýæéí,
Ì á ì íéó éáæ èò æáí à
Ì ì ì ðè óæ ì áçáá, áááí ýæéà,
Èááí à èàáéó ó í éí à
Ì áðáá ñáì ì ð éíí: èí í é,
Ñéí áí ì áçáá ñí óá, ì ðè óáí ò áé:
- Èì ý ñíí á.. èì ý ñíí á
Èì ý ý ì á ì áí è ñé
Óàò áð Áðí, óàò áð Áðí,
Òàò èà Óàéääéà ì ìý...
À á ààò áí ì á ì í áí ñáéúá,
Èðééé, òííò, ò áðáðáì ;
Áíò Ááðáì ì áñò ðááí èà
Ñíí ò ù èààò ñý Ááðáì .
Òàò èà Óàéääéà òí òí: áò,
Ì á ñéàì áééá ì áðáá ì áé
Óàéúé áá: áð éýíí ò ì: èò
Òí èñò ù é áýáúéà Ì ì é ñé.
Áíò ááò áí ì ì áñéáý éí æéà
Áíò ì ðááááóó èéí : óéí é,
Ì ñí ì àéááí èç ì éí óéà

*Í íéíñéâóééñý òíé:íé.
Óàòáð Àðíí íà ííðíáá
Á ááí ùéà ñ Èíðéíé Çáééèí àí
Bí ùéà Èàòáí àéáí áí ááí,
Áíð, áðíáýáá, í áðéí àí.
Í íáòíðýáò áé óí ðýí í:
Áíá ì ù éàé íáí à ñáí ùý!
Óàòáð Àðíí, óàòáð Àðíí,
Óàòéà Óáéñéá í íý!*

3

*- Í ííý, ì àéü:éé, ý ñáðíáçíí,
B ñááíý óáéááéá,
Éàé í ùéàéí í ááí áðíçíí,
Á òó:á ì íéí éý ñáðéáéá
- xòí òú, ì àí à! Í áðáá í áí é -
Æéçí é í íáúá í ðéí áòú,
Báññíí ààòñý í áí ýí é
Òáéí í ðáçáí é:í í é ðáéáò ú.
- Í àéü:éé ì í é, í á ááý ñéóóé
Ñíí í ááàò ùýý í ðéáí éáð.
Òú í á ñéúó é óí?.. Í áòò áí, áéóíí
Í áóé í ááí é óí í ééáðò...
- Í íéíí, ì àí à! È í ðéðí áá
Èó í á á ñééàò óááðá:ü
Í áóá í ááí ý - áðáá í áðíáá,
Ñéí í éçí - ðí áí áý ðá:ü
- Í ééúé ì àéü:éé, òí é ááí í þ
Í ýòúé áá ò ááá í í óáé,*

Í á óáò ááò áéáá ðí áñò áá,

Í á óáò ááò ÷ èñò í ò ù,

Í ðèì áñí ñéí ò ñò áá, ñòì áñá ðí áñò áá

È áó ááí í é í ðñò í ò ù.

Í áá ðé ñé í á í á: áéí,

Ðáññéé í à ò á ðí ú é é í á á!

Ááñ í ðé ðí áá ñ çáááéá

Éáé ò áí ðáí é ý ááí áá.

Í í ñ áó áé è ñí áá ç ðáí ñí áí í

Áé ðé áí é ááí é ù é í í í ááé,

Í á ò ù é ðá ñé áí í: áí ú ò ðá í í

Ðáç í çáó: úá í í ò í ú ò ñò ðí é

È ðá çá áí áí í ú á í í ò ù.

È ò áí á ðí áí í í á í áí í é

Ááá í á ðí áá ñáí ä ý ò ñ: á ò ù

Í áé ñ áí ð é ñ í í í é.

Í ááí: è ò áí í ç ð é í é áé ó

Í á ý ç á ò áé ù í í ðí: ò è...

È ú á ò í ðá áá ò í í é á ðá ò è ð é á

Ò áí, áá í ðá áá ù í á í á é ò è.

Í í ñ áá ù á ù á ðá á í í é.

Í ðí ñí í á ý ñí é í á é áé,

Óé ú á á á ò ñ ý ñ ðí ñ í í é

È ÷ è ò á á ò í á ò í ú á é.

Áí é í á ò è ó ó é á á é ò ó é áí,

Ñ ò ðá ð í í, á ðá ò áá, í á ð ú ò è,

Í aãr:-èòàí í óp éí eãö

Í áyçàò æéüí í í ðí:-òè.

x ò í çà ãñáí éé ò àí í áy:-èò,

Áí ãí ýp ùéé ñáüáó?

Ñí éí í í ñò áí ýí è ñèá:-áò

Ñ éðáü í é çáçáí:-éí é áí é áú

Ñò áððè é áðàò çáðí äè ò á áí áú

x áðá: í çáðí í éü ááò,

È... í éü ááò çà ãñáí ãáü,

Èü áò í ðááü, í á í áé ááò...

À á ááé áé í í È çðáé é á

Óé í á, ñò áððè áy ñáò ðá

Í äé í é í í á í í äé á..

Ñí è, Á áðáðè á, í í á í í ðá

Í aãr:-èòàí í áy éí é æ é á

Áí áí ò í ò ðáðí üó óááò í á

Òü í ðí ñè è í á y; áðàò è æ é á

- Á óáü ãí ò í á!?

Ї ДІ ОІ ЕІ ЕЇ І ОАДА ОІА

Ї ааеѳ Ааеіа

Аіаі део дааае ѳааа: Б дааѳнї і о оіа,

× о і і а а іеаа ѳ дааѳяааоуіе і іпде:у

Аа,

Еаі ео і ау аі і аі ѳ і о іеаі ѳ іе е іаа,

Үо е ааѳаі у ааѳаі,

І еаі аі у Аа е еаі

Еаі іаі у е і дааі ааі у е оаае

іеаао і о і а,

Оаеааа іаао е і іа і у е а ѳ у е а а і а!

- І о о і а - о і п о і е і е і і ае і а і е е

А-аі і п о аа -

Оае і даі і е а е е е ѳ Аааіе:ааі

дааае Ааа -

× о і а і і у, і о де і о а ѳ о ааеу і ѳ ѳ о у і а

І іп о а і а і і і, і а іаа ѳ і де а е а а о у і ѳ

і іае е І а і а

Аі ѳ і іе е е і і, і о даае а а е і і

і о і е і о іе е о і е і а

ѳ а і і е даі і і і е да

І да і е о а ѳ аа і е о у і е да..

- × о і ааа о у а і о і о ѳ, - ѳ а і а о е е

аае а І о а -

Аіа ааа і ѳ а і е і а і і а і а і аа..

Ааа аеѳ ааа і у о - іаао, аеѳ

і аааа і у о - і дае

È íãíúÁááííú. Áà áóóò òàé!
Í èð òàéíá, èàèèí íí Áééàòíí ááí,
È íà ÷ òí íàí Òíðà, áεáèè áñòú Èíðáí!
- Òúòó òú! - ñεáçáè òáàèè Çíñ. -
Ááà òáíý ñéíáá?
Èèè áíí à çááúè, ÷ òí ñεáçáè òáééá ñéíáá?
Èèè áéý ááí í áááε áñò áí è íá áñò?
Òíðà, ý εçáéíýþñí, íáí á í á áñá
× òí òú, Í óñ, ñ óááεóú èþáýí óí ú:
Èçí áèè, ñúííé Ááðááí à, óεáé á áááá
Ñí ñáíáé í àí àεáé - í òñþáà è áñý í óðá.
- Áà óε, - áçáíòí óé Í óñ -
Í í íí áñú í èðáí
Í áíéíáèè íí òíí ñò áí, í ðáúòð í áε
Ááðááí ...
È í íéáèè ááéá Ááò òà: - Çíáþúáí ó
ñ áóíí
Ñέóε áòú ááε ñí í ð. Áíá ðáéèáè
ñòú íáí í!
Ñóòú èèóú í íéðíáí í áε ñí áðòíúí è
è ðáíðóíí,
Èáí í éé òí í á á ñééáð í ááðí óòúñý
é íáí ó èèòíí!
- Òáàèèè, - í íéáèè Çíñ, - òáèè
íí í ðáá
Ó éí í ááðóáá í áò, εçáéíýþñí í ðáá..
Áí ñí í áéí í íéèòí áéñò áð ááí ñεáε áò,
÷ òí í á ðúè

Áñá ðááí í - áú ñóèé èèè ðáñé.ä..

È ñéàçæ è òòèá Èáí-Òàòáæ:

- Áíáíðèé ì íáíòáá, ÷òí áí óíòáó

ðáñéàçæ,

À áí ó ñéàçæ Ááááèèáó,

× òí ðáí ýí úá ðí çú áí ðòñý áí áñáó

ì è ðáó

È ííðò ññéíáè á ñáááó,

È áí ññíáè ò á íááí èóí à,

È áí çè ðáèáí íáý, ññááðò áí í íé

éðáñé í íéí á,

Èááò ì áíý á ááñííéá è ÷áó ó ááðæèò

áèí á,

È ñáí à íí á èáè áèíí...

- Áá - ñéàçæ ðáááé Øèíí í, - ííýò á

ííýò

Ááæá ááç í áðááí áá í íéí áò.

Áíò áóèáèèúí í á:áðá, íááé ðááý ñéáí çú

ì ðáè

Ðáçááó è áóèèñòúé ò áááé,

ß ì áááí Èíçèáðíáñéç ññò ðáòèé á ñááó

È ñ ò áó íí ð í ðááú áá ð á áðááú

Ýòèð áèáí úó ñóèèò ò íñéáí èý ðúèé í úé!

Ýò á áðáóèý ñáíí ú ì èááí é!

Áíáíðýò, Èíçèáðíáñéé í à ðá:éó óí áèé

Í áèé ááò úñý óí éí áí í é áí áí é...

Í í áéýáò, ñæ è áááò ò áéáý éðáñé..

Èíçèáðíáñéé çà:áð è íñéáá..

- Άαεά ηέοσάοüü ίδιόεάίί! -

άηέέείσέ Ι άη -

Όιόό ίά άαεεό δάηιούάί ίύό άάά!

Ύόί ε ίάάί - όάδάüεόüηý έβáyι á αέαça!

Çáááδιόεάηιόιόý áü á εçάδ!

- Οά! - άάηδεό δάάάε Çááá -

Β άηί αεά ηέαçaòüü όίόάε..

Ά ηάδάάά άηέάί ίίέ ίύέάάό ίάίü

ηάιόεέ,

Έ ÷ όίά ÷ αέίάάέ άýόί ηάδάάά

ίδιίέείόóüü ηί ά

Ίέάι άίüάά ίδεάηέέ ίέέίηάάίüέ

Ά-ά

Ά άαεüéέó ίέδάό ίόδάεάί ίüü ίάί άι

άδεό,

Έάί έβáyιάί ίά άάέέό, ά αεέάίόάίδεό..

- Άά - ηέάηέέηý έάί-Άάόόά -

ηέάüýüέέ ηάό

Έβáyüέέ ίδιόάάάάό ίά ηέέίίάέάό,

Ίί ίάάίηόόίάί ηέίάάι όάάεüέ έόέü,

Άçíδ άά ίδιίέέάάό άί άηάόέü,

Ίάό äéý ίάά δάηιόίýíέέ έ ίάό

άδái άί,

Έçάδái ίüέ ίί εç άηάό έ άηιόίέίüέ ίί,

Όί÷ίί ηέüά ί ίδýó, άΆ-ηίάά

δάηιόάίδái...

×όί ά ίάάάάά äéýάάóüü? - ίά çýý αεά

Δói έ εçάέ,

Í áðáççè:èì, í áðáççó:áí ñ ò í á í þ Á-ã-

Ì áæ í ðááííðááíí è ñáðááí ñòðóèòíí

íí...

- È áíí æ, - ñéáçæ ðáááè Ááð, -

Á-æèé ì èð áíòíí í íéí úé ñííá,

Á ñííá ðáçáèááòíí, áíéè

ááí òðííðò,

È ò í áá ðáççèááòíí ñáò í í áíí

ì èðáì,

È í í áíí áíéáì ...

Á ñí ðááæúú úé ñííá í ðí èè ááòíí

ááéúé ñáò,

À í ò èçèè í ááí ñáò à áúááò áðáá..

È ñéáçæ ðáááè Í áóì áí èç.Í ðóøéíáá:

- B áèæó áðáò à í áí,

Ì ò éí ò í ðú, Á-ã è ðú í á ñí áíáóú

ì áí.

Í á í í èðí á í í èðí á í - ðáíéáé í í óþ

áèæó í á:ú

×úá í ó ðí ááðíáí - í á è í á:á ñííá

ááè ò á:ú

Í í èúááò í éí ò ú

É áá ò ðáíéááòíí í á ðáéá

Ò áì áðááò í í áí ó í í ðé áéá

á í á í í ÷ èéá..

Ò áé áéáçá ñéáçòíí, ÷ ò í áéá í á í í éí ó-

Ì ò çí áéíí! Ò ú èè ý ó í ñò í è ó ú á á ú í ó?

Ó í ðí ó í í í é á é è, í ð á è ò è: á í é è

ãí óòðà..

Áíñíáà, èçàèíýþñíí íí ì íáííðà..

יְאֹוֹ יְאֹוֹיָאֵנֵעֵעֵ עֵאֵעֵיִ אֵאֹדֹוֹ 1 יְאֹוֹ

135 עֵאֹוֹ מִן אֵיִוֹ דִּלְעֵאֵיִעֵוֹ физиотерапевта, одного из основоположников физиотерапии в России, профессора, заведующего кафедрой физиотерапии 1-го Московского университета, организатора и директора первого в России Института физиотерапевтических методов лечения (Институт физиатрии и ортопедии), исследовавшего биологическое и лечебное воздействие света на организм человека, **Самуила Борисовича Вермея** (1868 - 1926, Москва).

95 עֵאֹוֹ מִן אֵיִוֹ דִּלְעֵאֵיִעֵוֹ фармаколога, академика РАМН, Героя Социалистического Труда, председателя Фармакопейного комитета Министерства здравоохранения СССР, автора справочника «Лекарственные средства» **Михаила Давидовича Машковского** (1908, Пинск - 2002, Москва).

55 лет со дня рождения (27 адара-1) общественного деятеля, главного раввина Великобритании лорда **Ионатана Сакса** (Sacks, р. 1948, Лондон).

2 יְאֹוֹ

90 עֵאֹוֹ מִן אֵיִוֹ דִּלְעֵאֵיִעֵוֹ физика, академика АН w СССР, Героя Социалистического Труда, открывшего (совм. с К.А. Пертжаком) спонтанное деление тяжелых ядер, руководителя работ по синтезу и исследованию изотопов элементов с порядковыми номерами 102-107, по синтезу сверхтяжелых элементов на ускорителе многозарядных ионов, участника создания атомной бомбы, лауреата четырех Государственных премий СССР **Георгия Николаевича Флерова** (1913, Ростов-на-Дону - 1990, Москва).

5 Ì ÀDÒÀ

195 èàò ìí àíy òfæääí èy политического деятеля, участника Пальцуского восстания 1830-1831 годов, одного из основателей организации «Молодая Польша», участника похода итальянских карбонариев в Савойю, создателя революционной ячейки «Содружество польского народа» Шимона Конарского (1808, Добкишки Сувалкской губ. — 1839, расстрелян в Вильне).

7 Ì ÀDÒÀ

65 èàò ìí àíy òfæääí èy вирусолога, члена АНК США, Американской академии наук и искусств, Лондонского королевского общества и др., профессора Массачусетского технологического института, президента Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке, исследовавшего механизм взаимодействия РНК-содержащих онкогенных вирусов с нормальными клетками, открывшего (независимо от Х. Темина) фермент ревертазу (обратную транскриптазу), обеспечивающий передачу генетической информации от РНК к ДНК, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Те-мином) 1975 года **Дэйвида Балтимора** (Baltimore, р. 1938, Нью-Йорк).

5 èàò ìí àíy ìí àdòè генетика, академика АН УССР, Героя Социалистического Труда, автора трудов в области популяционной и молекулярной генетики исследовавшего механизмы наследственной изменчивости в природных популяциях, обнаружившего мутагенное действие чужеродных нуклеиновых кислот, лауреата Государственной премии УССР **Сергея Михайловича Гершензона** (1906, Москва - 1998, Киев).

9 Î ÀÐÒÀ

120 éàò ìí äíý ðæääéý поэта, / представителя герметизма, автора сборников «Слова», «Последние творения» и др. **Умберто Саба** (Saba, наст, фамилия Поли, 1883, Триест - 1957, Гориция, Италия).

10 Î ÀÐÒÀ

80 éàò ìí äíý ðæääéý кинорежиссера, сценариста, народного артиста РСФСР, поставившего фильмы «Дом, в котором я живу» (совм. с Л.А. Кулиджановым), «Первый день мира», «Прощайте, голуби!», «Риск — благородное дело», «Я вас дождусь» и др., исполнителя роли Роберта Гранта в кинофильме «Дети капитана Гранта» **Якова Александровича Сегеля** (1923, Ростов-на-Дону — 1995, Москва).

12 Î ÀÐÒÀ

75 éàò ìí äíý ðæääéý историка медицины, социолога-гигиениста, академика РАМН, профессора, заведующего кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения 2-го ММИ, директора ВНИИ медицинской и медико-технической информации, издательства «Медицина», Института истории медицины **Юрия Павловича Лисицына** (р. 1928, Клин Московской губ.).

14 Î ÀÐÒÀ

85 éàò ìí äíý ðæääéý поэта, одного из организаторов и главы еврейского Сопротивления в Вильно, командира" еврейского партизанского отряда в Рудникских лесах, одного из организаторов операции «Бриха» — нелегальной эмиграции из СССР в Палестину, председателя Союза писателей Израиля, одного из основателей Музея памяти им. М. Анилевича и Музея Диаспоры в Израиле,

лауреата Государственной премии Израиля по литературе **Абы Ковнера** (1918, Севастополь — 1987, Эйн а-Хореш, Израиль).

15 МАРТА

70 ёаò ì ãíŷ ðæääíèŷ юриста, перзвой еврейки на посту члена Верховного суда США **Рут Бадер-Гинсбург** (BaderGinsburg, р. 1933, Нью-Йорк).

65 ёаò ì ãíŷ æääèèèè партийного и государственного деятеля, председателя правления ^ Центросоюза **Исаака Абрамовича Зеленского** (1890, Саратов - 1938, расстрелян в Москве).

95 ёаò ì ãíŷ ðæääíèŷ физика, академика АН СССР, дважды Героя Социалистического Труда, в числе первых начавшего работы по созданию ядерной науки, техники и промышленности, возглавившего одно из направлений отечественного атомного проекта, автора трудов по атомной и ядерной физике и технике, а также по физике твердого тела, экспериментально исследовавшего электрические и магнитные свойства металлов и полупроводников, обнаружившего возникновение электрического поля в освещенном полупроводнике, помещенном в магнитное поле, одного из авторов учебных программ и учебников по физике для средних и высших школ, лауреата семи Государственных премий СССР **Исаака Константиновича (Кушелевича) Кикоина** (1908, Жагоры Ковенской губ. — 1984, Москва).

65 ёаò ì ãíŷ æääèèèè лечащего врача Дзержинского, Менжинского, Ягоды, обвиненного в убийстве Горького, Куйбышева и др. руководителей СССР, **Льва Григорьевича Левина** (1870, Одесса - 1938, расстрелян в Москве).

65 ёаò ì ãíŷ æääèèèè партийного и государственного деятеля, наркома внешней торговли СССР **Аркадия Павловича Розенгольца** (1889, Витебск — 1938, расстрелян в Москве).

65 ёаò ìí äíý ääáäè историка, / археолога, члена-корреспондента АН \ СССР, директора Историко-археологического института АН СССР в Ленинграде, автора работ по истории России **Семена (Симхи) Григорьевича Томсинского** (1894, Себеж Витебской губ. — 1938, расстрелян в Москве).

65 лет со дня гибели партийного и государственного деятеля, генерального комиссара госбезопасности, наркома внутренних дел, связи СССР, одного из организаторов массовых репрессий в СССР **Генриха Григорьевича (Геноха Гершевича) Ягоды** (1891, Рыбинск — 1938, расстрелян в Москве).

16 Ì ÁÐÒÀ

125 ёаò ìí äíý ääáäíèý политического деятеля, генерального секретаря Профинтерна, директора Гослитиздата, начальника Совинформбюро, члена Еврейского антифашистского комитета **Соломона Абрамовича Лозовского** (наст. фамилия Дридзо, 1878, Даниловка Екатеринославской губ. — 1952, расстрелян в Москве).

20 МАРТА

70 ёаò ìí äíý ääáäíèý ученого геофизика, члена-корреспондента РАЕН, поэта, композитора, одного из основоположников авторской песни как жанра, автора песен «Атланты», «Кожаные куртки», «Перекаты», «Снег, снег, снег», «Над Канадой», «На материк» и др. **Александра Моисеевича Городницкого** (р. 1933, Ленинград).

21 Ì ÀDÒÀ

80 èàò ìí àíy òíæääí èy гимнаста, обладателя золотой олимпийской медали 1952 года **Михаила Романовича Перельмана** (р. 1923, Москва).

22 Ì ÀDÒÀ

60 èàò ìí àíy ìí àdòè общественного деятеля, одного из в лидеров партии кадетов, депутата 2-й Государственной думы, редактора газеты «Речь», издателя сборников документальных материалов «Архив русской революции» (т. 1-22) **Иосифа Владимировича (Сауловича) Гессена** (1865, Одесса — 1943, Нью-Йорк).

150 èàò ìí àíy òíæääí èy живописца, автора работ о еврейском быте **Исидора Кауфмана** (Kaufmann, 1853, Арад, Венгрия — 1921, Вена).

25 Ì ÀDÒÀ

15 èàò ìí àíy ìí àdòè психолога, профессора, заведующего кафедрой возрастной психологии МГУ, автора теории поэтапного формирования умственных действий, раскрывающей основы усвоения знаний в учебно-педагогическом процессе, трудов по методологии психологии и возрастной психологии **Петра Яковлевича Гальперина** (1902, Харьков - 1988, Москва).

27 Ì ÀDÒÀ

35 èàò ì àíŷ 5 ì àdòé актрисы Московского театра Революции (с 1954 - Московский театр им. Вл. Маяковского), народной артистки РСФСР **Юдифь Самойловны Глизер** (1904, Рогачев - 1968, Москва).

28 Ì ÀDÒÀ

125 èàò ì àíŷ ðŕæääíèŷ политического деятеля, губернатора штата Нью-Йорк, первого еврея, избранного в сенат всеобщим голосованием, **Герберта Лемана** (Lehman, 1878 — 1963, Нью-Йорк).

29 Ì ÀDÒÀ

105 èàò ì àíŷ ðŕæääíèŷ графика, народного художника СССР, действительного члена АХ СССР, иллюстратора сказки «Золотой ключик» А.Н. Толстого, произведений Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др., автора карикатур и сатирических плакатов **Аминадава Моисеевича Каневского** (1898, Елизаветград — 1976, Москва).

31 МАРТА

55 лет со дня рождения артиста эстрады, пародиста, народного артиста России **Владимира Натановича Винокура** (р. 1948, Курск).

ИЗ НАШЕЙ МАРТОВСКОЙ ПОЧТЫ

Прежде всего хочу поблагодарить вас за интересный и разнообразный материал, который вы помещаете на страницах журнала.

С некоторыми постулатами я могла бы не согласиться, поспорить, но в целом узнала очень много интересного, открыла для себя немало неизвестных страниц истории российского и мирового еврейства. С огромным увлечением читаю воспоминания Бенедикта Сарнова, восхищаюсь его тонким, изысканным юмором.

Но заставило меня взяться за перо опубликованное в августовском номере (2002 год) письмо г-на Зисхольца из Тулы. Я так же, как и г-н Зисхольц, горжусь, что среди евреев много достойных и уважаемых людей: «ученых, врачей, организаторов производства... Евреи работают во всех областях, работают честно и добросовестно. Они уважаемые люди...»

Горжусь тем, что евреи принесли неоценимый вклад в русскую и мировую науку, литературу, культуру! Достаточно назвать имена Исаака Левитана, Антона Рубинштейна, Гнесиных, многих великих ученых, артистов, литераторов, критиков. Список можно продолжать бесконечно! Но дальше г-н Зисхольц пишет: «Среди евреев, конечно, есть олигархи: Березовский, Гусинский, Абрамович и др. И если говорить откровенно, то надо иметь недюжинный ум, смекалку, чтобы стать олигархом. По этому к ним относятся с завистью те, у кого нет силенок подняться над собой».

И вот я хочу через ваш журнал обратиться к господи ну Зисхольцу. Да, нужно иметь ум, смекалку. В этом олигархам не откажешь. Но, кроме того, надо не иметь чести, совести, порядочности. В чем эти господа преуспели? Их цель одна — нажива! Неужели кто-то думает, что Роман Абрамович «заботится» о процветании Чукотки! Или он задумал «вы-

водить морозоустойчивых евреев», как говорится в одном анекдоте? Наивные люди! А Борис Березовский?! Это очень страшный и опасный человек. Для него самое главное — бизнес, деньги, нажива.

Помнится, несколько лет назад, еще в первую Чеченскую кампанию, он заявил: «На войне всегда убивают людей, это закономерно». Не ручаюсь за точность, передаю смысл сказанного. Что для него человеческая жизнь? Главное — доход от нефтяного бизнеса. А чего стоит его сближение с А. Прохановым, ярым антисемитом и черносотенцем? Ведь он был врагом коммунистов, а теперь «перекрасился».

Может быть, я чересчур эмоциональна, но не верю ни одному его слову. Это — хамелеон, хитрый, коварный. Мне стыдно, что он принадлежит к моему доброму, великому народу, что, как говорил Маугли, «мы с ним одной крови».

А. Р. Дитя

Асааеаиоге

Не могу сказать, что являюсь постоянным читателем «Лехаима». Но вот попала в руки подборка журнала за позапрошлый год, и оказалось, что и там много интересных для меня материалов. И среди них статья М. Гейзера «Светлая легенда века» (№ 7, 2001). Всем хороши эти заметки, кроме абзаца на с. 29: «Здесь напрашивается еще одно отступление, дабы подчеркнуть поистине невероятную популярность светловского стихотворения. Об этом рассказал Евтушенко: «В стихах заключенного Вадима Попова мне попались такие строки.

Ни дитяе аи йи аи «Неаеае,

йа дитяа

Нааеаиу оааа, еае аа, юа.. Ааа а...!»

Йи аи аеае аиу иаиу

èàòíðæííéíãú,

Èíáðòáñááñú óáííóéé:

«Èíëú...»

Какой диапазон от веселой пародии Архангельского до стиха заключенного Попова!..»

Строки стиха замечательные, но сама цитата приведена неточно: составлена из разных частей оригинала. Его я привожу по изданию в коллективном сборнике «Среди других имен» (М., «Московский рабочий», 1990).

Вадим Попов

ÃÐÃÍÃÄÃ - ÈÎËÛÌ Æ

Ñáí ùþ ïí ïíééíóé,

óóæ áíááàòü

÷òíá çàí èþ áÃðáíááá

èðáñòüÿí àí ïòáàòü

Ãáðí óéíÿ' èç òáã

ðí ñí òè: áñéèð ï áñò

è áñéíðá, áááíÿá,

íííæ ïíá áðáñò.

Ñí ðí ñé áá ïí áð:

— Ñéáæé, íá ððáí à

ñáæáñí òááá, èæé áá

ÿòá Ãðáí à ?

Ãéááí æé ïí, èæé ñí áá

è èðáñí æé, èæé ïéíí,

à ïí áð ïðæé:

— Õú íáí áðééé ðí èíí!

Ñóáñáú èíéáñ

÷óòü íá ñééíí ñóí à

Ðáðééí ïí Ñí:

ááñÿòüéáð, Èíëúí à

Í í ì üë çîëî òèøéí,
ñëáü í á òáý,
è í áë, éàè ì àëü: èøéà:
— Áðáí ààà ì íý!
Í í: òè Ýëüü òááí —
òòò çîëî òà òüü à
Áðáí ààà, Áðáí ààà,
ì íý Èíëü ì à!
Í í áü ì àëè çüüü
ñðáüü éà ò í òáé í é ì äëü,
è ì áðò áü á áüü
øüü í öè:
Èíëü...

Там же, в сборнике, в предисловии к разделу стихов сказано:

«Вадим Гаврилович Попов (род. 1925), врач. Участник Великой Отечественной войны. Арестован в 1949 году, будучи студентом. В заключении находился до 1956 года в Джезказгане (Центральный Казахстан). Стихи публиковались в сборниках и периодике».

От себя — я лично знал Вадима Гавриловича - добавлю, что он был репрессирован по политической статье. И перед кончиной был принят в Союз писателей СССР.

То есть речь идет не о каком-то «заключенном» и его «строках», попавшихся пред светлые очи г-на Евтушенко. Но речь идет о стихотворении «Гренада — Колыма» политзаключенного — поэта Вадима Попова.

Самое удивительное в | этой истории то, что Евтушенко и цитируемый им | автор были в свое время лично знакомы, но потом пути-дороги их разошлись. Почему Е. Евтушенко позволил себе такое цитирование? Для меня это остается загадкой.

Может быть, Матвей Гейзер и редакция заинтересуются отгадкой? В любом случае желаю «Лехаиму» дальнейшего роста и новых открытий.

Á. Óáñò àëíá

Èðáí áí ÷ óá

Í í ì òááéà

В минувшем году в «Лехаиме» № 9 (№ 125) на с. 37 в моей статье «Документы — еще не вся правда» после публикации я заметил досадную опечатку. Известный фотохудожник Петр Михайлович

Кримерман, хорошо знавший Н.С. Хрущева, спросил его, что тому известно в связи с планами депортации евреев в 1953 году. В статье сказано: «Н.С. Хрущев несколько минут молчал, а потом сказал: "Я документов не визировал. Все это скорбное, очень спорное дело"». Это — опечатка, меняющая смысл слов Н.С. Хрущева. Фразу следует читать так: «Все это скорбное, очень скорбное дело». Прошу у читателей извинения.

В. Юдэіаа, І ітэаа